

INSPIRIA

«Великолепная утонченность повествования».

L'Hebdomadaire d'Armor

ФРАНСУАЗА

БУРДЕН

Обещание океана

История любви двух
отчаявшихся людей,
которые боялись
любить.

INSPIRIA

Франсуаза Бурден
Обещание океана

Посвящаю моей Низу с искренней любовью

Françoise Bourdin

La Promesse de l'océan

Copyright © Belfond, un département de Place des Editeurs, 2014

© Рац Ю., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1

Маэ вцепилась в руку стоматолога, но не смогла сказать ни слова – она не чувствовала ни губы, ни щеку. Зато ее отпустила ноющая боль, которая не давала спать полночи. Она вернулась к своему старому пикапу, припаркованному недалеко от кабинета врача, и рванула с места так, что взвизгнули покрышки. В машине отчетливо пахло рыбой, но ее не раздражал этот запах. Он был неотъемлемой частью всех автомобилей ее семьи, и когда она еще в детстве однажды фыркнула по этому поводу, родители расхохотались и объяснили ей, что рыбный промысел кормит их всех.

Маэ покинула площадь Мартрэ с ее фахверковыми домами, проехала Ламбаль и направилась в Валь-Андре^[1]. Сезон ловли морского гребешка, который продолжается с октября по апрель, должен был вот-вот начаться. В это время с побережья как раз уедут последние туристы, и скоро оно вновь будет принадлежать бретонцам. Накануне Маэ провела весь день с моряками своей маленькой флотилии, обсуждая график выхода судов. Хотя у нее был диплом и предпринимателя, и капитана рыболовного судна, она предпочитала оставаться на берегу и заниматься делами своей компании. Отец полностью передал управление Маэ; и моряки хорошо ее приняли, поскольку все предшествующие годы она выходила на рыбалку вместе с ними, а еще потому, что она была дочерью Эрвана Ландрие. Когда его разбил инсульт, моряки сочли вполне естественным то, что Маэ взяла дело в свои руки. Ни один из них не высказал недовольства тем, что теперь у руля окажется девушка, в этой среде солидарность была сильнее мачизма. Однако Маэ отнюдь не была наивной и прекрасно понимала, что те, кто на нее работал, просто не могли себе позволить покупку собственного траулера и поэтому рассчитывали только на жалованье в конце месяца. Свои суда Маэ содержала в порядке, платила страховым компаниям, занималась всеми административными вопросами и строго следила за соблюдением законодательства. Благодаря этому моряки выходили в море со спокойной душой и могли думать только о рыбалке. Конечно, солидная репутация, заработанная Эрваном, служила теперь его дочери. Он сумел вовремя

сориентироваться и расширил свое дело, добавив к имеющимся суднам для прибрежного сбора моллюсков два траулера для дальнего плавания. Когда в заливе кончался сезон ловли морских гребешков, моряки выходили в открытое море за морским языком, камбалой, окунем, налимом или барабулькой.

До того, как insult выбил отца Маэ из строя, она целые сезоны проводила на кораблях Ландрие. Она умела чинить драгу и траловую сеть, держать руль в штормовую погоду, прикидывать вес улова, только взглянув на извивающихся посреди палубы рыб. С того времени у нее еще сохранились мальчишеские манеры, но теперь, перестав выходить с моряками в море, девушка старалась следить за внешностью. Она слегка отрастила свои каштановые волосы, и теперь, с челкой и градуированным каре, выглядела более женственной, а сдержанный макияж подчеркивал сине-зеленый цвет ее глаз, напоминающий воды Ла-Манша в ясный день. От джинсов ей так и не удалось отказаться, но она дополняла их белыми блузками и элегантными пиджаками, а зимой стала носить ботильоны на каблуках. Однако, хотя она перестала чертыхаться и пить пиво прямо из бутылки, ее упрямство и вспыльчивость никуда не делись.

Перед деревней Сен-Альбан Маэ повернула направо, к порту Эрки^[2]. Она была очень горда тем, что в порту ее родного города на аукционах ежегодно продается больше десяти тысяч тонн рыбы и моллюсков. Впрочем, теперь это называлось «рынок морепродуктов». За несколько лет все так изменилось! Квоты, сроки, рыбалка группой траулеров. Незадолго до болезни Эрвану уже было трудно в этом разобраться, и он без конца ругался. В конце концов он предоставил все решать Маэ. С трудом разговаривая и передвигаясь, он ожесточился на весь свет и, едва перешагнув семидесятилетний рубеж, считал себя конченным человеком. «Сдай меня в казенный дом!» – повторял он дочери, делано сокрушаясь. Какой дом он имел в виду? Отдыха? Для престарелых? Для слабоумных? Но он вовсе не был слабоумным. Зато часто склочничал и легко поддавался приступам ярости. Маэ стойко держалась, да у нее и не было другого выхода. Совместный быт с отцом то и дело выводил ее из равновесия, но она продолжала руководить компанией.

Присутствие в доме вечно раздраженного отца и семейное дело, которое не давало никаких передышек, почти не оставляли Маэ

шансов на личную жизнь. Ее это даже не расстраивало – она еще не оправилась от потери своего жениха. Ей больше не хотелось думать об этом, но по ночам ее часто мучили кошмары.

Маэ представляла себе бушующее море в ночном мраке, ледяной холод, который охватил упавшего за борт Ивона, его смертный ужас, его крики, уносимые ветром. Панику моряков на борту. Спасательные круги на воде, лучи прожекторов. Только что мог различить Ивон в этом хаосе? Наверное, он отчаянно боролся, захлебываясь в волнах, обрушивающихся на него. А потом наступала мучительная смерть, и его тело медленно опускалось на дно. Маэ снова видела, как траулер входит в порт. Получив утром сообщение по радию, она ждала на набережной, стуча зубами от холода и захлебываясь от рыданий. Шел дождь, под ледяным шквалом качались стоявшие на якоре корабли. Траулер наконец подошел к причалу и пришвартовался. Она увидела лицо отца, искаженное горем и чувством вины. За его спиной, опустив головы, молча крепили тросы двое моряков. Появился представитель капитана порта в сопровождении двух жандармов. Эрван рассказал, что несчастье произошло, когда он резко повернул штурвал, чтобы подняться на волну. Может быть, он сделал это слишком быстро и не успел предупредить о своем маневре. А Ивон, как и большинство моряков на рыболовных судах, никогда не надевал страховочный пояс, даже в шторм. Океан сомкнулся над ним. Его тело так и не нашли, и он считался пропавшим без вести. Отпевание проходило в отсутствие гроба; перед порталом церкви душераздирающе были волынки бретонского оркестра. Маэ казалось, что она умрет от отчаяния. Пока эта женщина не подошла к ней и не разрушила ее самые прекрасные воспоминания, бросив ей в лицо чудовищные слова...

Она резко затормозила у дома из розового песчаника. Этот узкий дом с шиферной двускатной крышей и мансардой, стоящий вплотную к скале, был похож на большинство строений на побережье. Для Эрвана он символизировал начало его успеха: он переехал сюда из рыбацкой лачуги. Позднее он мог позволить себе и более просторное жилище, но у него не было никакого желания что-то менять. Эти стены еще помнили его жену и то счастливое время. Душа Анник жила в фаянсовых тарелках Кемпера с изображениями персонажей бретонских легенд, в нескольких книгах, стоявших на полке, в семействе медных кастрюль, висевших на стене в кухне и давно

потускневших, потому что Маэ никогда не начищала их до блеска; в вышитом вручную покрывале, которым Эрван всегда застилал свою кровать. Он упорно держался за все эти предметы, чтобы они напоминали ему о жене. Он увяз в прошлом и не желал себе в этом признаваться.

Пройдя мимо фасада, Маэ завернула за угол. В боковой части дома, окруженного небольшим садом, был устроен офис компании с отдельным входом. Во времена Эрвана это была просто комната, в которой царил жуткий кавардак, но Маэ без всякого сожаления выкинула старый хлам, когда решила возглавить компанию. Во время длительного пребывания отца в больнице после инсульта врачи давали пессимистичные прогнозы. По их словам, Эрван плохо восстанавливался, и поэтому болезнь будет напоминать о себе осложнениями: его речь и двигательная способность уже никогда не будут прежними. Маэ без колебаний заняла его место, ведь от этого зависело, выживет ли их рыболовное предприятие. Вернувшись домой, отец согласился отдать ей бразды правления, и с тех пор оставил ее в покое, почти не появляясь в своем прежнем офисе, в котором теперь чувствовал себя неуютно.

Маэ села за письменный стол из темного дерева и первым делом прослушала по радио сводку погоды. Зуб больше не болел, но действие анестезии закончилось, и начало покалывать в щеке. Она решила, что врач хорошо сделал свою работу, и ей, пожалуй, будет стыдно из трусости отменять следующий прием. Как большинство людей, она смертельно боялась стоматологов и ненавидела зубоврачебное кресло.

– А, ты дома, – заметил Эрван и переступил порог, тяжело опираясь на палку.

Он вернулся со своей ежедневной прогулки. С глубоко надвинутой на глаза фуражкой и неизменным дождевиком с капюшоном он выглядел как карикатура на бывалого моряка, потрепанного штормами. Однако он не играл ни в бретонца, ни в морского волка – в душе он и был ими и мог гордиться тем, что первым из шести поколений рыбаков выбился из нищеты.

– Я составляю график на ближайшие дни, – сказала Маэ, улыбаясь.

Она всегда старалась быть приветливой с отцом, хотя из-за своего нетерпения часто выходила из себя, когда ей приходилось несколько

раз повторять одно и то же.

– Ты сняла мои фотографии?

С недовольным видом он оглядывал стену за ее спиной.

– Они пожелтели, папа. Но я их сохранила, можешь посмотреть...

– Все-таки это мои траулеры, – проворчал он.

– У них корпуса уже давно изъедены червями, и у нас есть другие, более достойные для демонстрации. Мастер сейчас делает багет для больших фотографий «Жабадао», «Корригана» и «Там бары», они будут готовы на следующей неделе. Они очень красивые, вот увидишь!

Маэ начала с того, что сфотографировала свои экипажи – от капитанов и помощников капитанов до матросов – на фоне порта Эрки. Этот снимок теперь висел над углом длинного стола. На полках, до которых можно было дотянуться рукой, не вставая, теснились кожаные папки, снабженные этикетками с названиями судов и именами моряков.

На столе перед ней стоял компьютер, который она никогда не выключала. Маэ не отказывалась от практики прошлых лет, но приняла на вооружение более современные и удобные методы управления предприятием. Эрван наблюдал за ее действиями со смесью гордости и раздражения. Он был доволен, что она приняла у него эстафету, но его беспокоило стремление дочери расширять дело. Когда год назад она приобрела «Жабадао», он решил, что она идет на чрезмерный риск. Он собирался объяснить ей, что надо бы умерить аппетиты, однако в тот сезон моряки возвращались с такими фантастическими уловами, что он промолчал. Тем более, это судно, купленное по случаю, крепкое и в очень хорошем состоянии, Маэ доверила их лучшему капитану – Жану-Мари, и здесь тоже возразить было нечего.

– Я проголодался, – объявил Эрван. – Мы скоро будем есть?

Он считал более или менее естественным то, что его дочь – глава предприятия, однако это не освобождало ее от обязанности заниматься хозяйством. После смерти Анник она взяла бразды правления в свои руки, и он не видел никаких причин что-то менять.

– Через полчаса, ладно? – ответила Маэ. – Я еще не закончила.

Недовольно ворча, Эрван вышел, с трудом переставляя непослушные после инсульта ноги. Координация движений у него совсем разладилась, он постоянно натыкался на мебель и опрокидывал

мелкие предметы. Маэ вздохнула, когда дверь за ним закрылась. В тридцать лет не стоит жить с отцом, но она все не решалась оставить его одного. Ей очень хотелось обзавестись собственной квартирой, а еще лучше – маленьким рыбацким домиком, который принадлежал бы ей одной, чтобы она могла обустроить его по своему вкусу. Жить независимо, принимать гостей и искать родственную душу, с которой можно обсуждать до утра мировые проблемы. Но она застряла здесь, в этом доме – где родилась, выросла и потеряла мать, едва отметив тринадцатилетие. Конечно, Эрван ни в чем ей не отказывал. «Если хочешь позвать своих друзей – давай, я вам не помешаю, буду тише воды ниже травы». «Тише воды»? Эрван был на это просто неспособен! К тому же она не представляла, как отправить его сидеть в своей комнате, в его же собственном доме. Поэтому она устраивала для приятелей ужины в ресторанах или блинных на Портовой улице.

Маэ ввела в компьютер последние цифры и с глубоким вздохом потянулась. В отличие от матери, она не обладала кулинарными способностями и поэтому часто ограничивалась тем, что разогревала на сковородке или в духовке готовую замороженную рыбу. Еще она умела печь пшеничные лепешки, добавляя в них все, что было под рукой. Эрван ворчал, с сожалением вспоминая таланты Анник, но все равно ел с большим аппетитом.

Маэ сохранила данные и сразу встала из-за стола. После обеда она собиралась выйти на яхте со своей подругой Армель. Всего на несколько часов, чтобы подышать морским воздухом, пока еще стоят тихие, солнечные дни. Ей нечасто удавалось ходить под парусом, и она хотела воспользоваться передышкой. Как только начнется сезон сбора моллюсков, она уйдет в работу с головой и уже не сможет порулить яхтой. Маэ решила, что закажет еду и они с отцом вполне удовольствуются блинами с сыром и ветчиной.

* * *

Жан-Мари почти закончил тщательный осмотр «Жабадао» и, выйдя на причал, позволил себе закурить сигарету. Когда Маэ купила это судно, он влюбился в него с первого взгляда – точно так же, как когда-то влюбился в Маэ. Но если своей любви к «Жабадао» он не скрывал, то перед этой молодой женщиной становился немым. И не только потому, что был ее подчиненным. На самом деле он уже давно подпал

под обаяние Маэ, еще в то время, когда Эрван нанял его юнгой. Но тогда она, увы, смотрела только на Ивона, с которым потом обручилась. Жану-Мари пришлось подавить свои чувства и поневоле стать свидетелем подготовки к их свадьбе. Он старался не выходить в море в одну смену с молодым человеком, потому что не мог сдерживать ревность, но, к несчастью, в ту ночь, когда произошла трагедия, они находились на одном судне.

Потеряв равновесие во время резкого маневра Эрвана, он тоже чуть не упал в воду. Но он был привязан тросом и видел, как Ивона швырнуло за борт. В последующие часы, несмотря на шторм, они оставались на месте, описывая круги. В свете прожекторов моряки тщетно вглядывались в воду и совершенно измучились, окликая Ивона, пока вокруг них бесновались огромные волны. Они оставили свои попытки, только когда судно чуть не опрокинулось. На всю жизнь Жан-Мари запомнил крик Эрвана по радиосвязи, его срывающийся голос. Тогда же он впервые заболел: его рвало желчью, которую волны, захлестывающие палубу, мгновенно смывали. Он чувствовал вину за то, что ревновал к Ивону, и отчаяние от того, что не смог его спасти. Всю обратную дорогу в порт мысли моряков были только об Ивоне. А потом Эрван стал повторять все тем же срывающимся голосом: «Боже мой! Моя дочь!» – пока Жан-Мари и другой моряк подавленно молчали.

Он раздавил сигарету и сделал несколько шагов. Было еще полетнему тепло, но в эти первые дни октября большинство туристов уже уехали, и Эрки снова становился просто рыболовным портом. Жан-Мари остановился и обернулся назад, чтобы полюбоваться на «Жабадао» издали. Когда Маэ доверила ему судно, он испытал к ней горячую благодарность. На борту этого глубоководного траулера он мог выходить в открытое море и ловить сибаса и мерланга на пятидесятиметровой глубине. Он всегда просил, чтобы вместе с ним отправляли маленького Кристофа – парень отличался способностями в поиске косяков рыб и к двадцати годам уже стал очень хорошим моряком. Он тоже обожал «Жабадао» и даже разговаривал с ним, а по возвращении в порт заботливо подкрашивал его борта. Иногда он вставал на мостике и, громко напевая, приплясывал и притоптывал, изображая танец «Жабадао» – что-то вроде бретонской джиги.

Жану-Мари вдруг захотелось кофе, и он повернул на улицу с закусочными. По дороге ему встретились две молодые женщины в шортах, подчеркивающих их загорелые ноги. Сезон заканчивался, они явно были одними из последних курортниц. Проходя мимо и держась рука об руку, они улыбнулись ему. Он знал, что девушкам нравится его спортивная фигура, выразительное лицо и черные глаза, но почти не пользовался этим. Его сердце принадлежало Маэ. После гибели Ивона он долго ждал, надеясь, что ее горе понемногу утихнет. Прошел год, за ним – другой, за это время он сдал экзамен и получил диплом капитана рыболовного судна. Он часто интересовался у Эрвана его дочерью, но тот вместо ответа бросал на него такой угрюмый взгляд, что отбивал всякое желание продолжать расспросы. В начале каждого месяца Жан-Мари давал себе обещание перестать робеть и пригласить, наконец, Маэ на бокал вина или на ужин, но месяц проходил, а он так и не мог набраться храбрости. Ему не хотелось, чтобы это выглядело как обхаживание дочки патрона, к тому же, когда она оказывалась рядом, он буквально язык проглатывал. Сезоны рыбной ловли следовали один за другим; потом Маэ стала его начальницей, но это ничего не изменило. Тем более, она его ценила и считала другом, полностью доверяя ему в деле. Вот так, зная ее уже десять лет, Жан-Мари не продвинулся ни на шаг. Он твердил себе, что кто-нибудь другой на его месте не мучился бы сомнениями, что однажды она влюбится в какого-нибудь более предприимчивого мужчину, – но ничего не помогало. Она не подавала ему никаких знаков благосклонности, а он не осмеливался сделать первый шаг.

Жан-Мари сел на террасе, заказал кофе и закурил новую сигарету. Сейчас он встречался без всяких обязательств с очаровательной девушкой – впрочем, как и с другими до нее. Сколько еще он сможет продолжать в том же духе? Он хотел иметь семью, но для этого нужно было забыть Маэ. Или решиться поговорить с ней, но он боялся краха собственных иллюзий.

Над портом с пронзительными криками привычно носились чайки. Жан-Мари рассеянно следил за их кружением. Море по-прежнему оставалось для него лучшим лекарством: за штурвалом «Жабадао» он думал только о рыбалке. Да и вообще, он обожал свою профессию и не променял бы ее ни на какую другую.

* * *

– Пломба в моляре – это как клин, вбитый в бревно: чем больше вы жуετε, тем глубже ее загоняете, пока зуб не расколется.

Маэ зачарованно смотрела на экран с панорамным видом ее челюсти.

– Полагаю, самым правильным решением будет коронка, – заключил доктор Алан Кергелен.

– И, наверное, самым дорогим?

Он повернулся к ней, снисходительно улыбаясь:

– В вашем возрасте, мадемуазель Ландрие, оно того стоит. У вас больше нет никаких проблем, ваш зубной ряд безупречен. И если бы вы вовремя вылечили кариес...

– Я боялась.

– Чего? Сейчас не Средневековье, я не пытаю пациентов клещами!

Он отвел монитор в сторону, чтобы она могла встать с кресла.

– Эта коронка потребует много визитов?

– Несколько.

Маэ подошла вслед за ним к письменному столу и села напротив.

– Я думала, что мы закончили в прошлый раз, – со вздохом произнесла она.

– В прошлый раз я только прочистил канал, удалил нерв и положил лекарство. Зуб мертвый, оставлять его так нельзя, его нужно закрыть.

Кончиками пальцев он нетерпеливо постукивал по столу, ожидая ее решения. Смирившись, она достала из сумки записную книжку.

– Ладно, назначайте день. Только, прошу учесть, я довольно занята!

– Я тоже, – ответил врач, не скрывая раздражения. – Четверг, в три?

Она коротко кивнула и записала дату. Назначив ей два следующих визита с интервалом в несколько дней, доктор встал, чтобы проводить ее к выходу. В этот раз он показался Маэ гораздо менее симпатичным, чем в прошлый, и она чувствовала себя не в своей тарелке. Должно быть, вид у нее был очень обескураженный, потому что, открывая перед ней дверь, он предложил:

– Хотите, я сделаю вам предварительный расчет? Тогда вы сможете платить частями.

– Спасибо, но в этом нет необходимости. Просто скажите мне примерную сумму.

– Примерную сумму? – повторил он недоверчиво.

И расхохотался, качая головой.

– Я приготовлю к четвергу детальный счет.

Доктор Кергелен смотрел ей вслед, когда она уходила под мелким дождем, так называемой «бретонской изморосью», от которой асфальт блестел, как зеркало. Он закрыл дверь, и его губы дрогнули в усталой улыбке. Обосновавшись пять лет назад в Ламбале, он надеялся, что начнет здесь практику с нуля и будет жить тихо-спокойно, но он сильно ошибся. Его давнишние пациенты из Сен-Брие очень обрадовались его возвращению, несмотря на долгое отсутствие, и народная молва быстро сделала свое дело. Зато теперь он был занят все дни напролет и почти не вспоминал о своей прошлой жизни. Возвращаясь вечером домой, он хоть и не чувствовал себя счастливым, но, по крайней мере, испытывал умиротворение.

Звон инструментов на металлическом подносе напомнил ему, что ассистентка наводит у него в кабинете порядок. Рабочий день закончился, он мог уходить. Алан надел свою кожаную куртку и пошел прощаться с Кристиной. Он полностью доверял ей и не переставал радоваться, что снова нашел свою ассистентку, переехав в Ламбаль. Она была старой девой и, получив несколько небольших наследств, не нуждалась в заработке, но за многие годы работы с доктором в Сен-Брие сильно привязалась к нему. Узнав, что он снова открывает кабинет в этом округе, она сразу же приехала, прежде чем он успел нанять кого-нибудь другого.

– До свидания, Кристина. Закройте кабинет сами...

Его автомобиль-кабриолет с кадуцеем^[3] на приборной панели был припаркован в двух шагах отсюда. Покинув Ламбаль, Алан поехал по второстепенной дороге, ведущей в лес Сент-Обен. Дом, в котором он теперь жил, был найден случайно по объявлению в газете, и к тому времени он уже довольно давно был выставлен на продажу. Его архитектура напоминала о замках XVII–XVIII веков на острове Сен-Мало. По-видимому, его построил разбогатевший судовладелец, желавший жить в деревне. У дома была двускатная крыша с остроконечными мансардными окнами, узкими дымоходами и беленые стены с гранитной облицовкой. Это было строгое и величественное здание; его неширокие, но высокие окна выходили с одной стороны в запущенный парк, а с другой – в лес. Алан влюбился в него с первого взгляда и, не раздумывая, вложил в покупку все деньги, оставшиеся у него после дорогостоящего развода. Чтобы открыть кабинет, ему

пришлось влезть в долги, но в тот момент его это нисколько не заботило – он хотел начать жизнь с чистого листа.

Алан приехал домой, когда уже спустились сумерки, и подумал, что скоро будет возвращаться в полной темноте. Его первой заботой было проведать Патурес, рыжую кобылу. Это бретонское имя переводится как «Пастушка», но обнаружив, что она боится овец, он ограничился коротким Пат. Впервые в жизни он мог позволить себе держать дома лошадь и с удовольствием пользовался этим, совершая чудесные прогулки по окрестным лесам. Верхом он добирался до самой деревни Сент-Эспри-де-Буа или до леса Уноде, в котором изучил каждую тропинку. Верховая езда многие годы была его любимым видом спорта, но в конце концов он устал от конных клубов и теперь жаждал одного – прогулок в полном одиночестве.

Одиночество он выбрал сознательно после всех неудач и разочарований. Недавно ему исполнилось сорок лет, и он больше не хотел связывать себя обязательствами с кем бы то ни было.

– Привет, моя красавица!

Опершись о дверцу стойла, он несколько минут любовался своей кобылой. Она была хороша: золотисто-гнедая, с грациозными ногами в белых пятнах, с изящной головой и умными глазами, что свойственно чистокровным лошадям. Несмотря на пугливость, через несколько месяцев она стала доверять ему и сейчас подошла поближе, чтобы он погладил ей ноздри. Порывшись в карманах джинсов, он достал кусок сахара и протянул ей ладонь.

– Сегодня уже поздно, но завтра мы с тобой прогуляемся, обещаю!

Он договорился с соседом-фермером, что тот будет приходить кормить кобылу и время от времени выпускать ее побегать в загоне. Чтобы она не скучала в одиночестве, Алан купил для нее козу, и та следовала за ней как тень.

– Спокойной ночи, девочки! – сказал он, опуская крышу стойла.

Два денника и небольшой сарай для упряжи уже были в пристройке задолго до того, как он купил дом, и это подтолкнуло его к решению. К тому же агент по недвижимости честно сказал ему, что дом стоит на отшибе, вдали от других домов. Алан именно того и хотел, и сделка состоялась немедленно.

В холле пахло мастикой, что выдавало приход экономки. Алан подозревал, что она использует бытовую химию больше, чем нужно,

чтобы оставить доказательства своей работы, но неважно – ему было приятно, что в доме чисто. Он вошел в кухню – обширное помещение, в котором проводил большую часть времени. Кто-то из предыдущих владельцев, должно быть, снес перегородки, и получился просторный зал. В глубине его стояла вся необходимая бытовая техника с внушительной, в шесть конфорок, плитой посередине.

На противоположной стороне находился камин, по бокам которого располагались удобные клубные кресла с потемневшей кожаной обивкой, а посередине зала – приобретенный на аукционе монастырский стол в окружении бретонских стульев с резными спинками. Вдоль самой длинной стены в проемах между окнами размещалось несколько этажерок, заполненных тарелками, книгами или компакт-дисками. Все вместе выглядело необычно, но очень уютно. Алан разжигал камин и при его ярком пламени читал, слушал оперу, разогревал еду, приготовленную экономкой, и смаковал винтажные вина. У него не осталось средств на обустройство погреба, и он пил то, что покупал.

Наполнив бокал, он бросил взгляд на почтовую корреспонденцию, лежавшую на столе, и бегло просмотрел несколько реклам, счет за электричество и банковскую выписку. Все, что касалось его врачебной деятельности, приходило на адрес кабинета в Ламбале, здесь он почти ничего не получал.

Алан поджег уже сложенные в камине поленья, вставил в плеер диск с оперой «Тоска» и уселся поудобнее в кресле. Поглощенный музыкой, он неотрывно смотрел на огонь, а его мысли текли сами собой. Он почти никогда не думал о Луизе, своей первой жене: это доставляло ему слишком сильную боль, и он старался не беречь рану. Ее сбил какой-то лихач, въехав на тротуар, и она погибла на месте. Водителя так и не нашли. Алан был недалеко от нее в момент удара, но он выходил из магазина и ничего не успел сделать. Вместе с ужасом он испытал нестерпимое желание мести. Его душила такая ярость, что если бы он смог догнать водителя, то избил бы его до смерти. Ему было 27 лет, а Луизе – 24, и они были женаты всего два года. Вскрытие показало, что она была беременна, и она об этом даже не знала. Прошло много времени; Алан начал встречаться с женщинами, но ярость не утихла и мучила его по-прежнему. Во время одной из своих бесчисленных бессонниц он понял, что разрушает себя

и что ему надо жить дальше. Он бросил Ренн и переехал в Сен-Брие. Поскольку учился он долго – сначала общей медицине, потом стоматологии, которую обожал, – к тому моменту, когда произошла трагедия, он всего год работал врачом. Следующие два года прошли как в тумане из-за терзающей его боли и полного безразличия к своей профессии. Создать что-то на новом месте стало вопросом выживания. И действительно, в Сен-Брие он быстро оброс новой клиентурой, а потом встретил Мелани. Она была полной противоположностью Луизы: экспансивная, горячая, предприимчивая. Он женился на ней спустя четыре года, перевернув, таким образом, эту страницу жизни.

Алан встал с кресла, увеличил звук стереопроеигрывателя и снова налил себе вина. Мысли о Мелани были не так болезненны, но приводили его в бешенство. То, что он считал любовью, оказалось мошеннической сделкой, в которой его обобрали. Пожираемая амбициями, жаждущая социального успеха, Мелани требовала, чтобы он стал ортодонтом. Установка детям ортодонтических колец, выравнивающих зубы, приносила большой доход и не отнимала у врача много времени. В те годы Алан принимал от тридцати до сорока детей в день и, как автомат, производил одни и те же манипуляции. Каждого пациента он видел не более трех минут – этого времени было достаточно, чтобы надеть кольцо и зафиксировать его, после чего он переходил к следующему пациенту, пока секретарша записывала дату будущего визита, потому что для каждого ребенка процесс растягивался на несколько лет. Это обеспечивало доход его кабинету, но он был очень далек от того, что интересовало его в стоматологии и хирургии с медицинской точки зрения: имплантаты и протезы, то есть все виды восстановления зубов. Мелани смеялась над его недовольством и сомнениями, ей надо было много денег, чтобы осуществить свой грандиозный проект: она была одержима идеей построить в бухте Сен-Брие роскошный бальнеологический центр, ориентированный на богатых клиентов. Она воображала себя во главе этого комплекса, который предоставлял бы все возможные услуги: бассейн с подогретой морской водой, грязевые ванны и массаж с непременно музыкой для релаксации и пушистыми халатами. Мелани мыслила широко и верила в себя безгранично, поэтому, не колеблясь, брала большие кредиты, не слушая предостережений Алана. Начали вспыхивать споры, все чаще и чаще. Когда однажды Алан попытался

помешать ей объединиться с сомнительными партнерами, она вскипела и затеяла развод. В этот момент он даже почувствовал облегчение, потому что уже не был влюблен в нее. Однако он недооценил жадность своей супруги: развод его полностью разорил. Он лишился всего: дома, частной практики; а для того, чтобы ему не пришлось пожизненно выплачивать ей алименты; он оставил ей все до последнего евро. Совершенно раздавленный, Алан вернулся в Ренн, где проходили его студенческие годы, и устроился на работу в отделение челюстно-лицевой хирургии при университетской больнице. Долгое время он не думал ни о чем, кроме работы. Решив, что он получил достаточную прививку от брака и любви, Алан ограничил себя знакомствами на один вечер. А однажды он вдруг понял, что ему плохо в большом городе и не хватает моря. Однако он ни за что на свете не вернулся бы в Сен-Брие, хотя его бывшая жена оттуда уехала. Но тут представился случай получить практику в Ламбале, и он им воспользовался, обрадовавшись, что будет жить в десяти километрах от побережья Валь-Андре.

Алан очень быстро обзавелся пациентами и на следующий год стал подыскивать себе дом.

– А вот и ты, – нежно сказал он белой кошечке, появившейся на кухне. С тех пор, когда она впервые возникла на пороге и положила на коврик в качестве приношения дохлую мышь, она гуляла сама по себе, где хотела. Алан проделал для нее лаз под дверью, чтобы не стеснять ее свободу, но она все равно большую часть времени проводила в доме, хотя он и не знал, где она прячется и чем там занимается.

– Ну что, киска, проголодалась?

Он пересек обширную кухню, насыпал сухой корм в миску и поставил ее на пол около плошки с водой. Нерешительно взглянув на бутылку вина, оставленную на столе, он подумал, что, если хочет выпить третий бокал, надо сначала что-нибудь съесть. Жизнь в одиночестве имела некоторые неудобства: необходимость самому обо всем заботиться, закупать продукты, готовить и убирать дом. Чтобы решить эту проблему, он доверил все хозяйственные дела экономке – энергичной пенсионерке, которая водила свой допотопный «Рено» как танк и ловко управлялась со шваброй. Они почти не пересекались в доме, но Алан с удовольствием общался с ней, когда представлялся случай. Эта чистокровная бретонка, сохранившая местный выговор,

иногда раздражалась забавными бунтарскими речами. Дом она держала в порядке, холодильник был всегда полон, а каждую пятницу она стелила свежее белье. Как-то он спросил, почему именно в пятницу, и она ответила со значением: «На всякий случай».

На случай, если он приведет женщину, разумеется. С ним это случалось не раз, но на следующее утро его неизменно охватывала глубокая тоска. Он не был циничен и считал своим долгом предложить девушке завтрак и поболтать о том о сем, прекрасно зная, что больше ее не увидит. Его недоверие к женщинам со временем только укрепилось; Луиза и Мелани излечили его от серьезных чувств – каждая по-своему. Не желая больше страдать, он закрылся броней и чувствовал себя в ней вполне удобно.

Алан открыл морозильник, достал наугад два каких-то блюда с китайской едой и поставил их в микроволновку. Поднялся ветер и с воем стал кружить вокруг дома и задувать под двери. С минуту Алан наблюдал, с какой деликатностью кошка ест крокеты, обнюхивая каждый кусочек, а потом поднял голову и огляделся. С тех самых пор, как он поселился в этом месте, в его душе наступил мир и спокойствие. Каменные стены казались ему бастионом, защищающим его от внешнего мира, в котором он целыми днями лечил пациентов, находя время для общения с ними. Вечера же принадлежали только ему, и он хотел наслаждаться ими. Слушать любимую музыку, пить хорошее вино, смотреть фильмы из своей богатой видеотеки, читать книгу у камина. Немногочисленные, тщательно отобранные друзья иногда получали приглашение разделить с ним ужин, и в таких случаях он просил свою бретонку приготовить что-нибудь вкусное. Ему совершенно не хотелось одичать или превратиться в мизантропа, он всего лишь пытался защититься от отчаяния, которое временами накрывало его так, что он терял веру в себя.

Запах карри, поплывший по кухне, пробудил его аппетит, и он усилил звук проигрывателя, чтобы Пуччини заполнил собой все вокруг.

* * *

Войдя в гавань, послушная Армель яхта безупречно выполнила маневр, и Маэ подтянула ее буксирным тросом к причалу. От дождя у

обеих намокли волосы, и, несмотря на высоко поднятые воротники дождевиков, вода затекала внутрь, а вместе с ней и холод.

– Это просто фантастика! – с восторгом воскликнула Маэ.

Прогулка длилась не более трех часов, но от сильного ветра маленький парусник летел, как птица.

– Море было спокойным, нам повезло, – согласилась Армель, закрывая дверь кабины. – Пойдем на берег, мне ужасно хочется горячего шоколада.

Пересев в надувную лодку, привязанную к яхте, они обменялись радостными взглядами.

– Согласись, в парусном спорте много приятного, – улыбнувшись, добавила Армель и запустила подвесной мотор.

Подружившись еще в младших классах, они никогда не теряли друг друга из виду. Армель служила в одном из банков Эрки, куда ей удалось перевестись после двух лет работы в Ренне. Ее настойчивое желание вернуться было продиктовано страстью к яхтам, и не успела она приехать обратно, как сразу купила подержанный «Дюфур-31» и полностью отдалась своему увлечению. Как и Маэ, она не представляла себе жизнь без моря, и ни в одном месте во Франции ей не было лучше, чем в родном порту.

– Ты только посмотри на эту чертову прорву «ракушечников», которые устраивают нам пробки! – вскрикнула она.

Сквозь тарахтение двигателя и шум ветра Маэ скорее догадалась, чем услышала шутку подруги. Впрочем, она ее повторяла каждый раз по возвращении на берег. Рыбалка и яхтинг представляли два отдельных мира, несмотря на то что и тем, и другим занимались моряки, а значит, были солидарны. По привычке Маэ искала глазами свои судна среди тех, что толпились в бухте. Поскольку они были окрашены в ее любимые цвета – вишнево-красный и зеленовато-синий, ей почти всегда удавалось их различить.

Выйдя на берег, они причалили буксир и поспешили укрыться в ближайшем баре.

– Довольна прогулкой? – поинтересовалась Армель, падая на стул.

– Сама знаешь, что да. Обожаю твой «Фаэзер», я бы на нем до Америки дошла.

– По-моему, ты уже готова добраться до нее вплавь.

Маэ заказала горячий шоколад, сладкие блинчики и объявила, что не ограничится Америкой и как-нибудь отправится в настоящую кругосветку.

– Как дела у твоего отца? – поинтересовалась Армель.

– Как всегда. По-прежнему ворчит и во все вмешивается. Ты же знаешь – он не желает признавать себя больным.

– Ему и без болезни было бы трудно смириться со старостью. А еще труднее – уступить тебе свое место!

В отличие от Маэ, Армель была очень женственной и, не смущаясь, демонстрировала свои пышные формы. С высокими скулами, решительным подбородком и миндалевидными глазами, она была красива и знала это, но никогда не задирала нос. Когда они шли вместе, первой всегда замечали Армель – высокую эффектную блондинку, но потом все подпадали под очарование Маэ, и это уже стало между ними предметом шуток, потому что они совсем не чувствовали себя соперницами.

– Не представляю, как ты его выносишь. Каждый раз, когда я встречаюсь с твоим отцом, он изображает любезность и задает мне одни и те же бестактные вопросы. Почему я до сих пор не нашла себе мужа, не скучно ли работать в банке и разве меня не должны были уже давно повысить в должности? Как будто я старая дева с незадавшейся карьерой.

Маэ расхохоталась: она прекрасно знала манеры своего отца.

– Он давит на самые больные места и изображает заботу, – призналась она.

С ней Эрван был осторожнее, опасаясь рассердить ее. Вынужденные жить вместе, они старались щадить друг друга.

– Тебе надо всерьез подумать о пансионате для престарелых с медицинским уходом.

– Я не могу, Армель, я буду чувствовать себя виноватой. Избавиться от него, потому что он заговаривается и время от времени злится? Думаю, причина в возрасте и перенесенном инсульте. На самом деле, если не считать некоторых осложнений, отец чувствует себя нормально. Я это вижу, и его врач со мной согласен. Если он не один, он достаточно самостоятелен, чтобы жить дома. Но если меня не будет рядом...

Она не договорила и только покачала головой.

Подруги часто вели откровенные разговоры, и поэтому каждая могла оценить проблемы другой.

– А ты как? Что у тебя с Даном? – спросила Маэ, меняя тему разговора.

– Мы ссоримся три раза в неделю – все три раза, когда встречаемся. У нас ни в чем нет согласия – кроме постели.

– Брось его.

– Я обещаю себе это каждое утро, но когда мы занимаемся любовью, я говорю себе: «Ни за что!» Дан – мужчина для ночи. Днем я его терпеть не могу.

Армель так заразительно расхохоталась, что к ней обернулись посетители бара.

– Ты никогда не берешь его в море? Вы могли бы вместе...

– Он ненавидит ходить под парусом, и я никогда не возьму его с собой, потому что мне захочется выбросить его за борт!

Она снова расхохоталась, но, вспомнив, по-видимому, Ивона, сразу стала серьезной. Они никогда не разговаривали об этом: Маэ до сих пор не оправилась от травмы и не касалась этой темы. На ее горе почти сразу наложилось ощущение предательства, а потом холодная ярость, которая не отпускала ее долгие месяцы. В таком состоянии она не могла поставить крест на этой истории, и, наверное, не сможет никогда. Ивон был ее первой любовью, человеком, которому она безгранично доверяла и который так подло ее обманывал. Он погиб ужасной смертью, но она даже не могла его оплакать и, бессильная отплатить мертвецу, была обречена молча переносить свое горе.

– Ты доверила «Жабадао» Жану-Мари?

– Конечно. Он без ума от этого траулера и говорит, что за всю свою рыбацкую жизнь не встречал лучше. Он действительно очень славный парень и хороший моряк.

– И, между прочим, очень красивый!

– Он тебе нравится? – удивилась Маэ.

– Я бы такого не упустила. По-моему, с годами он стал лучше. Я на днях увидела его в порту с трехдневной щетиной и сигаретой в зубах. Он мечтательно смотрел вдаль, а я немного понаблюдала за ним и подумала: почему я не обратила на него внимания раньше? Может быть, он был слишком молод... Но теперь – в самый раз!

Маэ подмигнула Армель.

– Хочешь, устроим дружеский ужин в ресторане? – предложила она, кладя деньги на столик.

– Давай! Позовем вместе с ним еще двух-трех приятелей, каждый заплатит за себя – короче, все просто, без всяких приготовлений. Только не садись рядом с ним!

Армель не совсем шутила: ей уже не раз нравились парни, которые, невзирая на все ее усилия, смотрели только на Маэ.

Когда они вышли на улицу, дождь закончился, но его сменил ледяной ветер. Осень начиналась плохо, о бабьем лете нечего было и думать.

– Кстати, ты довольна стоматологом? – спросила Армель, надевая свою промокшую фуражку.

– Да, и ты была права: он лечит без боли.

– Вот именно. Я сама жутко боюсь стоматологов!

– Я тоже. Но мы с ним еще не закончили: он должен поставить мне коронку. Надеюсь, он потом не выпишет мне безумный счет!

Молодые женщины распрощались, и Маэ направилась домой. Эрван, наверное, давно ждал ее и дулся – как всегда, когда она исчезала из дому на несколько часов, особенно если уходила развлекаться. Он, конечно, обязательно заметит кислым тоном, что ей следует заниматься их делами, а не кататься с подружкой на идиотской яхте. Яхтсмены вызывали у него раздражение своей бесполезностью; послушать его, так надо вообще закрыть для них бухту, чтобы они не мешали рыбакам. Кроме того, он пренебрежительно относился к Армель, считая ее нахалкой и вертихвосткой.

Маэ часто думала – откуда у него такое отвращение к ее лучшей подруге? Была ли это ревность со стороны Эрвана? Неужели он хотел, чтобы его дочь полностью посвятила себя компании и дому, отказавшись от всех развлечений? Став вдовцом, он как будто ожидал, что Маэ заменит ему Анник, и совершенно не осознавал, как эгоистично его желание.

Проходя мимо табачной лавки, она увидела выходящую оттуда женщину с маленьким мальчиком и остановилась как вкопанная. Не чувствуя холода, Маэ смотрела им вслед. Значит, Розенн вернулась в Эрки! Розенн и этот ребенок, чьего имени ей даже не хотелось вспоминать. Она помнила только эту женщину и ее невероятные откровения. Это произошло перед церковью. Бретонские волынки

замолчали, когда из уст незнакомой женщины на нее обрушились чудовищные слова. Присутствующие, стоявшие в ожидании, когда они смогут обнять Маэ и выразить ей соболезнование, отпрянули в сторону, предвидя скандал. Маэ ничего не хотела слышать, не хотела верить, но ей пришлось признать очевидное. Такую ложь придумать было невозможно. К тому же женщина начала совать ей в лицо свидетельство о браке, а потом так яростно выхватила из сумки пакет с фотографиями, что некоторые упали в грязь прямо перед ними. Увидев на снимках лицо Ивона, Маэ наклонилась, чтобы подобрать их. С затуманенными от слез глазами она все-таки узнала родное лицо, нежную улыбку и влюбленный взгляд Ивона, которые принадлежали лишь ей. Вот только смотрел он не на нее и не благодаря ей улыбался и светился счастьем. На снимках рядом с ним была женщина с младенцем на руках. Трогательная семейная сцена, иллюстрация к двойной жизни Ивона...

Она увидела, как Розенн повернула на одну из улиц, держа ребенка за руку. Сына Ивона. Ребенка, которого он признал своим и засвидетельствовал это официально. Похож ли сын на него? Сколько ему сейчас лет? Маэ не успела рассмотреть мальчика внимательно, она видела только Розенн.

Она чуть не бросилась бежать, чтобы нагнать их. Но что-то помешало ей: и это был страх, что незажившая рана снова начнет кровоточить. Раздираемая противоречивыми чувствами, измученная гневом и горем, Маэ прокляла Ивона, но замкнулась в молчании. Пересказывать бесстыдную ложь того, за кого она собиралась замуж, казалось ей дополнительным унижением. Она спокойно выслушивала соболезнования, слова утешения и единодушные похвалы в адрес покойника, на которые не скупилось ее окружение, однако внутри она вся кипела. Но даже если бы она открыла всю правду, это бы не освободило ее отца от чувства вины. Резкий поворот штурвала, который швырнул молодого человека за борт, навсегда останется на совести старого моряка, и он никогда себе этого не простит. Разоблачение Ивона ничего бы не изменило. И поэтому Маэ выбрала молчание. Она не пыталась узнать – кто эта Розенн, где живет, как оказалась возможна эта двойная жизнь. Она подвела черту и похоронила случившееся на самом дне памяти, решив, что прошлое останется в прошлом. Навсегда. Только спустя несколько месяцев

после трагедии она рассказала всю правду Армелю, когда однажды вечером они обе выпили лишнего. Но у Армеля был достаточно сильный характер, чтобы сохранить это в тайне, что она и доказала впоследствии.

Маэ развернулась и побрела домой. Эта внезапная встреча с Розенн и мальчиком потрясла ее. Вихрь вопросов кружился в ее голове, и ни на один она не могла найти ответа. С уходом лета заканчивался туристический сезон, зачем же она приехала? Возможно, у нее в Эрки есть родственники? До сих пор Маэ не желала о ней знать и действительно ничего про нее не знала. Она лишь вспомнила, как Розенн утверждала, что приехала только на похороны. Приехала откуда? И потом, это же были не настоящие похороны. Она хотела во что бы то ни стало присутствовать в церкви на панихиде? Чего она ожидала от этого столкновения с соперницей? Ее лицо было искажено горем, голос прерывался от рыданий, но как она могла продолжать любить мужчину, который собирался жениться на другой? Ивон не заслуживал такого горя, он предал их обеих, и своего сына тоже.

Перед воротами дома Маэ немного постояла, чтобы успокоиться. Эрван, наверное, уже потерял терпение и будет сердиться, но сейчас это было неважно. Снова хлынул дождь, и ее охватил озноб. Начинался сезон рыбалки, и ей совсем не хотелось схватить простуду. Она должна найти в себе мужество и забыть эту встречу перед табачной лавкой. Маэ решительно толкнула ворота.

2

– Вам действительно трудно сидеть спокойно? – спросил Алан сдержанно.

После укола анестезии в десну Маэ пришлось перетерпеть неприятный вкус крови, острый и раздражающий звук бормашины, а потом у нее во рту поочередно побывали разные инструменты. Побелев от страха, она ерзала в кресле, словно хотела в него провалиться.

– Это всего лишь слепочная ложка, – объяснил врач, помахав металлическим предметом, наполненным отвратительной розовой массой. – Посидите спокойно три минуты, и я закончу. Это абсолютно безболезненно. Впрочем, если почувствуете малейшую боль или дискомфорт, просто поднимите руку.

Маэ послушно открыла рот, чтобы дать ему продолжить, но почти сразу же на нее накатил такой приступ тошноты, что она взмахнула сразу двумя руками и сбила защитные очки с доктора Кергелена.

– Простите... мне показалось, что вы что-то воткнули мне в горло, и я не могла дышать.

Он положил слепочную ложку на столик, наклонился, подобрал очки, потом снял перчатки и молча надел новые.

– Эта штука слишком большая, – сказала она недовольно.

– Есть несколько размеров, эта соответствует размеру вашей челюсти.

Доктор был раздражен, но все-таки сохранял подобие улыбки. Он явно привык к таким выходкам своих пациентов.

– Попробуем еще раз? – предложила Маэ, смирившись.

– Да, начнем сначала.

Он сделал знак своей ассистентке приготовить новую смесь из этой тошнотворной розовой массы. Маэ видела его усталое лицо, скрытое за маской и очками. Она попыталась расслабиться, но когда он снова попросил ее открыть рот, она вцепилась в подлокотники кресла.

– Я скоро закончу, дышите ровно.

Маэ сосредоточилась на отвратительном хлюпанье слюноотсоса, а потом принялась пересчитывать ячейки операционной лампы над

головой.

– Ну вот! – торжествующе объявил Алан.

Ассистентка подала Маэ раствор для полоскания, отвязала салфетку на шее, выполнявшую роль слюнявчика, и отодвинула подставку бормашины, чтобы девушка могла встать.

– Не пейте горячего пару часов, – посоветовала она.

Алан снял маску, очки, перчатки и задумчиво посмотрел на Маэ, словно спрашивая себя, не прописать ли ей перед следующим визитом успокаивающее средство. Но он только сказал:

– Слепок я отправлю протезисту. Через десять дней придете примерять коронку.

Его белокуро-пепельные волосы, светло-серые глаза и атлетическая фигура, должно быть, покорили женщин с первого взгляда. Но Маэ не любила пресыщенных мужчин. Ее раздражала его дежурная улыбка и подчеркнуто-спокойные интонации, из-за которых она чувствовала себя идиоткой. Накидывая дождевик, она что-то вежливо пробормотала и торопливо направилась к двери.

После ее ухода Алан вздохнул.

– Она немного истерична, вам не кажется?

– Она просто испугалась, – возразила Кристина. – Вы же знаете, что пациенты приходят в ужас, когда садятся в это кресло.

Они оба засмеялись, и Алан заметил:

– Имидж нашей профессии выиграл бы, если бы мы больше общались с пациентами. Уже довольно давно лечение зубов стало безболезненным. Раньше и теперь – разница огромная... Я полагаю, мадемуазель Ландриэ была на сегодня последней?

– Совершенно верно. Вы можете уходить, я закрою кабинет.

– Не знаю, что бы я без вас делал, – ответил Алан.

Он повторял это каждый вечер, но не по привычке, а потому что так и думал. Мысль о том, чтобы найти другую ассистентку и заново учить ее, приводила его в ужас. Кристина знала его метод работы, его требования и причуды, она предвосхищала его действия и чувствовала, когда нужно остаться и помочь, а когда, наоборот, – оставить его одного и идти заниматься своими делами. Она восхищалась им как врачом-практиком, уважала как босса и с удовольствием делилась с ним своими размышлениями. У нее было прекрасное чувство юмора, и она никогда не допускала ни малейшей двусмысленности в их

отношениях. И все-таки он подозревал, что она испытывает к нему что-то вроде материнского инстинкта, который ей не удалось реализовать.

– Доктор...

Снимая халат, он обернулся к ней.

– Сегодня третье октября.

– Да, и что?

– *Уже* третье октября.

– О, мне очень жаль, но почему вы ждали три дня, чтобы напомнить мне об этом?

Она сама заполняла чек на зарплату, но он должен был его подписать. Алан взял со стола старомодную чернильную ручку с пером, которую особенно любил.

– Она течет, – предупредила его Кристина.

– Я не могу писать ничем другим.

Это был подарок Луизы на вторую годовщину их свадьбы, и он был особенно дорог ему, потому что три дня спустя ее не стало. И когда он держал ручку, он как будто держал за руку Луизу.

– До завтра, – попрощался он с Кристиной, протягивая чек.

Выйдя на улицу, Алан решил выпить пива в порту Эрки. Он любил смотреть на корабли и слушать разговоры у барной стойки, когда приезжих уже не было и оставались только рыбаки, толкующие о своих делах. Иногда он доходил по пляжу Гуэн до самого мыса ради того, чтобы полюбоваться открывавшимся оттуда видом. И раз в неделю обязательно отправлялся на набережную, покупая у рыбаков на причале только что выловленную рыбу. Алан привык к этому с детства, когда мать ходила с ним на рынок в их родном городке Канкаль. С тех пор он сохранил воспоминание о вкусе устриц, пахнущих йодом, и необоримую страсть к морю. Ему необязательно было видеть его каждый день, но уехать от него он не мог. Сегодня ему хотелось просто выпить кружечку пива среди людей, и он припарковался возле своего любимого бара. Сев в зальчике, потому что вечера становились довольно прохладными, он стал наблюдать за входящими.

Мимо барной террасы прошла молодая женщина, и он узнал в ней Маэ. Она шла с полными пакетами – по-видимому, из супермаркета. Он увидел, как она остановилась, поставила пакеты на тротуар и,

вынув из кармана дождевика салфетку, вытерла рот. Ее явно беспокоила травмированная при анестезии десна. Как ни странно, этот обычный жест чрезвычайно тронул Алана, и он провожал ее взглядом, пока она не исчезла окончательно. Ее решительный, почти властный вид совершенно не вязался с его недавними впечатлениями о ней. Сейчас он понял, что она красива, хотя почти не обратил на нее внимания у себя в кабинете. Впрочем, он никогда не видел в своих пациентках женщин – это было его незыблемым правилом, которому он не собирался изменять. И все-таки ему пришлось признать, что она прелестна... Он не знал, чем она занимается – они об этом не говорили, но, конечно, он успеет спросить об этом в следующий раз.

Алан положил деньги на столик, решив, что пора вернуться домой и проведать свою кобылу, а кроме того, послушать новый диск с записью моцартовского «Дон Жуана», который должны были уже доставить с почты.

* * *

Эрван дожидался возвращения Маэ, не находя себе места от скуки и раздражения. К чему столько визитов к стоматологу? У нее безупречные зубы, улыбка, как у кинозвезды, что ей еще надо? Он давно заметил, что дочь стала кокеткой. Она так часто меняла одежду, что он не успевал к ней привыкнуть. Где она ее покупала? Он мог бы поспорить, что не в Эрки. Но поскольку дочь никогда не сообщала, куда идет... Конечно, она хорошо управляла компаний – в этом он не мог ее упрекнуть, однако дом был запущен, в нем уже не было такого порядка, как при Анник. И что это за манера – ходить с приклеенным к уху телефоном? И уж конечно, не для того, чтобы звонить отцу!

Эрван не любил оставаться один. В свои лучшие годы он возвращался в дом, где у плиты хлопотала жена, стол был накрыт, а их маленькая дочка уже мирно спала в обнимку с плюшевым медведем. Он стал вдовцом очень рано и до сих пор не оправился от потери. Даже воспитание дочери было ему не по силам. Как понять, что в голове у подростка тринадцати лет? Жены рыбаков по очереди присматривали за девочкой, когда Эрван выходил в море, но, возвращаясь, он никогда не знал, о чем с ней говорить. И тогда он стал рассказывать ей о кораблях, о том, как ловят рыбу, и дочка прекрасно усваивала эти уроки. В шестнадцать лет она уже ловко управлялась со

штурвалом траулера! Позже, когда Маэ влюбилась в Ивона, Эрван снова воспрянул духом. Ивон был отличным моряком, обо всем судил здраво и не боялся высказывать свое мнение. Эрван подумывал, что он станет хорошим зятем, способным со временем возглавить семейное дело. Его радовали приготовления к свадьбе, но потом... После того ужасного случая ему каждую ночь снились кошмары. Его преследовали воспоминания о шторме, о человеке, смытом за борт, о его отчаянных усилиях удержать судно на плаву, о возвращении в порт... Как он мог после этого смотреть в лицо Маэ? В тот день все изменилось. Ему больше не доставляло никакой радости общение с рыбаками, и нечего стало рассказывать дочери. Когда с ним случился инсульт, он почувствовал почти облегчение от того, что больше не нужно бороться с собой. Он бы с удовольствием понежился в больнице еще несколько недель. Но скоро к нему пришло осознание того, что он уже не восстановится окончательно. Его речь была вязкой, каждое слово давалось с трудом, а при вставании кружилась голова. Врачи сказали прямо: последствия инсульта останутся на всю оставшуюся жизнь. Он думал о самоубийстве, но ему не хватило мужества. Как и для того, чтобы похоронить себя заживо в доме для престарелых. Но у него была Маэ – и, будучи хорошей дочерью, она безропотно взвалила на себя эту ношу. Эрван осознавал, что должен испытывать к ней благодарность, но ее не было. И не могло быть. Теперь, когда он лишился своего рыболовного бизнеса и не мог без посторонней помощи подняться на палубу, он злился на весь белый свет. Ненавидя самого себя – во всяком случае, таким, каким он стал – он больше не мог любить никого вокруг.

– А, ну наконец-то! – воскликнул он, услышав скрип отворяемой двери.

Маэ, не сочтя нужным ответить, натянуто улыбнулась и пошла с полными пакетами прямо на кухню.

– Что мы будем есть? – ворчливо спросил отец.

– Придется немного подождать, папа.

– Ты не купила гребешков? Теперь, когда начался сезон, мне не терпится их поесть!

– Завтра куплю. А сейчас приготовлю что-нибудь на скорую руку.

– Как всегда... Не надо есть наспех, Маэ, это очень вредно для здоровья.

Зазвенел звонок, и Маэ поспешно пошла открывать, чтобы избежать очередного бесполезного спора о правильном питании. Увидев на пороге Жана-Мари, она благодарно улыбнулась ему.

– Я подумал, что вы с отцом еще не успели их попробовать...

Молодой человек протянул ей пакет с морскими гребешками, и она расхохоталась.

– Вот это совпадение! Мы как раз сейчас о них говорили.

– Надеюсь, со дна еще не все растащили, – пробурчал подошедший Эрван.

Это была избитая шутка, которой он постоянно потчевал рыбаков. Он взял пакет и придирчиво изучил его содержимое, одобрительно хмыкая. Но, передавая пакет Маэ, он чуть не перевернул его и застыл в замешательстве. Жан-Мари сделал вид, что ничего не заметил.

– Ну я пойду, приятного аппетита!

– Не хочешь остаться выпить что-нибудь?

После минутного колебания он отклонил приглашение и исчез.

Маэ закрыла за ним дверь и задумалась. Жан-Мари был ее лучшим капитаном, она без тени сомнений доверила ему «Жабадао», с удовольствием болтала с ним после работы – и, однако, ничего не знала о его личной жизни. Скромный, пунктуальный, серьезный, он больше десяти лет работал на семью Ландрие, но никогда не откровенничал ни с отцом, ни с дочерью.

– Он все-таки очень славный, наш Жан-Мари, – сказала она отцу.

– Да, хороший парень, – вяло отозвался Эрван.

Маэ внимательно посмотрела на отца, пытаясь понять, что вызвало его недовольство. Отвернувшись, он потащился на кухню, неуверенно переставляя ноги. Он получил свои гребешки, мог бы, по крайней мере, улыбнуться! Она устала от его замечаний, хандры и язвительного тона. Чтобы не злиться на отца, Маэ прибегала к действенному средству: мысленно возвращалась к своей подростковой поре. Он действительно сделал все от него зависящее, чтобы ее жизнь была приятной, несмотря на смерть матери. При всей своей беспомощности он был любящим и ответственным родителем. Не имея представления о нуждах молодой девушки, он на каждую просьбу дочери отвечал утвердительным кивком головы, и в то время Маэ это очень трогало. Расписываясь в ее школьном дневнике, он всегда старался высказать что-нибудь дельное, конкретное, но ему не

удавалось скрыть свое почти полное равнодушие к ее учебе. Сам он плохо учился, но это не помешало ему преуспеть в жизни, о чем он всегда во всеуслышание заявлял.

Только когда дочь начала интересоваться рыбалкой и кораблями, он почувствовал себя счастливым.

– Я приготовлю их, как ты любишь, – сказала Маэ, – чуть-чуть отварю и сделаю соус из сидра.

Он с удовлетворенным видом сел за стол, словно собирался начать есть через пару минут.

– Как твои зубы, все в порядке? Для молодой женщины красивая улыбка очень важна. В мое время на это не так обращали внимание, а сейчас все должно быть идеально! Достаточно посмотреть женские журналы: измените то, переделайте это...

– Ты читаешь женские журналы? – прыснула Маэ.

– Я листаю твои, когда мне скучно.

– Ты скучаешь, папа?

– Мне нечего делать с утра до вечера.

– Проведай друзей, гуляй больше.

– Я плохо хожу, доченька, и быстро устаю. Что касается друзей... Некоторые из них еще довольно активны, а я уже давно вне игры. Мне нечего им рассказать, в моей жизни ничего не происходит. Теперь дело в твоих руках, и я не хочу вмешиваться, да ты и не просишь моих советов. Даже наши матросы смотрят на меня с жалостью, и это жутко раздражает.

– Вовсе нет! Приходи пообщаться с ребятами, когда они вернутся из рейса, развеешься немного.

Маэ предложила это без особой убежденности: ей совсем не хотелось, чтобы он заявлялся на их встречи и встревал в разговоры. Не может быть двух боссов, они оба это понимали. Тем более что она использовала другие методы лова, более современные, которые он постоянно критиковал, так же, как осуждал ее траты на новые траулеры.

– Не хочу подрывать твой авторитет, – великодушно объяснил он.

– И сеять сомнения в головах, ты прав, – отозвалась она.

Эрван бросил на дочь настороженный взгляд. Он не понимал ее юмора и не хотел стать мишенью для ее шуток. Когда она пошла на кухню готовить гребешки, он бросил ей вслед:

– У тебя так и нет друга?

Этот коварный вопрос отец задавал ей регулярно.

Должно быть, он и хотел зятя, и в то же время боялся его появления.

Медля с ответом, Маэ растопила на сковороде кусок подсолненного масла и добавила яблочный уксус.

– Друзья есть, а друга нет.

– Мне так хочется увидеть тебя замужней женщиной, прежде чем я уйду!

– Уйдешь куда?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

– Ты говоришь о смерти? Послушай, папа, но ты же в хорошей форме!

– *В хорошей форме?* Поверь, я бы с удовольствием поменялся с тобой местами.

И будь это в его власти, он поменялся бы без всяких угрызений совести. Маэ положила в сковородку ломтики яблок и ложку сметаны. Она до сих пор не рассказывала ему о своих романах и не познакомила ни с одним из тех парней, с которыми раньше встречалась. Ей не нужны были его непрошенные комментарии – одобрение или, наоборот, осуждение; ей уже не пятнадцать лет. Впрочем, даже тогда она не позволяла ему вмешиваться в свой выбор друзей. Ивона он принял с большим энтузиазмом – без сомнения, потому что мечтал о зятя-рыбаке, которого он сможет учить в свое удовольствие до самой пенсии. Такой зять, конечно же, смотрел бы на жизнь глазами патрона, – а это, по мнению Эрвана, залог успешного семейного будущего!

Маэ машинально подлила сидра и оставила соус загустевать на маленьком огне. Мысли об Ивоне напомнили ей о Розенн. Случайно ли та оказалась в Эрки? Очевидно, что нет. У этой женщины должна была быть веская причина, чтобы приехать сюда с маленьким ребенком, и Маэ очень надеялась, что это никак не связано с ней. Обернувшись, она посмотрела на отца, который даже не дал себе труда поставить тарелки и теперь ждал, упершись локтями в стол.

– Сейчас пожарю гребешки, и через три минуты будем есть, – сообщила она, не сходя с места.

Они обменялись взглядами, и Эрван встал, чтобы принести тарелки. Их повседневная жизнь состояла из таких маленьких столкновений; они вели себя, как надоевшие друг другу престарелые супруги, и Маэ все труднее было это выносить.

* * *

Розенн сняла комнату в скромной гостинице «У Жанны». Шаг, который она собиралась предпринять, смущал ее и унижал, но она не видела другого решения. Ее денежные проблемы стали слишком серьезными, она должна была сделать хоть что-то, хотя бы ради собственного сына.

Выйдя из душа, Розенн увидела, что Артур лежит на кровати, заложив руки за голову, и смотрит телевизор. Он уже сильно походил на отца. При взгляде на него сразу вспоминался Ивон. Для десяти лет он был маленьким и худеньким, но отличался невероятной жизнерадостностью. Розенн хотелось бы создать ему лучшие условия для жизни: уютную домашнюю обстановку, игрушки и путешествия, а вместо этого она таскала его с собой повсюду, следствием чего были постоянные смены школ, обшарпанные съемные комнаты и его вечное одиночество. Ей не удалось ни изменить свою жизнь, ни хотя бы сделать ее стабильной. Работая месяц в одном месте, два – в другом, она временно устраивалась то кассиршей, то продавщицей, а потом снова увольнялась, чтобы попытаться счастья в другом месте. Розенн так и не оправилась от своей влюбленности в Ивона и не могла его забыть, несмотря на все измены. Она познакомилась с ним, когда была еще совсем юной, и несколько месяцев они любили друг друга без памяти. Их страстный, но слишком бурный роман в течение двух лет сопровождали споры, бессонные ночи, разрывы и примирения. Розенн оказалась крайне, болезненно ревнивой, она шпионила за ним и устраивала скандалы. Ивону это надоело, он хотел расстаться. Хуже того, он влюбился в другую – дочь своего патрона, в эту Маэ, маленькую воображалу с мальчишескими манерами. Розенн пустила в ход все, чтобы вернуть Ивона: донимала своей любовью, угрожала самоубийством и выслеживала повсюду. Иногда он уступал, особенно когда возвращался из рейса и хотел секса. Розенн не заблуждалась на этот счет, но пользовалась каждой возможностью, чтобы вновь завоевать его. Маэ стала для нее проклятием; она ненавидела ее, даже

не будучи с ней знакомой, лишь увидев издалека пару раз в порту и на палубе корабля.

К тому времени Розенн уже давно уехала от родителей, живущих в Перрос-Гиррек. Они держали небольшой бар, который постепенно становился убыточным. Устав от выходов своей дочери, которая была взбалмошна и не хотела учиться, они не попытались удержать ее, когда она бросила родительский дом, хлопнув дверью. Розенн хотела посмотреть мир, но пришлось удовольствоваться передвижением по побережью. Не имея ни школьного аттестата, ни какого-нибудь профессионального образования, она, тем не менее, считала себя достаточно красивой, чтобы быстро найти мужчину, который возьмет на себя заботу о ней. И действительно, некоторое время она прожила с дальнобойщиком, который был славным парнем, не требовал от нее многого и даже подыскал ей место администратора на станции техобслуживания. Но ей хотелось бурной жизни; он скучала среди подержанных машин и предпочла стать официанткой в ресторане на побережье в Валь-Андре. Там-то она и встретила Ивона и влюбилась в него до безумия, убежденная, что наконец-то встретила мужчину своей жизни. Когда спустя два года он охладел к ней, она от отчаяния перестала принимать противозачаточные таблетки. Беременность казалась ей последним шансом удержать его, она надеялась, что это все исправит. Увы, было слишком поздно, даже рождение сына его не смягчило. Но смириться она не могла и умоляла его хотя бы признать свое отцовство. Он неохотно согласился. И все-таки ребенок их сблизил. Стоя у колыбели в роддоме, Ивон не мог скрыть волнения и гордости, и у Розенн снова вспыхнула надежда. Разочарование было жестоким, когда она поняла, что любимый все равно к ней не вернется. Он принял отцовство из чувства долга или потому, что не умел отказать, однако по-прежнему был без ума от Маэ и представлял свое будущее только с ней. Потеряв голову от горя, Розенн смогла в конце концов вытянуть из него обещание материальной помощи – не ей, а ребенку. Ивон был не богат, живя только на зарплату рыбака и не имея никаких дополнительных доходов, но регулярно давал Розенн небольшую сумму. Однажды он объявил ей, что собирается жениться на Маэ и уже назначен день свадьбы. Он хотел, чтобы Розенн уехала в другой город, больше всего опасаясь реакции Маэ, если она когда-нибудь узнает, что у него уже есть ребенок. Разумеется, он это скрывал

от нее, что оскорбляло Розенн до глубины души. Значит, он больше с ней вообще не считается? А их ребенок, очаровательный малыш Артур, теперь должен расти изгоем? А ведь он не был каким-нибудь бастардом и носил фамилию своего отца, или Ивон забыл об этом? Розенн то угрозами, то лаской добилась, наконец, обещания, что Ивон будет помогать малышу и время от времени приезжать к ним. Деньги были не самое главное, она хотела, чтобы он не смог забыть ее. Увы, Розенн не осознавала, как глупа и непоследовательна ее тактика. Вместо того чтобы отказаться от мужчины, который ее больше не любил, она продолжала липнуть к нему, и даже если у Ивона иногда против воли просыпалось желание, когда она вешалась ему на шею, он ловил себя на том, что ненавидит ее за цепь, на которую она его посадила.

Через приятеля-рыбака он нашел для нее место официантки в Гангаме, в отеле-ресторане, который работал круглый год. Зарплата здесь была больше, чем в округе, да еще предоставлялась небольшая комната. Таким образом, она смогла уехать из Валь-Андре без особых затруднений и была довольна, что ей не пришлось далеко переезжать. И в этом приятном заведении она случайно узнала о смерти Ивона из газеты, оставленной клиентом на столе. Ничего не соображая, она десять раз перечитала заметку. А потом поднялась в свою комнату и заперлась там. Она долго лежала обессиленная на кровати, свернувшись в комочек, как маленький зверек, пока хозяин отеля не пришел за ней. Некоторое время она еще работала в каком-то оцепенении, но вскоре уволилась. Сын, которого она поручила заботам одной пожилой дамы, томился без нее и скучал, но она не чувствовала в себе сил им заниматься. Проходили дни, и ее горе постепенно превращалось в гнев против Маэ. Когда она узнала, что панихида будет проходить в Эрки, она решила приехать на нее вместе с сыном и выложить всю правду в лицо женщине, которую она ненавидела.

– Что ты смотришь, Артур?

Ружейная пальба на экране вывела ее, наконец, из задумчивости.

– Ну это, как его... – пробормотал мальчик.

Слишком часто предоставленный сам себе, он плохо говорил и был немногословен.

– Какие-то ужасы, – сказала она без особой убежденности.

– Нет, это здорово!

Вздыхнув, Розенн отвернулась. Она любила своего мальчика, хотя и не знала, как себя вести с ним. И, поскольку она его любила, ей нужны были деньги, чтобы дать ему приличное воспитание. Она могла бы попросить помощи у родителей Ивона, но его отец умер два года назад, а мать с трудом существовала на скудную пенсию. К тому же эти люди когда-то были в восторге от помолвки Ивона с Маэ Ландрие, и Розенн больше не хотела иметь с ними дело. Как-то, спустя несколько месяцев после трагедии, она привезла им показать внука, но они выслушали ее историю с таким недоверием, как будто она все это придумала. Даже при виде свидетельства о рождении, которое она сунула им прямо под нос, они скептически качали головами и хмурились. Испив полную чашу унижения и разочарования, она уехала и поклялась больше никогда не возвращаться. Что касается ее собственных родителей, об этом лучше было вообще не думать, поскольку уже лет десять она не давала о себе знать. Оставался только один человек, к которому она могла обратиться, – та самая Маэ. Если эта женщина действительно любила Ивона, может, она не останется равнодушной к судьбе его сына? Раз она не успела выйти замуж и родить с ним детей, то наверняка будет взволнована сходством Артура с отцом. Розенн знала, где живет Маэ, но не находила в себе смелости пойти к ней. От мысли, что придется просить милостыню у злейшего врага, она заболела и ее накрывала волна гнева, но выбора не было. Ее банковскую карту заблокировали, чековую книжку тоже, последние сбережения растаяли. После того, как она заплатит за комнату и сводит Артура в блинную, ее кошелек окончательно опустеет.

Она взяла брошенный на подушку пульт и выключила телевизор.

– Ну, мама! – сердито запротестовал Артур.

– Вставай, пойдем погуляем в порту.

– И будем есть мороженое?

– Нет, я придумала кое-что получше.

– «Макдак»?

– Нет.

– Тогда я не хочу.

Он потянулся к пульту, но она высоко подняла руку.

– Мне надо кое с кем встретиться. С одной дамой.

– Какой?

– Ты ее не знаешь.

– Она добрая?

– Посмотрим.

– А можно я останусь здесь? Обещаю никуда не уходить...

– Конечно, нет.

Она весело протянула ему курточку:

– Одевайся, дорогой, а потом пойдем есть блины!

Понимая, что она собирается использовать его для торга, Розенн почувствовала смутную вину, но тут же отогнала от себя эту неприятную мысль. Как это ни было парадоксально, она использовала Артура для его же блага. Взъерошив сыну волосы, она чмокнула его в шею и взяла дорожную сумку.

* * *

Алан перенес всех пациентов на утро, решив во второй половине дня устроить себе отдых. Теперь, когда стало рано темнеть, ему хотелось воспользоваться последними светлыми вечерами. Перед отъездом из Ламбаля он заехал за покупками, и, вернувшись домой, пошел седлать свою кобылу. Прогулка в лесу с Пат – именно то, что ему было нужно. Среди дубов, буков и каштанов, которые почти не тронула желтизна, он выехал на тропу, с которой начинался его любимый маршрут. От Сент-Обена до Сен-Симфориана он изучил каждую тропинку, знал, в каких местах рельеф позволит ему пуститься галопом, а где перейти на шаг, чтобы понаблюдать за дикими животными. Они часто подпускали его к себе совсем близко, учуяв запах не человека, а лошади. Когда Алан был студентом, ему бы и в голову не могло прийти, что он может испытывать такую безмятежность, такое наслаждение от простого созерцания природы. В то время верховая езда была для него соревновательным видом спорта; участвуя в университетских и региональных состязаниях, он обращал внимание только на препятствия впереди, а не на пейзажи, которые их окружали. Двадцать лет спустя он научился никуда не торопиться.

Горести и разочарования, постепенно изменив его восприятие вещей, изменили и его характер. Он научился беречь себя, не бросаться в омут очертя голову. Отныне он наслаждался каждой приятной минутой, осознавая ее быстротечность, и больше не полагался на других в надежде, что они наполнят его жизнь. Избавившись от Мелани и ее безумных амбиций, он больше не имел

ни малейшего желания богатеть. Но как ограничить поток пациентов? Благодаря его репутации их становилось все больше; многие приезжали издалека, и он был вынужден попросить Кристину вежливо отказывать некоторым из них.

«Работа меня интересует постольку, поскольку я могу делать ее без спешки. Не устраивайте мне конвейер из пациентов, иначе мы будем каждый день заканчивать за полночь!» – часто повторял он ей. Кристина закатывала глаза, но меняла график приема.

Он отвел в сторону ветку, выехал из густого подлеска и пустил кобылу вскачь по самой просторной тропе. До заката еще было время, несмотря на царящие в лесу сумерки. Алан знал, что Патурес несет его галопом по легендарной земле. Все леса Бретани, даже такой малоизвестный, как Пемпон, ошибочно называемый Броселианд, были полны укромных лощин, потаенных прудов и служили обиталищем лесных духов. Достаточно было наткнуться на крошечную полянку, освещенную тонким, как лезвие шпаги, солнечным лучом, пробивающим кроны деревьев, чтобы поверить в волшебство. В детстве Алан всегда засыпал под сказки, которые рассказывала ему своим мелодичным голосом мать. Его брат, который был на четыре года старше, подсмеивался над всеми этими историями о друидах и феях, но Алану никогда не надоедало их слушать.

Он пришпорил Пат, чтобы перескочить через канаву в конце дороги, а потом бросил поводья и пустил кобылу шагом. Порой он скучал по брату, хотя они и общались по скайпу. Людовик жил и работал в Нью-Йорке. После смерти отца мать переехала к нему, и, похоже, ей там очень нравилось, тогда как Алан не представлял себе жизнь в чужих краях.

Он выехал на опушку и решил спуститься до самого Сент-Эсприде-Буа. Кобыла слушалась его беспрекословно, прогулки с ней были одно удовольствие. Он нежно пропустил сквозь пальцы ее гриву и дружески похлопал. Пока его будут наполнять радостью подобные минуты, он будет считать себя счастливым и не станет оглядываться назад. Жизнь достаточно его потрепала, но он нашел лучший выход, сознательно выбрав одиночество.

* * *

Увидев у ворот Розенн, Маэ оцепенела. Но все-таки постаралась взять себя в руки и приняла ее. Но чтобы избежать вмешательства отца, она отвела молодую женщину в свой офис, а мальчику предложила поиграть в саду. Прежде чем он начал протестовать, мать велела ему замолчать, и он устроился у невысокого заборчика, чтобы смотреть на улицу и на прохожих.

– Вы можете присматривать за ним из окна. Думаю, вы хотите поговорить со мной... наедине?

Указав ей на деревянные кресла, в которые каждый вечер усаживались ее капитаны, Маэ обошла большой стол и села напротив Розенн.

Они обменялись долгими настороженными взглядами, прежде чем непрощеная гостья решилась начать:

– Вы, наверное, удивлены?

– Естественно.

– Я пришла не по своему желанию.

Маэ с недоверием ждала, когда Розенн объяснит свое вторжение. У нее должна была быть веская причина.

– С тех пор, как Ивон утонул, я несколько лет вкалывала без продыху, – начала она.

Слово «утонул» резануло Маэ. Она бы сказала «погиб», как говорили все моряки, кроме нее – сама она никогда не упоминала об этом.

– С ребенком на руках трудно найти работу и жилье, – продолжала Розенн. – Будь я одна, я бы справилась, я всегда умела выпутываться, с тех пор как сбежала от родителей, но с Артуром все гораздо сложнее. Чтобы устроиться на работу, я должна оставлять его у кого-то под присмотром, а это съедает мою зарплату.

– Разве он не ходит в школу? – спросила Маэ. Она не хотела, чтобы Розенн вываливала ей свои несчастья, и не понимала, почему эта женщина явилась к ней.

– Ходит, конечно, но я работаю официанткой, и мой график не совпадает с его занятиями!

Розенн замолчала и осмотрелась, задержав взгляд на фотографиях кораблей.

– Вы по-прежнему зарабатываете этим? – спросила она, указывая на фотографии. – Мне бы стало тошно. Но, конечно, рыбалка приносит

доход, вон как у вас красиво...

Маэ предпочла не поддерживать этот разговор; она уже догадывалась, что привело Розенн в Эрки.

– Ивон очень гордился тем, что у него есть сын – кажется, я вам это уже говорила тогда, у церкви.

– Да, говорили.

– Его прямо распирало от гордости, когда он вышел из роддома, – все это заметили. Сын для мужчины значит очень много.

– Думаю, как и дочь, – с иронией откликнулась Маэ, не удержавшись.

– Нет, малыш оказался вылитой копией Ивона, и он был чертовски тронут. Он сразу поклялся, что будет заботиться о нем, мне даже не пришлось просить. И он сдержал слово – каждый месяц давал мне деньги на ребенка. Он всегда интересовался, как там его сын, приезжал к нам, давал чек или наличные. Я знаю, что он не посмел рассказать вам о нем, и это мне понятно! Жениться на дочери своего патрона и когда-нибудь стать хозяином рыболовного бизнеса... было от чего потерять голову, он не хотел от такого отказываться. Но все-таки Артур много значил для него – Ивон, между прочим, его признал, дал свою фамилию и хотел, чтобы у сына было хорошее образование и обеспеченная жизнь. Он был на все готов для него. И если бы не упал с этого чертова корабля, то сдержал бы обещание, и я бы не пришла к вам.

Маэ хранила молчание и с любопытством ждала, до чего эта женщина осмелится дойти в своих притязаниях. Она поняла, что та пришла за деньгами, и это возмутило ее до глубины души. Ивон солгал ей, предал ее, бессовестно вел двойную жизнь, но она совершенно не собиралась теперь нести за нее ответственность.

– Поверьте мне, матери-одиночке трудно воспитывать ребенка. Во всяком случае, у меня не получается.

Розенн подалась вперед, поставила локти на стол и обхватила голову руками. Подождав несколько секунд, Маэ спросила:

– Чего вы от меня хотите?

– Немного понимания. Мы делили одного мужчину. Я это знала, вы – нет, но что это меняет теперь, когда он умер? Мы обе его любили. Если вы решили прожить с ним свою жизнь, значит, у вас было сильное чувство. Его больше нет, согласна, но есть его сын, его

вылитая копия! Вы же не можете остаться к нему равнодушной, правда? У этого ребенка ничего нет. Хорошо, если будет чем накормить его в ближайшие дни. А у вас, судя по тому, что я вижу, есть все...

Так как Розенн продолжала пристально смотреть на нее, нимало не заботясь о том, что делает ее сын на улице, Маэ сама выглянула в окно – убедиться, что мальчик по-прежнему в саду. Он все так же смиренно сидел у ограды, и у нее сжалось сердце.

– Полагаю, вы получаете помощь как одинокая мать, – с усилием произнесла она. – И, наверное, пособие по безработице?

– Ой, заниматься бумажной волокитой ради этих грошей! Послушайте, вы мне отвечаете, как какая-нибудь чиновница! Я не этого ждала от вас.

– А чего вы ждали?

– Ресторан, в котором я работаю, скоро закроется на всю зиму, – вздохнула Розенн, откинувшись на спинку кресла. – И я в безвыходном положении. Думаете, мне было легко прийти сюда? Знали бы вы, через что я прошла! Мне даже нотариус звонил, потому что единственный наследник Ивона – Артур. Правда, там и наследства-то никакого особенного нет, и я не имею на него права, потому что все получит сын, когда станет совершеннолетним. Только никто не интересуется, как ему дожить до этого совершеннолетия!

Она порылась в сумке, вытащила бумажник и театральным жестом вывернула его:

– Смотрите, он пустой!

Помолчав, Маэ сдержанно ответила:

– Что именно вы хотите? Чтобы я вам помогла? Ивон не был честен со мной. Он признал своего сына, хорошо, но скрыл его от меня, как что-то постыдное, а это отвратительно. В любом случае, это ваша история, а не моя. Я не вдова Ивона и не мать его ребенка. Я страстно любила его, это правда, а он обманывал меня. Что бы он сказал, если бы я забеременела? Что он счастлив до безумия, впервые став отцом? Я предпочитаю не думать о том, каким был бы наш брак при таких условиях. Сказав мне правду, вы в каком-то смысле оказали мне услугу – мое горе утихло, я смогла перевернуть страницу...

– А я нет! – перебила ее Розенн. – Я тащу на себе Артура, который не дает мне двигаться вперед! Послушайте, вы должны выручить меня.

Одолжите мне немного денег, я все верну, клянусь.

На лице Маэ мелькнула горькая улыбка.

– Пожалуйста, только не надо кляtv.

С каждой минутой она чувствовала себя все более неловко, не находя в себе смелости принять решение. Она снова бросила взгляд в окно и вздрогнула. Мальчик, по-видимому, отчаянно скучая, подошел к дому и теперь стоял, прижавшись лицом к оконному стеклу. Его сходство с Ивоном отозвалось в ней болью. Она отвернулась и стала мысленно прикидывать, что останется у нее на счете после того, как она заплатит стоматологу. Свободных денег у нее было немного, и она не собиралась разорять кассу своей компании, за которой сама же строго и неукоснительно следила.

– Я могу дать вам тысячу евро, – решила наконец Маэ.

– Всего-то? – вскрикнула Розенн. – Но это ничего не решит, я задолжала куче народу!

– Это ваша проблема.

– Вы богаты, но вам плевать на меня!

– Слушайте, – возмутилась Маэ, – какое право вы вообще имеете требовать?

Ситуация становилась нелепой. Она вынула из ящика стола чековую книжку, спеша поскорее закончить этот разговор.

– А если я оставлю вам ребенка?

– Что?

Рука Маэ повисла в воздухе, и она с изумлением взглянула на Розенн.

– Вы сумасшедшая...

Бедный мальчик не заслуживал таких слов из уст матери, и Маэ почувствовала к нему острую жалость.

– Вам бы я могла его доверить, – оправдывалась Розенн. – Всего на несколько дней, пока не найду работу получше, чтобы держаться на плаву. Здесь ему будет хорошо.

– Я же для него совсем чужой человек! О чем вы только думаете? Ладно, покончим с этим, я дам вам чек на тысячу пятьсот евро. Что бы вы там ни думали, я не могу дать больше. Если у вас есть совесть, когда-нибудь вернете мне их. Но больше не приходите ко мне за деньгами, у меня нет ни малейшей причины вам помогать, вы мне не

подруга, и я не имею никакого отношения к вашему с Ивоном прошлому. Это понятно?

Розенн взяла чек и, угрюмо посмотрев на него, сунула в бумажник. Маэ перевела взгляд на окно. Артур исчез. Маэ встала, торопливо подошла к двери и, распахнув ее, оглядела садик. Сидя на невысокой ограде, ее отец разговаривал с мальчиком.

– А теперь уходите, – сказала она тихо.

Эта сцена сильно взволновала ее, разбудив болезненные воспоминания. Подойдя к мальчику, она заставила себя улыбнуться.

– До свиданья, Артур!

Открыв калитку и выпустив Розенн с сыном, она повернулась к отцу, который с любопытством смотрел им вслед.

– Кто это? – спросил он наконец.

Она ни секунды не думала, что скажет ему правду, и поэтому равнодушно пожала плечами:

– Так, не очень близкая знакомая.

– Красивая женщина, и мальчуган очень славный...

Глаза Эрвана блестели странным блеском. О чем он сейчас думал? Маэ обогнула дом и вошла в его жилую часть. Она не сомневалась, что больше не увидит свои тысячу пятьсот евро, и спрашивала себя, почему так легко отдала их. Розенн действительно была красивой цветущей женщиной и, по всей видимости, справилась бы и с поиском работы, и с воспитанием сына. Действительно ли она была такой безответственной, как показалось Маэ, или просто ломала комедию, чтобы получить деньги, не особенно себя утруждая? Как могло прийти в голову этой женщине просить у нее денег? Она что же, воображала, что для Маэ память об Ивоне священна? Какая, к дьяволу, священная память? Он был лжецом и трусом!

– Ты что-то очень нервная, – пробормотал Эрван, идя за ней следом.

Маэ схватила кастрюлю и с размаху поставила ее на плиту. Она устала жить с отцом, устала ему готовить, устала от его ревнивого выслеживания. Обернувшись, она холодно посмотрела на него. Сгорбленный, с палкой в руке, Эрван выглядел беспомощным стариком. Он много испытал в своей жизни и показал себя мужественным и упорным бойцом. И только insult свалил его, сделав зависимым от других. В данном случае – от дочери, которую он

вырастил сам и которая и была его семьей. Смягчившись, Маэ улыбнулась ему.

– Скоро будем есть, – сказала она ласково.

Но визит Розенн лишил ее аппетита, а личико Артура теперь долго не изгладится из ее памяти.

3

В начале ноября резко похолодало. На побережье и в окрестностях свирепствовал ледяной ветер, от чего холод становился невыносимым.

Рано темнело, и люди спешили домой, подняв воротники и вжав головы в плечи. В этот вечер, около семи часов, Алан попрощался со своим последним пациентом. Из-за отсутствия Кристины, прикованной к постели бронхитом, весь его привычный порядок нарушился, и рабочий день закончился позже обычного. Он открыл дверь приемной, чтобы выключить свет, и застыл, увидев Маэ, сидящую в кресле с журналом в руках.

– Но что вы здесь... Ой, простите ради бога, я совсем забыл о вас! Моей ассистентки сегодня нет, а я не привык работать один, у меня все валится из рук.

Расстроенный, он впустил ее в кабинет и, заглянув в свой ежедневник, тяжело вздохнул.

– Действительно, вы записаны на восемнадцать часов.

– Да, и торчу здесь уже час, – хмуро ответила Маэ.

Алан сложил разбросанные инструменты на эмалированный лоток и взял новые из стерилизатора.

– Садитесь, пожалуйста. Я только сделаю снимок, это недолго. У нас с вами сегодня последняя встреча, и я обещаю, что вы уйдете через десять минут. Вообще-то, я не люблю заставлять людей ждать... Вы спешили куда-то?

– Не то чтобы очень, но мне надо убедиться, что после шторма все мои траулеры вернулись в порт.

– Ваши траулеры?

– У меня небольшая рыболовная компания.

Он посмотрел ей в глаза – неужели она не шутит?

– Потрясающе! – вырвалось у него. – Мне и в голову не могло прийти, что вы занимаетесь таким бизнесом, внешность и правда обманчива...

Сделав снимок, он взглянул на экран и объявил, что все превосходно.

– Вы привыкли к коронке? – поинтересовался он.

– Сначала казалось, что у меня камень во рту, но это быстро прошло.

– Думаю, этот зуб больше не будет вас беспокоить.

– Спасибо. Значит, мне больше не нужно приходить?

– Нет, мы закончили. Заглядывайте раз в год для профилактического осмотра, даже если не будет жалоб. Предупредить дешевле, чем лечить.

Алан снял перчатки, маску, халат и, оставшись в водолазке и джинсах, показался Маэ гораздо привлекательнее, чем в докторском балахоне. Маэ достала из сумки чековую книжку и взяла со стола ручку.

– Только не этой! – запротестовал он, неожиданно схватив ее за пальцы. – Она очень плохо пишет, возьмите лучше «БИК». Маэ с любопытством взглянула на него и начала заполнять чек.

– Я отвезу вас домой, мадемуазель Ландрие. Нет, правда, я уже закрываю кабинет и сам уезжаю, на сегодня хватит.

Она прекрасно понимала его желание поскорее уехать и невольно улыбнулась; ему показалось – очень сердечно.

– Хотите, обмоем ее? – спросил он весело.

– Кого – ее?

– Коронку!

Маэ посмотрела на него вопросительно, и Алану пришлось уточнить:

– Сейчас холодно, дождь, и заканчивать так рабочую неделю довольно грустно, вам не кажется? Приглашаю вас на коктейль в «Ля Бель Эпок»^[4] – это симпатичный бар в двух кварталах отсюда. Согласны?

Это предложение оказалось неожиданным для него самого. Было ли тому виной отсутствие Кристины, ненастье или очарование молодой женщины, заставившее его изменить железному правилу: никакого сближения с пациентами?

– Вы можете отказаться, – добавил он. – Я не обижусь. Мое предложение, может быть, не совсем уместно, я это понимаю, но совершенно бескорыстно.

Запирая дверь, он услышал за спиной смех.

– Вам нужна компания, доктор?

– Сейчас – да. Но вообще со мной такое редко бывает. Я нелюдим.

– Согласна на коктейль, – просто сказала Маэ.

Ни у одного из них не оказалось зонта, и ледяная изморось сопровождала их до самой улицы Буэн. Сев за столик, Маэ заказала пиво, благо меню предлагало богатый выбор, а Алан – виски. Она провела рукой по своим намокшим волосам, откинула челку со лба.

– Отвратительная погода, – вздохнула Маэ. – Откуда вы родом? Кергелен – ведь это бретонская фамилия.

– Из Канкаля. Но я долго жил в Ренне и Сен-Брие.

– Можно сказать, что никуда и не уезжали! – рассмеялась она.

– А вы?

– То же самое. Дальше Эрки – ни ногой! После сдачи экзамена на бакалавра отец оплатил мне тур по всей Франции, и я несколько месяцев путешествовала. Я видела потрясающие места, но если рядом нет моря, я начинаю тосковать, оно мне просто необходимо.

– Ваша рыболовная компания – это семейное дело?

– Да, вот уже несколько поколений. Я взялась управлять ею, когда моего отца разбил инсульт.

– Он стал инвалидом?

– У него провалы в памяти, головокружения, нарушена координация движений... А его свинский характер остался при нем, так что он не во всем изменился!

Алан слушал ее с интересом, все время спрашивая себя, почему он позвал ее в бар. С целью завоевать в будущем? Она казалась ему чересчур молодой и не производила впечатления девушки, которую легко соблазнить, несмотря на непринужденность ее болтовни. Но она была не замужем, не похожа на других и невероятно обаятельна – может, ей нравились мимолетные приключения?

– Во всяком случае, он больше не мог управлять делом, тем более правила в рыбном промысле постоянно меняются, и надо уметь вовремя адаптироваться.

– Еще пива? – предложил он, указывая на ее пустой бокал.

– Пожалуй, последний, уже поздно.

– Вас кто-то ждет?

– Все в порядке, – ответила она уклончиво. – Я только пошлю эсэмэску.

Маэ взяла телефон и, быстро набрав сообщение, положила его на стол. Когда она снова подняла голову, он вдруг увидел, что она

удивительно красива с ее сине-зелеными глазами и улыбкой, прячущейся в уголках губ.

– А работа зубного врача вам нравится?

– Стоматолога. Здесь есть разница, потому что я могу выполнять хирургические операции, устанавливать имплантаты... Мне хотелось бы работать в больнице, но Ренн слишком далеко от моря! И потом, я дорожу своей независимостью и хочу жить по своему расписанию.

Телефон Маэ завибрировал, и она опустила голову, читая ответ на свое сообщение.

– Все вернулись в порт, теперь я спокойна, – пояснила она. – Вы живете в Ламбале?

– Нет, в довольно глухом месте в нескольких километрах отсюда, на опушке леса. У меня чудесный старинный особняк, в который я влюбился с первого взгляда, несмотря на то что это еще и царство сквозняков.

– Вы женаты?

– Боже избави! Я не Синяя Борода, хотя у меня и было два брака, и оба плохо закончились. Думаю, этого опыта мне хватит на всю жизнь. А вы?

– Я не замужем.

– Поэтому вы решили составить мне компанию?

– Составить вам компанию? – переспросила она иронически. – А я думала, вы собираетесь за мной ухаживать.

– Я и собираюсь. Поедем ко мне ужинать?

– Разумеется, нет.

– Хорошо, тогда в следующий раз.

– Вы думаете, будет следующий раз?

– По крайней мере, я надеюсь.

Они вместе засмеялись и допили свои напитки.

– Спасибо, что согласились на мое приглашение, – сказал, вставая, Алан уже более серьезным тоном.

Проходя мимо стойки, он расплатился с барменом. Они уже выходили на улицу, когда столкнулись в дверях с высоким черноволосым парнем, которого держала под руку молодая девушка.

– Жан-Мари! – воскликнула Маэ.

Алан заметил, что парень растерялся, явно смущенный этой встречей. Маэ представила их друг другу, обменялась несколькими

словами с пришедшими и пожелала им хорошего вечера.

– Я провожу вас, – предложил Алан.

– Не стоит, я...

– Мне все равно надо забрать машину, а вы, кажется, едете в том же направлении, что и я.

– А я-то вообразила, что вы стараетесь проявить галантность!

– Вы бы все равно отказались...

Снова рассмеявшись, Маэ подняла воротник: дождь моросил, не переставая.

– Жан-Мари – лучший из моих капитанов, великолепный моряк! Он работает у нас больше десяти лет, и я надеюсь, что он не откроет собственное дело, потому что я очень им дорожу.

– В ближайшее время вам это не грозит, потому что он влюблен в вас, – заметил Алан.

– Какая чепуха!

– Простите, но это бросается в глаза.

– Вы ошибаетесь.

Не настаивая, он потянул ее за руку, чтобы она не ступила в лужу. Поверила она ему или нет, не имело большого значения, однако во взгляде этого сурового красивого брюнета с сумрачным взглядом он ясно увидел обожание. Неужели женщины не замечают таких вещей?

Остановившись перед своим пикапом, Маэ с любопытством взглянула на кабриолет «Эос», припаркованный прямо перед ней.

– Красивый, правда? – спросил Алан, указывая на него.

– Это ваша? Какая приманка для девушек!

– Это всего лишь «Фольксваген». Вы равнодушны к красивым машинам?

– Вовсе нет. Посмотрите на мою. А внутри она еще хуже – насквозь пропахла рыбой.

Маэ с решительным видом протянула ему для прощания руку, явно торопясь уехать.

– Я не имею права использовать в личных целях номер телефона, который записан в вашей медицинской карте, это было бы неправильно. Но как мне пригласить вас в следующий раз? Ваши зубы вряд ли дадут повод снова ко мне обратиться...

– Мой номер можно найти в телефонном справочнике, даже в самом старом! – бросила она ему на прощание и улыбнулась.

Алан смотрел, как она уезжает, очень довольный проведенным вечером. Если немного повезет, Маэ будет следующей женщиной, которую он привезет в свой дом в пятницу вечером. Если она соответствует впечатлению, которое производила, это будет восхитительное мимолетное приключение – то, что он любил.

* * *

Жан-Мари отказался от вечера, который первоначально планировал. Управившись с коктейлем в «Бель Эпок» за десять минут, он вынужденно согласился повезти Эмилию ужинать в «Аббатство», как и было предусмотрено, но потом, сославшись на страшную усталость, отвез ее домой. Во время ужина он неотступно думал о Маэ и ее спутнике. Кто же был этот тип со слишком светлыми серыми глазами? Он был высок, строен, с пепельно-белокурыми волосами, лет сорока. Жан-Мари был уверен, что никогда не видел его раньше. А ведь он знал почти всех друзей Маэ – тех, с которыми она ходила в рестораны, когда уже не могла оставаться наедине с отцом. Иногда он тоже входил в эту компанию приятелей и в такие вечера обещал себе что-нибудь предпринять. Но, конечно, так и не осмеливался. Он смотрел, как Маэ флиртует с другими, внутренне кипит от ярости, но изо всех сил старался выглядеть безразличным. Он никогда не приводил девушек, всегда приходил один, чтобы дать себе шанс, и каждый раз уходил, разочаровавшись в себе самом. Неужели ему никогда не удастся преодолеть свою болезненную робость перед ней? С любой другой девушкой он чувствовал себя совершенно непринужденно, и это еще больше приводило его в отчаяние. Сегодня вечером, выходя из «Ля Бель Эпок», Маэ смотрела на Эмилию с любопытством. Завтра она спросит – кто эта красивая девушка и почему он ее прятал, почему сбежал из Эрки? Но что делала там сама Маэ? Был ли это ее любовник, которого она от всех скрывала? Ей тридцать лет, в конце концов, она захочет выйти замуж! Правда, ее спутник выглядел староватым для нее и между ними не чувствовалось особой близости, и это его немного утешало.

Жан-Мари лег спать с тяжелыми мыслями. Поставив будильник на шесть часов, он долго лежал в темноте без сна. Он впервые почувствовал страх и понял, что надо действовать безотлагательно. Встреча с Маэ, выходящей из бара с незнакомцем, потрясла его. Он не

стал себе ни в чем клясться, но понял, что, наконец, сумеет преодолеть свою робость. На следующий день, в субботу, Маэ предложила собраться в портовой блинной и его тоже пригласила. Он подумал, что это его последний шанс и он обязательно им воспользуется.

* * *

Эрван недовольно смотрел на дочь. Маэ поставила на стол только один прибор, блюдо с холодным мясом, салат из зеленой фасоли, хлеб и фруктовый йогурт. Добавив к этому початую бутылку сидра, она повернулась к нему:

– Ну вот, у тебя есть все, что нужно!

– Есть в одиночестве не очень-то весело, – пробурчал он.

– Может быть, но вечером я ухожу. Прости, папа, но мне нужно иногда развеяться.

– Ну конечно... Надеюсь, ты там общаешься с парнями?

– И с ними тоже.

– Твоя подруга Армель тоже придет с вами веселиться?

– У нас с ней общая компания, папа.

– Что ж, развлекайтесь, – мрачно ответил он. – Но ты не должна приглашать эту девицу, когда ищешь свою половинку! Она слишком красивая и хочет всех очаровать.

– Армель – не «девица». Мы обе уже не дети. Кроме того, она настоящий друг.

– Если ты этому веришь, значит, ты очень наивная.

– Мы вместе учились еще в младших классах, я знаю ее лучше, чем ты, и не понимаю, почему ты ее так не любишь.

Отвернувшись, Маэ схватила свою меховую куртку и сумку.

– Вернешься поздно?

– Понятия не имею! Хорошего вечера, папа.

Прежде чем он успел что-то ответить, она хлопнула дверью. Почему он был неспособен порадоваться за нее? Каждый раз, уходя на встречу с друзьями, она чувствовала, что он оскорблен. Неужели ему хотелось, чтобы она всегда была дома, всегда при нем? Понятно, что он скучал, но это была не ее вина! Она знала, что когда бы ни вернулась, всегда найдет его спящим перед телевизором, но ее это больше не волновало. Если он отказывался ложиться спать, пока она не вернется, да на здоровье! По крайней мере, он избавил ее от своего

привычного «Сдай меня в богадельню!». На самом деле, он не собирался уезжать из дома, пока дочь заботится о нем. Но сколько еще продлится это вынужденное сосуществование? Все чаще и чаще у Маэ возникало ощущение, что она задыхается от нехватки воздуха. Уже надо было идти, но ее все не отпускало раздражение и одновременно сострадание. Она снова напомнила себе, что отец вырастил ее один. Он сделал для нее все, что мог – учитывая его профессию и вдовство, которое он с таким трудом переносил. Увы, с возрастом Эрван становился все невыносимее, и когда ему придется умирать, он, конечно, не преминет напомнить ей, как бессердечна она была. Удастся ли ей смириться с ним в эту тяжелую минуту, выдержать его упреки и не считать себя виноватой?

Маэ присоединилась к своей маленькой компании в блинной «Старый порт», из которой открывался необыкновенный вид на залив. Новые владельцы прошли обучение в мастер-классе в Мор-де-Бретань и пекли восхитительные гречневые блины. Кроме того, пристроив в блинной крытую и отапливаемую террасу, они превратили ее в практически идеальное место. Ее уже ждали Армель с бокалом вина в руке, Жан-Мари и трое других ее приятелей. Все пятеро шумно обрадовались приходу Маэ, которая была душой компании.

– Хочешь кир^[5]? – предложил ей Жан-Мари. Он приберег для нее место рядом с собой, но Маэ, не успев сесть, решила поменяться местом с Армель.

– Мне надо кое-что сказать Николя, – объяснила она, дружески похлопав Жан-Мари по плечу.

Она незаметно подмигнула подруге, и та улыбнулась в ответ. Может быть, их план сработает, во всяком случае, у Армель теперь есть шанс. Маэ подумала о девушке, которую видела в баре, но если Жан-Мари не привел ее сегодня с собой, значит, она для него ничего не значила. Иначе Армель только зря потеряла бы время; впрочем, ее всегда увлекал сам процесс оболъщения.

Каждый раз, когда они собирались за дружеским ужином, их разговор быстро становился шумным, перемежаясь взрывами смеха. В такие моменты Маэ забывала об отце. И теперь она забыла о нем. О Розенн она тоже не вспоминала. Зато два-три раза подумала об Алане Кергелене, все еще удивленная тем, что так легко согласилась пойти с ним в бар. Он показался ей обворожительным, загадочным,

очень непохожим на мужчин, которых она знала до сих пор. Если он позвонит, как обещал, она, конечно, примет его приглашение.

Сидящая напротив нее Армель изо всех сил пыталась очаровать Жана-Мари, но он, судя по всему, слушал ее без интереса.

– Вы, рыбаки, считаете, что яхтсмены в море всем мешают.

– Только не я, – вяло отозвался он. – Я люблю смотреть на парусники, и некоторые шкиперы – чертовски хорошие моряки. С другой стороны, встречаются такие сумасброды, которые норовят выйти в шторм, не умея управлять своей яхтой. Я не про вас, Армель.

– И на том спасибо! – ответила она, широко улыбнувшись. – Если хотите, я возьму вас с собой в ближайшие дни. Парус – это совсем не то, что ужасные дизельные моторы на ваших траулерах.

– А я обожаю шум моторов. На «Жабадао» это для меня как фоновая музыка.

– А я люблю шум ветра и шелест форштевня, рассекающего воду. И даже визг чаек.

– Море для вас – развлечение, а для меня – средство к существованию.

– Ну вот, и в этом рыбаки нас обошли!

Она разразилась смехом, откинув голову назад, безуспешно пытаясь добиться от него хотя бы улыбки.

– Что с вами, Жан-Мари? – наконец спросила Армель, накрыв ладонью его руку. – Мы же шутим, расслабьтесь немножко.

Он нехотя повернулся к ней, но мыслями, казалось, был в другом месте.

– Ну же, – настаивала она, – пообещайте, что придете ко мне на яхту, и я устройю вам незабываемую прогулку!

– У меня нет времени, Армель. На следующей неделе я буду выходить в ночную смену, это утомительно. Зато дает большое преимущество тем, кто может продавать по утрам только что выловленную рыбу.

– Вы, случайно, не из этих оголтелых собирателей моллюсков, которые утром, толкаясь, выходят в море шеренгой в шестьдесят лодок?

– Им дается всего сорок пять минут на ловлю гребешков, и только два раза в неделю...

– Я это знаю! Просто хотелось вас подразнить... Хотя сама я не ловлю рыбу, но законы знаю.

Он выдавил из себя вежливую улыбку, которую она приняла за знак поощрения.

– Я прошла обучение, чтобы выбрать страховую компанию для моей яхты, и получила два разрешения на рыбалку – прибрежную и в открытом море. Правда, это было необязательно, потому что у меня двигатель всего шесть лошадиных сил! Но я узнала много нового и считаю, что эти знания необходимы, если хочешь управлять парусником.

По другую сторону стола за ними с любопытством наблюдала Маэ, и Жан-Мари, перехватив ее взгляд, в смущении отодвинулся от Армель. Он чувствовал, что возможность поговорить с Маэ снова ускользает от него, но что тут поделаешь? Пусть Армель и была очень красивой молодой женщиной – она не привлекала его. Уж если на то пошло, он предпочел бы Эмилию – более скромную, более мягкую. И если Маэ его все-таки отвергнет, он будет менее несчастлив с милой девушкой, чем с шумной, напористой Армель.

– Как насчет того, чтобы пойти куда-нибудь выпить? – спросил он.

Его вопрос было встречен одобрительными возгласами, и, преодолев свою стеснительность, Жан-Мари предложил отправиться к нему. Он жил совсем рядом, на улице Фош, в небольшом холостяцком домике, за который только недавно выплатил кредит. Это было одноэтажное, скромно обставленное, в соответствии с его спартанским вкусом, жилище, и скрашивал его только садик с цветущими все лето гортензиями, за которыми он тщательно ухаживал.

В загроможденном коридоре над грудой сапог висели дождевики, бушлаты и картузы. Здесь царил беспорядок, неизбежный при профессии Жана-Мари, зато в гостиной все лежало строго на своих местах.

– Поможешь мне? – спросил он Маэ как бы невзначай и слегка потянул ее за руку.

На кухне он взял поднос, поставил на него бокалы и глубоко вздохнул.

– Ты сегодня потрясающе красивая! Ты...

– Это не мне надо говорить, – понизив голос, сказала она. – Ты разве не заметил, что Армель с тебя глаз не сводит?

Она слегка притянула его к себе и прошептала на ухо:

– По-моему, она только ждет твоего шага.

Ее рука у него на плече, дыхание у его шеи, аромат ее духов заставили его вздрогнуть.

– Она меня не интересуется, – с трудом выговорил он.

– Это из-за твоей девушки, Эмилии? Ты влюблен в нее?

– Нет. Девушка, в которую я влюблен, – это ты.

Ну вот, наконец он признался, и теперь от реакции Маэ зависело так много, что он даже не мог дышать. Увы, она оказалась не той, на которую он надеялся, потому что Маэ беззаботно рассмеялась.

– Жан-Мари!

Она шутливо ткнула его кулаком в бок.

– Ясно, дружище, не хочешь говорить о своей личной жизни, понимаю...

– Нет, нет, Маэ, я...

– Мне следовало помнить, что ты человек закрытый. Во всяком случае, теперь ты в курсе, и я, очень хорошо зная Армель, могу тебе сказать, что она – потрясающая женщина. Но если твое сердце уже занято – что ж, тем лучше для тебя.

– Ты не слушаешь меня, – прервал он ее, резко схватив за руку.

Она отпрянула и взглянула ему прямо в лицо:

– Что с тобой, Жан-Мари?

– Я пытаюсь сказать тебе о своих чувствах.

Он выпустил ее руку, чувствуя себя ужасно неловко, но отступить уже не мог.

– Я всегда питал к тебе слабость, – с трудом выговорил он.

– Ты ведь это не всерьез, да?

Недоумение на лице Маэ привело его в полное замешательство, а она продолжала так же безжалостно:

– Ты что, перебрал со спиртным? Оглянись: вокруг полно красивых девушек, готовых упасть в твои объятия. Армель, Эмилия, да мало ли кто еще! А мы с тобой уже давно дружим, вместе работаем, ценим друг друга, во всяком случае надеюсь... И мне этого достаточно.

Две-три минуты он стоял в оцепенении, потом опомнился и взял поднос в руки. Маэ немного подождала, прежде чем пойти за ним. Значит, он давно «питал к ней слабость»? Она никогда этого не замечала, ни о чем не догадывалась, но сейчас вспомнила слова Алана

Кергелена, сказанные им у бара «Ля Бель Эпок». Он за две секунды увидел то, что она не желала видеть и что Жан-Мари не особенно скрывал. Заставив себя улыбнуться, она вернулась к остальным в гостиную. Украдкой взглянув на Жан-Мари, она поняла, что он совершенно убит, и расстроилась. Маэ очень любила его, восхищалась мастерством, которое он показывал на борту, и его безошибочной интуицией рыбака; она знала его как искреннего, честного человека, но у нее никогда не возникало желания флиртовать с ним. Они много лет находились в одной компании, вместе ужинали и танцевали как друзья, без всякого эротического подтекста, и Маэ совершенно не желала это менять. Ее смутили его слова о чувствах, которые он всегда к ней испытывал. Все-таки он не был одиноким, она часто видела его с девушками и всегда думала, что в один прекрасный день он представит им одну из них как свою невесту. Ему было тридцать три года, и он был готов к семейной жизни.

Маэ села на диван и взяла бокал, протянутый Армель.

– Мне скоро надо уезжать, – вздохнула она.

– Отец, как обычно, ждет твоего возвращения?

– Конечно, и, наверное, опять заснул перед телевизором. Сколько раз я говорила ему ложиться спать и не беспокоиться обо мне, он все равно сидит перед ним до моего прихода.

– Поставь телевизор к нему в комнату, – предложила Армель.

Маэ расхохоталась, настолько дикой показалась ей эта идея. Эрван не переносил малейшие перестановки в доме, он нашел бы веские причины для отказа, а потом жаловался бы ей, что она не хочет его видеть и норовит убрать с глаз долой.

– Ты должна решиться и уехать от него, Маэ. Я знаю, что он не желает оставаться один и все время шантажирует тебя богадельней, но разве так не будет лучше для всех?

– Только не для него.

– Ты можешь оставить себе офис, с тем чтобы иметь возможность заглянуть к нему раз в день, а вечером уезжать. Я тебе уже предлагала вместе снять квартиру! Жили бы, как подружки, здорово же...

Они часто об этом говорили, и Маэ всегда уклонялась от принятия решений. Она не готова была оставить отца одного, заранее зная, что ее замучает чувство вины. Когда умерла мама, он вполне мог отправить ее в пансион. При его профессии он почти не бывал на

суше, и его бы никто не осудил. Но он не стал избавляться от дочери и оставил ее дома. И сейчас она проявляла такое же великодушие.

– Сумрачный красавец меня проигнорировал, – тихо сказала Армель. – У него есть женщина?

– Нет...

– Ну, значит, я старею и теряю хватку!

Они замолчали, потому что Жан-Мари подошел к ним с бутылкой в руке.

– Вам налить? – спросил он.

Он уже был спокоен, как всегда, и Маэ решила воспользоваться моментом.

– Спасибо, но уже поздно, мне пора ехать.

– Я тоже уезжаю, – решила Армель и, бросив напоследок на Жан-Мари настойчивый взгляд, быстро обняла его и сунула ему в карман записку.

– Если у тебя будут какие-то дела в банке, зайди ко мне, я сделаю тебе статус приоритетного клиента! Я написала номер своего мобильного телефона, так легче со мной связаться.

Снаружи по-прежнему свирепствовал ледяной ветер. Прижавшись друг к другу, они шли к порту, где Армель оставила машину.

– Жан-Мари мне действительно нравится, но надо признавать очевидное – он смотрит только на тебя.

– И зря, – отозвалась Маэ, – он меня не интересуется.

– Ты сказала ему это?

– Только что, на кухне.

– И что он?

– Ничего. Мы вместе работаем, и ни о чем другом речи быть не может. И поскольку он не идиот, он смирится с этим.

– Значит, у меня все еще есть шанс!

Маэ ускорила шаг, чтобы идти в ритм с Армель, которая была выше ростом и шла быстрее.

– Я ходила в бар со своим стоматологом, – призналась она вдруг.

– Правда? С Кергеленом? Он вроде не похож на волокиту...

– Он за мной пока по-настоящему не волочился...

– Не скромничай! Твои успехи у мужчин меня просто подавляют. А когда я смотрю на нашего новобрачного, Николая, который глаз не

сводит со своей жены, это угнетает меня еще больше. Не боишься, что мы с тобой в Эрки останемся последними незамужними женщинами?

– Почему именно мы?

– Ты – потому что тебе никто не нравится; я – потому что мне нравятся слишком многие. Ладно, садись, я тебя подвезу.

Они сели в машину, и Армель сразу включила обогрев салона.

– Почему ты считаешь, что мне никто не нравится?

– У тебя не было ни одного романа с тех пор, как погиб Ивон. Насколько я увлекаюсь первым встречным, настолько ты сохраняешь хладнокровие. Это самозащита? Думаешь, все мужчины предатели?

– Неосознанно – может быть. И мало мне этого, так есть еще кое-что: представь себе, эта женщина, Розенн, приходила ко мне несколько дней назад.

– Что она от тебя хотела?

– Денег.

– Что?

– Она без гроша, и ей не на что воспитывать сына – сына Ивона. Его зовут Артур, и он ужасно похож на отца.

– Да наплевать на нее! – взорвалась Армель. – Тебе – особенно! У нее хватило наглости сунуть тебе под нос своего мальчишку и просить денег? Надеюсь, ты выставила ее за дверь?

– Я дала ей чек.

– Наверное, я сплю. Ты на какой планете живешь? Если бы ты не была моей лучшей подругой, я бы сказала, что ты отпетая дура. Чек на большую сумму?

– Не очень.

– Не хитри со мной, я все равно увижу, что списано с твоего счета.

– Полторы тысячи евро. С этими деньгами она далеко не уйдет.

– Пусть идет к черту!

– Тебе ее совсем не жалко?

– Кого – лгунью, которая закрывала глаза на двойную жизнь своего парня и молча смирилась с тем, что он женится на другой? К таким женщинам я не чувствую никакого сострадания.

– Думаю, она надеялась до последнего момента, что Ивон откажется от женитьбы и вернется к ней. Она родила от него ребенка и наверняка была уверена, что это все перевесит.

– Честно говоря, Маэ, мне плевать, на что она там надеялась. А вот ты – простофиля. Я думала, опыт тебя закалил... Одному богу известно, как ты тогда перенесла сначала смерть Ивона, а потом кошмарные откровения этой бабенки. Ты была в тяжелом состоянии, и я помогала тебе из него выбраться, но с тех пор прошло столько лет, и я думала, что ты начала новую жизнь. А оказывается, стоит появиться этой Розенн, как ты с готовностью открываешь кошелек!

– Мне стало жалко мальчика, Армель, ведь он ни в чем не виноват.

Она говорила убежденно, но в глубине души сама не понимала, почему уступила Розенн. Остановившись перед воротами дома, Армель указала на свет в окнах первого этажа.

– Твой отец никогда не закрывает ставни?

– И не задергивает шторы. Он хочет дожидаться меня, сидя у окна, но всегда засыпает.

Когда Маэ выходила из машины, Армель придержала ее за рукав.

– Ты снова увидишься со стоматологом?

– Может быть.

– Ты права, в нем есть шарм. Спокойной ночи, моя красавица!

Маэ захлопнула дверцу и поспешила в дом. Для ноября холод стоял невероятный, и от нескончаемого северного ветра море постоянно штормило. А в доме было жарко, наверное, Эрван включил радиатор на максимальную мощность. Старая, он мерз все больше, словно расплачивался за все те годы, которые проводил в любую погоду на борту траулера. Она обнаружила, что он удобно лежит на диване, подложив под голову принесенную из спальни подушку. Выключив телевизор и убедившись, что он по-прежнему спит, Маэ принесла одеяло и накрыла его. А потом, застыв посреди гостиной, несколько секунд размышляла. Несмотря на неловкое признание Жана-Мари, их отношения не должны измениться, она приложит к этому все усилия. Чтобы по-прежнему сохранять роль босса, ей нельзя допускать между ними никакой двусмысленности. Маэ жалела, что не догадалась об этом раньше и, может быть, вела себя с ним чересчур фамильярно. В юности она видела, что ее отец общается с моряками на равных, разделяя с ними и работу, и перекусы на борту, и их грубоватые шутки, и выпивки на берегу, но она не могла себе такого позволить. Она была молодой женщиной, которая не выходила с ними в рейсы и должна была сохранять дистанцию. Что касается Жана-Мари... Почему же он

ей не нравился? Слишком черноволосый, слишком накачанный, слишком робкий? Каждый раз, заходя к нему домой, она поражалась его любви к порядку и железной дисциплине. Жан-Мари казался ей сдержанным, педантичным, лишенным фантазии. Рядом с ним не о чем было мечтать, вот и все. С детства погруженная в мир рыболовства, Маэ мечтала открывать другие миры.

Бросив последний взгляд на отца, который храпел, приоткрыв рот, она вдруг почувствовала, что дрожит от холода, несмотря на жару в комнате. Снаружи по-прежнему буйствовал ветер, метеосводка давала на ближайшие дни неблагоприятный прогноз. Возможно, придется изменить маршрут для «Жабадао». В открытом море может начаться буря, неразумно подвергать риску команду. Разумеется, главное – люди, а еще – ее лучший траулер.

Маэ потушила свет, когда Эрван начал просыпаться. Он слышал, как она поднялась по лестнице и открыла дверь своей спальни. Знакомые и утешительные звуки. Когда она была девочкой, его всегда успокаивало то, что она снова благополучно вернулась домой и ей больше не угрожают опасности на улице или дурные знакомства. А сейчас он сам нуждался в ее постоянном присутствии – одиночества он не переносил. На мгновение Эрван подумал, не лучше ли перелечь в свою кровать, но ему было так тепло и удобно, что он не решился встать. Если бы он это сделал, то боль во всех членах, пришедшая со старостью, немедленно дала бы о себе знать. Один из ставней с расшатанными петлями угрожающе скрипел. Сколько раз он просил Маэ вызвать плотника! Она отговаривалась занятостью, однако находила время развлекаться с друзьями.

Сумрак внезапно сменился непроглядной тьмой. Значит, было одиннадцать часов вечера, когда под предлогом экономии отключали уличное освещение. И от этого по улицам становилось опасно ходить! Уж так ли необходима грошовая экономия на людях, которым приходится поздно возвращаться домой? Скоро придется носить с собой фонарик, чтобы хотя бы вставить ключ в замочную скважину.

Эрван натянул одеяло до подбородка. Он с трудом переносил перемены, болезненно воспринимая все, что ломало его привычный уклад. В современной жизни все слишком быстро менялось, он чувствовал себя на ее обочине, не в силах выдерживать этот ритм. Новшества, которые Маэ вводила в их компании, всегда казались ему

сомнительными, каждый раз он был убежден, что она совершает ошибку. Однако чаще всего она оказывалась права.

Кто же была эта женщина, которую она принимала несколько дней назад? Мальчик почему-то вызвал в нем волнение, лишил покоя, он без конца о нем думал. Мог ли это быть сын Ивона? По возрасту он подходил, но само предположение выглядело слишком невероятным. Иначе Маэ сказала бы ему. Обязательно.

Уцепившись за эту мысль, он постарался заснуть. Но без включенного телевизора это было гораздо сложнее.

* * *

К концу недели погода осталась такой же – на много градусов ниже температурной нормы ноября. И холод, и ледяной ветер не желали покидать побережье. Большинство рыбаков ругали погоду: море постоянно штормило, и это сказывалось на уловах и величине продаж моллюсков и рыбы.

Жан-Мари не хотел менять намеченный план; каждый вечер он выходил в открытое море, уверенный как в «Жабадао», так и в Кристофе, и в других матросах. Когда сезон войдет в разгар, он будет уходить в короткие рейсы дня на четыре. Траулер был оборудован ледогенераторами и рефрижераторным трюмом, поэтому он и отваживался выходить в открытое море, но срок годности у каждого вида рыбы был разный и в любом случае ограниченный. На борту «Жабадао» рыба находилась в холодильнике, но не замораживалась, то есть хранилась при нуле градусов, и когда выставлялась на продажу, сохраняла вид свежельвленной. Заработок моряков зависел от стоимости улова, и найти хорошее место, где опустить трал, было вопросом интуиции. Когда команда была слаженной, матросы обходились почти без разговоров, им достаточно было взглядов, чтобы скоординировать свои действия. Жан-Мари наблюдал за всеми операциями, следя за тем, чтобы нежная плоть рыбы не помялась от небрежного обращения. С тех пор, как он сказал Маэ о своих чувствах – и использовал при этом совершенно нелепое выражение, – он глубоко переживал ее ответ. Столько лет не решаться на признание в любви и в конце концов услышать, что ей не нужно ничего, кроме дружбы! Он никогда не видел в ней друга, только женщину, которую страстно желал. Жан-Мари был в затруднительном положении, потому

что ему не удавалось смотреть на нее как на босса, даже если он скрупулезно выполнял ее распоряжения. Выросшая среди моряков, Маэ хорошо ориентировалась в этом мире, а получив диплом капитана и свидетельство предпринимателя, могла успешно управлять рыболовным бизнесом. Инициативы у нее было предостаточно, иногда она могла пойти на риск и быстро адаптировалась к обстоятельствам. В отличие от Эрвана, который никогда не подумал бы пересмотреть свои методы, она умела применяться к переменам и даже предвидеть их. Но для Жана-Мари она была одновременно той, которую он хотел видеть своей женой, и девчонкой-подростком, превратившейся на его глазах в женщину. Он пришел работать к Эрвану в девятнадцать лет, когда Маэ было шестнадцать. Позже, когда она влюбилась в Ивона, он был так убит горем, что уже готов был сменить работу. Но все-таки остался, вопреки логике лелея крошечную надежду, которая затеплилась было после гибели Ивона и которую она только что погасила, говоря об уважении и дружбе.

Жан-Мари снизил обороты двигателя и включил прожекторы. Погода действительно была отвратительная, ветер с моря вздыбливал волны, траулер швыряло из стороны в сторону. В такую ночь хорошая рыбалка маловероятна, но стоило все же попробовать.

* * *

– Есть кто-нибудь? – повторила Маэ громче.

Она три раза сбивалась с пути и, несмотря на указания Алана, которые он давал ей по телефону, с огромным трудом нашла его особняк. Что за странная идея – поселиться в таком глухом месте! Однако, увидев его в свете фар, она признала его необыкновенно красивым. Лаконичная архитектура этого замка-крепости с его двумя строгими рядами окон, обрамленных полированным гранитом, производила одновременно впечатление суровости и элегантности. На фоне темного неба Маэ едва различила двускатную шиферную крышу с пронзающими ее высокими дымоходами. Она поднялась на крыльцо и, дрожа от холода, нажала на кнопку звонка. Но напрасно прождав несколько минут, решительно толкнула дверь, и та оказалась не заперта.

Пройдя холл, Маэ попала в просторный зал, который, казалось, по ширине соответствовал площади дома. Здесь царил приятное тепло;

в одном его конце трещал огонь в камине, в другом – что-то томилось в кастрюле на плите. Алан никак не мог уйти из дому, не рискуя вызвать пожар. Может, он вышел за дровами?

– Я слышал, как вы подъехали, и помчался галопом! – воскликнул он, входя вслед за ней. – Моя кобыла повредила сухожилие, надо было ее полечить...

– Ваша кобыла?

– Да, Пат. На самом деле ее зовут Патурес.

– Пастушка?

– Я вижу, вам знаком бретонский язык.

– На таком уровне его все знают. А вы?

– Немного знал, но забыл. А мой дед говорил свободно.

На Алане были джинсы в белых пятнах, и когда он с сожалением развел руками, она увидела, что они испачканы глиной.

– При воспалении надо наклеить пластырь на все сухожилие, а сверху наложить повязку. Это довольно грязная работа! Я могу вас оставить одну еще на несколько минут? В холодильнике есть шампанское, налейте себе, я к вам скоро присоединюсь.

Он торопливо пошел к лестнице, собираясь переодеться.

Маэ воспользовалась предложением и достала из холодильника бутылку «Рюинара». Подойдя к плите, она с любопытством приподняла крышку чугунной кокотницы и изучила содержимое. Свиное жаркое с помидорами и луком источало соблазнительный аромат. Интересно, он сам это готовил? Алан совсем не производил впечатление хозяйственного мужчины, судя по легкому беспорядку, который царил в комнате. С этажерки, на которой громоздились бокалы всех размеров, она взяла два фужера и поставила их рядом с креслами у камина. Рядом с музыкальным центром возвышались пирамиды из компакт-дисков, на одноногом столике валялись газеты, у подножия лестницы лежали сапоги для верховой езды, а на ломберном столе стоял включенный ноутбук.

Когда Маэ села у камина, в комнату вошел белый кот. Грациозно вспрыгнув на подлокотник кресла, он стал обнюхивать гостью, не обратив никакого внимания на Алана, который, сбежав с лестницы, присоединился к ним.

– Животные вас принимают, – заметил он, беря в руки бутылку. Он ловко откупорил ее и налил в бокалы шампанское.

– За что выпьем? За встречу в моем доме? За преждевременную зиму?

Непринужденно улыбаясь, он подошел к камину и, подбросив в огонь полено, вернулся к Маэ.

– Наверное, вам было нелегко меня найти?

– Вы живете в таком глухом месте, это удивительно.

– Поэтому оно мне и нравится.

– Уж не мизантроп ли вы?

– Признаюсь, есть немного. Я весь день общаюсь с людьми, и, вернувшись домой, никого не хочу больше видеть.

– Только женщину время от времени, – иронически заметила Маэ.

– Да, красивую женщину. И иногда друзей, настоящих друзей. Без остальных я прекрасно обхожусь.

– У вас есть еще лошадь, кот...

– Кошка. Это она меня выбрала – меня или мой дом. Не знаю, откуда она взялась, сколько ей лет, я позволил ей жить так, как ей нравится. И не стал придумывать ей имя, просто зову ее «киска». Лошадь – это совсем другое, я обожаю прогулки верхом. Одно время я очень много занимался верховой ездой, но соревнования меня больше не интересуют, все, что мне нужно – это прогулки в лесу. А вы, какой любимый спорт у вас?

– У меня нет любимого. Я люблю яхтинг и время от времени хожу под парусом с подружкой, но это не спорт. А для очистки совести хожу бегать на пляж.

– На какой?

– В основном на Грев дю Гулет, чтобы одновременно любоваться пейзажем. Или на Сен-Пабю, между морем и холмами – он не такой людный, как пляж Каруаль.

Алан снова наполнил бокалы и предложил перейти к столу.

– Надеюсь, жаркое получилось не слишком сухим! Я попросил женщину, которая занимается домом, приготовить какое-нибудь зимнее блюдо, и чтобы его было легко разогреть.

– Вы сами не готовите?

– Для своих гостей – никогда, мне их жалко!

Он отодвинул для нее стул и, пока она садилась, воспользовался моментом, чтобы спросить:

– Почему вы согласились на этот ужин?

– Из любопытства.

– И все?

Он сел напротив и устремил на нее настойчивый взгляд. Его серые, почти прозрачные глаза, смотрели на нее в ожидании ответа, но Маэ ответила вопросом на вопрос:

– Почему вы меня пригласили?

– Причина очевидна: по-моему, вы очень красивая. Я не должен был этого делать, ведь вы моя пациентка и можете подумать, что я всегда веду себя так. На самом деле я воздерживаюсь от флирта с пациентками.

– Так как вы поступаете? Ламбаль ведь маленький город... Может быть, ищите дам на сайтах знакомств?

– А вы пользуетесь этими сайтами?

– Даже не думала.

– Тогда у вас та же проблема, что и у меня. Слишком мало возможностей, мало новых лиц.

Он подошел к плите и переложил жаркое с овощами на блюдо. Маэ озадаченно смотрела ему в спину, спрашивая себя, как же закончится этот вечер. «В первую встречу соглашаться нельзя», – утверждала Армель, у которой был целый список правил, хотя сама она их не соблюдала.

– Ну что, я сдал экзамен? – спросил он, обернувшись и поймав ее взгляд. Она рассмеялась.

– Если бы вы мне не нравились, меня бы здесь не было, но я хотела еще раз убедиться!

Почему она была такой резкой, что с ней происходило? Желание развлечься, завести роман без обязательств? Алан поставил перед ней блюдо, вернулся на свое место и, заинтригованный, посмотрел ей прямо в лицо.

– Вас сложно причислить к какой-нибудь категории женщин. Уже то, что вы – владелица рыболовной компании, ставит в тупик! И, кроме того, вы красивая, у вас яркая индивидуальность, и в тридцать лет вы все еще одна. Вы ищете волшебного принца? Если да, я даже не буду пытаться.

– Я не ищу никакого принца. В юности я страстно любила одного моряка, но он погиб за несколько дней до нашей свадьбы.

– О, мне очень жаль...

– Мне тоже было очень жаль, но недолго. Через несколько недель я узнала, что он вел двойную жизнь. Мало того что его смерть стала для меня большим горем, мое доверие к мужчинам было полностью подорвано.

– Понимаю, это совсем не способствует новым встречам. Вы могли бы расстаться со своим предубеждением, встретив честного парня. Таких все-таки больше, чем подлецов.

– Это ваше мнение. В юности мы очень уязвимы, я не знаю, смогу ли забыть об этом.

– Собираетесь жить старой девой?

– И это спрашивает старый холостяк?

– Я тоже пережил траур, а вторая жена меня предала. Такой же путь, как у вас, только растянутый во времени. Между двумя событиями у меня было время восстановиться, тогда как у вас... Ладно, теперь, когда мы поделились нашими драмами, может, поговорим о чем-нибудь более веселом?

– Согласна. Ваше жаркое – просто восторг.

– Положите себе еще. А потом я угощу вас настоящими бретонскими сырами – «Сен-Жильда» из чистых сливок и «Ти-паве» с водорослями и морской водой.

– Вы не шовинист?

– Просто люблю свои края, с которыми, кстати, никогда не мог расстаться. А вы? Не думали отсюда уехать?

– Боже избави, нет, я же вам говорила! Не могу даже представить себя вдали от моря и кораблей. Я обожаю свою профессию и не променяла бы ее ни на что в мире.

– Я тоже. Видите, есть еще на свете вещи, которые нас вдохновляют, несмотря на все то, что мы пережили...

Он встал и обошел стол.

– Вы останетесь сегодня, Маэ?

Смутившись, она пробормотала:

– Я вижу, вы сразу переходите к делу!

Он нахмурился, но его недоумение тут же сменилось улыбкой.

– Простите, я неточно выразился. Я думал об алкоголе. Если вы собираетесь садиться за руль, мы больше не будем пить, а если останетесь – я открою к сыру бутылку хорошего бургундского. И у меня очень удобная комната для гостей.

Маэ почувствовала, что краснеет; наверное, он считает ее дурочкой. Смущенная, она возразила, стараясь исправить это впечатление:

– Мой отец не ложится спать, пока я не вернусь.

На этот раз он разразился смехом.

– Плохое оправдание, вам уже не пятнадцать лет! Придумайте что-нибудь другое или просто скажите, что у вас нет ни малейшего желания засиживаться после кофе. Я предложил вам шампанское, потому что оно располагает к флирту, а потом видно будет... Мы хоть и в дремучем лесу, но я не страшный серый волк, а вы... не испуганная девственница. Я не прав?

Похоже, он смеялся, но не над Маэ – наоборот, он приглашал ее перейти на свою сторону – сторону взрослых людей, которые решили заняться любовью, потому что оба этого хотят. Флирт с ним не казался чем-то невыносимым, она подумала об этом прежде, чем пересечь порог его дома. И то, что она вернется домой в полночь, в три часа ночи или на заре, никак не изменит сон Эрвана на диване перед телевизором. Он жаловался, что не может заснуть, а на самом деле спал, как ребенок. Впрочем, она не раз предупреждала его, чтобы он не ждал ее, когда она уходила вечером развлекаться, и не выставлял себя на посмешище, звоня в полицию, если она не возвращалась.

Несмотря на свой небольшой опыт, Маэ чувствовала себя с мужчинами довольно свободно. За все последние годы у нее было два любовных свидания и один непродолжительный роман. Так почему бы не произойти этому с Аланом? Она была свободна, терять ей было нечего, и он ей нравился, потому что был не похож на всех, кого она встречала до сих пор. Прямой, абсолютно лишенный романтизма и очень независимый – он явно не стал бы ее преследовать, если она не захотела бы продолжать отношения. Ему, наверное, уже было лет сорок, об этом свидетельствовали морщинки вокруг его больших серых глаз, но они только добавляли ему обаяния. И, наконец, ощущение, что она находится вдали от остального мира, в этом большом теплом доме, затерянном посреди леса, возбуждало и волновало ее.

– Давайте бургундское, – внезапно сказала она.

Все еще стоя рядом с ней, он посмотрел ей в глаза и, кивнув, повторил:

– А потом видно будет.

4

Розенн быстро истратила деньги, полученные от Маэ. Вернув самые неотложные долги, она купила себе пальто и сапоги, Артуру – пуховик, сделала стрижку в первой попавшейся парикмахерской.

В эти последние холодные дни осени в преддверии Рождества ее не отпускало ощущение тревоги за будущее. Временное затыкание дыр и пополнение гардероба не решало проблему – нужно было искать заработок. А до этого – какую-нибудь добрую душу, которая согласится присматривать за Артуром бесплатно. Чтобы устроиться официанткой – эта работа, по крайней мере, не вызывала у нее отвращения, – у нее должны быть развязаны руки. Яну, ее новому мужчине, никак не получится навязать ребенка. Если она хотела сохранить шанс на серьезные отношения с этим человеком, то не должна была с самого начала его напрягать.

Найти себе надежного мужчину было ее главной целью. Она не сомневалась, что если бы ей удалось на некоторое время избавиться от Артура, то реализовать это желание было бы нетрудно. Потом она, конечно, забрала бы его. По-своему она обожала мальчика, хотя сейчас он ей сильно мешал.

Идея пойти к Маэ Ландриэ и вытрясти из нее немного денег сначала казалась нелепой и дикой, однако она сработала, с чем Розенн себя и поздравила. Она даже подумывала, не сделать ли вторую попытку, но уже не ради денег. Эта женщина явно была взволнована невероятным сходством Артура с отцом и при всей своей враждебности и возражениях не смогла остаться к нему равнодушной. А отсюда к тому, чтобы сбегать ей ребенка на несколько недель, был всего один шаг.

Она считала Яна очень перспективным вариантом. Он уже много лет работал метрдотелем и пользовался доверием хозяина. Если бы Розенн располагала собой полностью, он сумел бы получить для нее место. Конечно, туристический сезон закончился, но ресторан в Динаре, где он служил, функционировал круглый год. Одна из официанток уволилась, таким образом, появилась возможность занять ее место. У нее была бы и стабильная работа, и Ян под боком.

Она сто раз прокручивала проблему в голове, перебирала свои фантазии о том, какие перспективы ей откроются благодаря ему. Представляла, что они станут парой, может быть, даже поженятся, и Ян будет хорошим отцом Артура. Правда, она не знала его в этом качестве и пока довольствовалась надеждой. Сейчас у мальчика вообще не было отца, так что это будет лучше, чем ничего. А потом, почему бы им не открыть собственное дело? Бистро или даже отель? Ее жизни всегда не хватало стабильности и защищенности, и она мечтала о них, как о земле обетованной. Конечно, Ян не отличался особой привлекательностью, зато был мужчина серьезный, а ей больше и не требовалось. Все, кто до сих пор оказывался в постели Розенн, были легкомысленные парни, которые мгновенно сбегали, узнав о существовании Артура. А Ян промолчал, когда она призналась, что у нее есть ребенок. Хороший знак. А если еще понемножку приучать его каждый вечер... Но не раньше, чем она его окончательно захомутает!

А потом, Розенн просто хотела жить. Наслаждаться каждым днем, дышать полной грудью и больше не зависеть от случайных чаевых и сезонной работы. Не прозябать в тесной комнатухе, не пересчитывать монеты в кошельке. Вообще-то она не умела ни считать деньги, ни организовывать свою жизнь, ни планировать будущее. Почему она решила сохранить ребенка, когда узнала, что беременна? Конечно, чтобы вынудить Ивона остаться с ней. Но она выбрала ошибочную тактику, потому что он не передумал, намертво вцепившись в эту гусыню Маэ. С ребенком она просчиталась, понадеявшись, что он даст задний ход – нет, он по-прежнему жаждал жениться на дочери Эрвана Ландрие. Чертов эгоист, этот Ивон!

На вопросы Артура об отце она неизменно отвечала, что он утонул. Неудачная формулировка, потому что теперь мальчик боялся воды; она убедилась в этом несколько недель назад на пляже. Может, стоило сказать, что он погиб – по деликатному выражению моряков? Ну да, погиб на океанском дне – это никак не успокоило бы бедного Артура.

Итак, первая проблема, которую надо было решить и которая позволила бы снять все остальные вопросы, – это уговорить Маэ. Розенн следовало найти неопровержимую причину, убедительнейшее обоснование. Она не была внутри дома Ландрие, но внешне он был очень уютный, с фасадом из розового песчаника и палисадником. А

офис, где принимала ее Маэ, украшенный красивыми снимками кораблей и оснащенный современной компьютерной техникой, выглядел очень солидно. С точки зрения Розенн, это «пахло деньгами». И она была убеждена, что Ивона привлекал к Маэ именно материальный достаток, хотя он всегда это отрицал. Он наверняка видел себя в роли босса на месте Эрвана и изображал идеального зятя. Столько стараний, чтобы в конце концов утонуть! Какая гнусность, это море... Как только Маэ не возненавидела рыбаков со всеми их траулерами? Но нет, она бесстыдно царила в своем прекрасном офисе, изображая босса. Розенн по-прежнему считала ее своим заклятым врагом, как и в ту пору, когда они были соперницами, однако сейчас ей надо было спрятать когти, если она хотела убедить Маэ взять к себе Артура на несколько недель. Он будет как сыр в масле кататься в этом доме, в кои-то веки попав в настоящую семью. Осталось придумать чертову причину, и Розенн продолжала ломать голову, потому что от нее зависело ее выживание. По крайней мере, она была в этом уверена, даже не задаваясь вопросом, как воспримет это Артур.

* * *

Маэ не могла опомниться после проведенной у Алана ночи. Точнее, с Аланом. Поскольку гостевая спальня, разумеется, была лишь предлогом: не успели они пересечь ее порог, как очутились на мягком пуховом одеяле посреди широкой кровати, где немедленно бросились раздевать друг друга. Ее воспоминания были довольно приятные, хоть и несколько расплывчатые. После бутылки шампанского они опустошили бутылку бургундского и были, наверное, прилично пьяны. Не слишком, конечно, потому что для первого раза все прошло хорошо. Алан был опытен и терпелив, словом, показал себя хорошим любовником. Маэ понравилось его поджарое, стройное тело, его чуткие руки, запах его кожи. Они оба испытали миг наслаждения, в котором отсутствовала любовь – одно лишь чистое удовольствие без всякого излишнего романтизма.

На следующее утро они пили кофе как добрые друзья, и на крыльце не было сказано ни одного слова о том, чтобы увидеться снова. В этот раз Маэ не пришлось бы избегать настойчивых ухаживаний, которые часто следовали после ее кратких приключений.

Была ли она этим довольна? Ей самой было трудно понять. С одной стороны, «партнерские отношения» были удобны и приятны, с другой – они имели горький привкус. Маэ иногда спрашивала себя, удастся ли ей полюбить снова, испытать это неистовое, всепоглощающее чувство, которое внушал ей Ивон. В то время она ощущала себя пьяной от счастья, переполненной любовью и такой легкой – этого она уже больше никогда не испытывала. Открывшаяся правда о Розенн и ребенке, осознание того, как чудовищно ее обманывал тот, кому она хотела посвятить всю жизнь, что-то сломало в ней, несмотря на невыразимое горе тех дней. Словно ее сердце окаменело и перестало чувствовать. В некоторые ночи она без конца вспоминала ложь Ивона, оправдания, которыми он отделялся, объясняя свои отлучки, его любовные клятвы, которыми она упивалась, не подозревая, что он в это же время повторяет их другой. Когда несколько лет назад Розенн сунула ей под нос своего ребенка, она этим буквально воткнула в нее нож, и рана еще кровоточила.

– Рассказывай все! – потребовала Армель, и ее глаза заблестели.

Выдержав нравоучения Эрвана, которого Маэ нашла, как всегда, спящим перед телевизором, она быстро покончила с текущими делами в офисе, наведальась на портовый рынок и, наконец, поехала в банк, чтобы пообедать вместе с Армель.

– У него великолепный дом – правда, необычный и необустроенный, но очень чистый.

– Какая у него спальня?

– Я не видела. Мы остались в гостевой комнате.

– Ну и как? Как он тебе?

– Отлично. Ему около сорока, и ни грамма жира! Гладкая кожа и твердые мышцы. Не думаю, что такую форму можно поддерживать только верховой ездой. И он проявил... как это сказать? Фантазию и выносливость.

Армель радостно рассмеялась, стараясь, впрочем, держаться в рамках приличия. Они всегда рассказывали друг другу подробно о своих приключениях, и хотя не прыскали со смеху, как теперешние школьницы, но все равно не лишали себя этого развлечения.

– А вообще, он очень милый, только чуть-чуть циничен.

– Да, вид у него немного пресыщенный.

– В первый раз он овдовел, во второй – развелся.

– Собираешься с ним встретиться снова?

– Не знаю.

Нерешительное выражение лица Маэ заинтриговало Армель, и она сказала подбадривающе:

– Ах, да будь ты понастойчивей хоть один раз! Ты всегда избегаешь продолжения первой ночи, как будто боишься чего-то!

– Просто я чувствую, что это должно было случиться и случилось, и мы все уже сказали друг другу.

– Он такой неинтересный?

– Нет, но...

– Слишком стар для тебя? Сколько ему – сорок с чем-то?

– Я не спрашивала у него паспорт. Меня не смущает то, что он может быть немного старше, дело не в этом, просто он держит дистанцию со всем остальным миром.

– Он осторожничает? Ну, так вы два сапога пара!

Чтобы избежать любопытных ушей, Маэ предложила пообедать в «Мастерской кулинара» в Валь-Андрэ. В этой бывшей парусной мастерской, переделанной в морское бистро, подавали отличные морепродукты по умеренным ценам.

– Я не услышала никаких пикантных подробностей, – возразила Армель. – Ты заметила на нем татуировки, шрамы, а может, он жутко волосатый? У него есть на шее цепочка или крестильный медальон?

– Ничего такого. Или я не запомнила.

– Маэ!

– Ну правда. Я даже не знаю, храпит ли он – так крепко спала.

– Но ты хоть получила удовольствие?

– А, это – да...

– И как бы ты его оценила?

– Как минимум на девять из десяти.

– Великолепно! Жаль, что ты в него не влюбилась.

– Если бы влюбилась, думаю, меня бы ждало большое разочарование.

– И ты не рискнешь, конечно! Это неправильно: ты лишаешь себя сильных эмоций. Даже я, хоть и влюбчивая, каждый раз жутко волнуюсь перед важным свиданием.

– Кстати, как у тебя с Жаном-Мари?

– Никак. Он меня избегает.

– Убеди его прокатиться с тобой на яхте, и он отгадет.

– Погода уж больно неподходящая. И потом, разве ему еще не осточертели море и волны?

– Он без них жить не может, и этот новый способ ходить под парусом должен ему понравиться. Потому что Дан никогда не поднимается к тебе на борт, даже в полный штиль...

– О, Дан! По правде сказать, он мне надоел, и я от него избавилась.

Армель подняла глаза и посмотрела на большую модель яхты, висящую под потолком, которая была создана рыбаками из Терра-Нова.

– В любом случае, – продолжала она, – я растакелажу «Фазер» и поставлю его на зимовку. Очень досадно, что осени, считай, не было! Что до Жана-Мари, может, я попрошусь к нему на траулер на ночную рыбалку?

– Ни в коем случае.

– Почему?

– Ты сама сказала – погода опасная. Никто не думает о развлечениях в такой момент.

– Так ты не будешь использовать свои квоты на вылов рыбы?

– Буду, конечно. Но у меня сломался двигатель на одном траулере, а на другом надо заменить драгу. Это непредвиденные траты. А вдобавок ко всему один из моих ребят заболел. И ты их знаешь: они не останутся на берегу из-за насморка! Впрочем, мне надо его проведать сегодня, его жена была очень обеспокоена, когда звонила мне.

Посерьезнев, Армель взяла в руки счет:

– Сегодня я тебя угощаю.

– Я еще не обанкротилась!

– Твой счет почти пуст. Ты была так щедра с этой чертовой Розенн, да и услуги милейшего доктора Кергелена обошлись тебе недешево.

– Скоро конец месяца, деньги появятся.

– С учетом твоих расходов... Представь себе – у меня вполовину меньше твоих забот и обязанностей, а мне повысили зарплату!

– Да, но у тебя и радостей меньше, чем у меня! – заметила беспечно Маэ.

«Радости», наверное, было не очень точное слово, но она действительно чувствовала душевный подъем. Может быть, Алан внес приятное разнообразие в ее рутину повседневности.

– В следующий раз плачу я, – сказала она, видя, что Армель достает банковскую карту.

* * *

После краткого перерыва на обед Алан вернулся на работу. У входа в кабинет его перехватила Кристина, у которой был довольно странный вид.

– У вас нежданная гостья, и вряд ли она вам понравится, – прошептала ассистентка.

Ее нахмуренное лицо не предвещало ничего хорошего, хотя она всегда была очень любезна со всеми пациентами.

– Это Мелани, ваша бывшая жена, – бросила она пренебрежительно. Имя произвело на Алана эффект холодного душа.

– Подозреваю, у нее нет проблем с зубами, – усмехнулся он.

– Можно подумать, она со мной делилась! Она хочет вас видеть – вот все, что я знаю.

Кристина терпеть не могла Мелани еще в Сен-Брие. Задолго до того, как это понял Алан, она определила для себя жену патрона как бессовестную карьеристку. В то время, когда Мелани приходила в кабинет, Кристина обращалась к ней только по необходимости.

– Я приму ее, – решил Алан.

– Только поскорее, ваш пациент, которому назначено на четырнадцать часов, уже здесь.

Алан распахнул дверь в приемную, улыбнулся одной из своих пациенток, листавшей журнал, и, наконец, заметил Мелани, которая стояла у окна, сложив руки на груди и выражая всяческое нетерпение.

– Я ненадолго! – бросила она следующей пациентке безапелляционным тоном.

Она прошла впереди Алана, который закрыл за собой дверь, и они оказались лицом к лицу в коридоре перед кабинетом.

– Ты в отличной форме, на тебя приятно смотреть, – заявила Мелани, оглядев его.

Сама она совершенно не изменилась. Как всегда, лицо, покрытое искусственным загаром, сильно накрашенные глаза, каскад белокурых волос до плеч, безупречный силуэт в бархатном костюме орехового цвета. Он подумал, что она, наверное, по-прежнему безумно тратится

на уход за лицом и телом. Алан провел Мелани в кабинет и молча выслушал ее восторги.

– Как прекрасно ты здесь обустроился! Вообрази, одна из моих подруг – твоя пациентка! Алина Руссо, понимаешь, о ком я говорю? Это она мне рассказала, что ты процветаешь. Вижу, она была права. И я еще в Ренне верила в тебя...

– У меня нет времени, – перебил он ее. – Что тебе нужно?

– Отлично! А то я уж подумала, что ты стал немым. Все злишься на меня? Это дело прошлого, Алан, мы давно перевернули страницу.

– Слава богу.

– А ведь мы могли тогда остаться друзьями.

– Мне это слишком дорого обошлось, чтобы я мог дружить, как ни в чем не бывало.

– Ты не хотел поверить в мой проект.

– Я не сумасшедший.

– И ты больше не любил меня.

– В последнее время – нет. Совсем.

Она скривилась, как будто он оскорбил ее, и продолжила:

– А главное, ты струсил. Тебе не хватало амбиций. Вдвоем мы могли бы развернуть грандиозные проекты. У меня все отлично начиналось, но ты подрезал мне крылья... Короче! Хочешь знать, что у меня сейчас происходит?

– Ни в коем случае.

– Но это должно тебя заинтересовать. Представь, я опять встала на ноги и скоро открою свой центр. Он будет грандиозным, и о нем все заговорят.

– Если ты приехала рассказать мне об этом, можешь не продолжать. Мне надо работать, Мелани.

– О, мне тоже! Сейчас я живу в Пемполе, а потом буду жить в самом центре, на вершине острова Аркуэст, напротив острова Бреа. Вид оттуда сногшибательный.

– Плевать мне на это! – взорвался Алан. – Живи хоть в Палава-ле-Фло или в аду, я не собираюсь записывать твой адрес. Я знаю тебя достаточно: если ты приехала, значит, тебе от меня что-то надо, так вот, мой ответ: нет. Так понятно?

– Дай мне сначала все объяснить тебе, Алан, иначе потом ты будешь очень жалеть.

– Я уже пожалел, когда понял, что ты из себя представляешь. И больше не хочу иметь с тобой никаких дел. А теперь проваливай и даже не пытайся говорить о деньгах.

– О деньгах? – усмехнулась она. – Как вспомню твои обвинения, что я тебя разорила! Но, похоже, ты вполне оправился?

Алан грубо взял ее за локоть и, потянув к выходу, широко распахнул дверь приемной.

– Больше не приезжай, это бесполезно, – прорычал он, выталкивая ее за порог.

Она с ненавистью посмотрела на него и ушла, гордо подняв голову.

Как он мог быть безумно влюблен в нее раньше? После Луизы – такой нежной, такой искренней, какое помутнение разума заставило его влюбиться в эту гадину Мелани? В то время он надеялся, что сможет начать с ней новую жизнь, что она захочет стать матерью, а вместо этого позволил превратить себя в конвейер по зарабатыванию денег. Эгоцентричная и тщеславная, Мелани использовала его для удовлетворения собственных амбиций, и он много лет был прикован, как раб к галере, к своему стоматологическому кабинету, где вкалывал по двенадцать часов в сутки. А напоследок она хладнокровно обобрала его до нитки. Увидев ее сейчас, он вспомнил свою собственную глупость, слепоту и испытанное унижение.

– А, все-таки вы ее выгнали!

Кристина вернулась в кабинет и протянула ему халат.

– Я все думала, удастся ли ей снова задурить вам голову.

– К счастью, я постарел и поумнел, – пошутил он.

– Тем лучше. От нее очень много вреда. Вернемся к работе?

Он улыбнулся, внезапно почувствовав облегчение. Кристина уже давно была больше чем ассистентка, она была другом и опекала его почти по-матерински.

– Если я когда-нибудь снова влюблюсь, напомните мне о Мелани, и я сразу приду в себя. Воспоминание о ней – очень действенное противоядие – не хуже, чем чеснок от вампира!

Он вышел в приемную за следующим пациентом, и Кристина умиленно посмотрела ему вслед.

* * *

Не замечая резкого запаха дизельного топлива и рыбы, Маэ стояла на палубе «Там бара» перед моторным отсеком.

– На этот раз никаких временных ремонтов, а то попадем в аварию посреди открытого моря! Если нужно заменить какие-то детали, делайте это сейчас.

Маэ яростно спорила с механиком – она давно его знала, и он постоянно выводил ее из терпения.

– Вам лучше заменить двигатель, – вздохнул он. – Он уже не тянет, выработал ресурс, отжил свое.

– Вы хотите, чтобы я разорилась?

– Но, Маэ, вы же не такая упрямая, как Эрван, и должны понять...

– Послушайте, у меня на берегу команда простаивает, а ведь я вишу на волоске с этими капризами погоды в последние дни. Заказать и установить новый мотор – это слишком долго и дорого. Придумайте решение, чтобы траулер как можно быстрее вышел в море.

– С вами надо иметь много терпения, – проворчал механик. – Во всяком случае, у меня в мастерской нет нужной детали. На складе в Ренне, наверное, есть, но раньше чем через два-три дня ее не доставят.

– Я могу сама привезти ее сегодня вечером при условии, что завтра рано утром вы будете здесь.

Он сердито посмотрел на нее и нехотя кивнул.

– Ладно. Я знаю, Маэ, маленьким компаниям – таким, как ваша, – сейчас нелегко приходится.

– А в этом году особенно тяжело. И расход топлива резко увеличился, и этот непрекращающийся шторм... Ладно, говорите мне характеристики этой чертовой детали...

Она достала из сумки блокнот и записала то, что он ей продиктовал. К счастью, у нее хватало здравого смысла вкладывать заработанное в свои корабли, которые она тщательно поддерживала в рабочем состоянии. Небольшие поломки ее моряки устраняли сами, но на этот раз авария была серьезная, и «Там бара», самое старое ее судно, будет обездвижено на целый день.

Механик поднялся на берег и пошел объявить новость морякам, которые уже собрались в ожидании его вердикта. Маэ задержалась немного на борту, бегло осматривая остальные части судна, а потом присоединилась к остальным.

– Я еду в Ренн, – объявила она. – Вы можете пока навести порядок на «Там баре», по-моему, она грязновата. И раз уж нет дождя, почему бы не подкрасить ее немного?

Она жалела их, зная, что у рыбаков день простоя неминуемо скажется на зарплате в конце месяца. А они считали ее своей и понимали, как тяжело ей было все тащить на себе. Некоторые из моряков знали Маэ уже давно, еще в те времена, когда Эрван обучал ее основам, а потом и тонкостям их ремесла, и они ее уважали, потому что она могла встать за штурвал любого своего траулера.

Вернувшись пешком домой, она предупредила отца, взяла ключи от пикапа и поехала в Ренн. Проезжая через Ламбаль – это был самый короткий маршрут, чтобы выехать на автомагистраль, – она вдруг подумала, что Алан, наверное, сейчас трудится в своем кабинете. Несмотря на то что ей было хорошо с ним в тот вечер, она спрашивала себя, стоит ли продолжать это приключение. Как она призналась Армелю, он не был похож на мужчину, которого она искала. В глубине души она признавала, что и не особенно-то искала, да и искать следовало совсем в другом месте. Но где и когда? У нее не было времени, а может, и желания тоже, но в любом случае ей не хотелось об этом думать.

В Ренне она поехала прямо к своему поставщику, а потом заставила себя отказаться от удовольствия потратить два часа на шопинг в торговом центре. Это развлечение она обычно делила с Армелем примерно два раза в год во время их незабываемых вылазок в город, когда они веселились в примерочных, обмениваясь советами и хохоча как сумасшедшие.

Возвращаясь через Ламбаль вечером, она, повинувшись какой-то внезапной прихоти и недолго поколебавшись, припарковалась на площади Мартрэ. Ее вдруг воодушевила идея выпить с Аланом по бокалу, прежде чем вернуться в Эрки. Сделав паузу в этом ужасном дне, она сможет отложить неизбежный спор с отцом о поломке двигателя. Потому что, хотя он и делал вид, что ни во что не вмешивается, у него на все было свое мнение. Почему бы не позвонить Алану в кабинет и не спросить, закончил ли он прием? Если он будет занят – что же, она зайдет в бар одна или просто уедет.

Переходя площадь, она увидела знакомый кабриолет «Эос», припаркованный чуть дальше от того места, где стоял ее пикап; значит,

Алан был еще на работе. Подходящая тачка для одинокого ловеласа, и хотя он отказывался считать себя таковым, его машина не слишком годилась для лесных дорог, ведущих к его дому.

Она плотнее обмотала шарф вокруг шеи, раздраженная ветром, который не утихал уже много дней. Стемнело, и в свете фонарей блестели тротуары. В этот час город был довольно малолюдным, и Маэ охватила грусть. Она могла бы остановиться у друзей в Эрки, выпить аперитив и насладиться дружеской атмосферой, но она устала быть одинокой женщиной, которую всегда устраивают на ночь в гостиной на диване. Почти все девушки ее возраста были замужем или, по крайней мере, в отношениях, и их главной заботой были дети или кредит за дом. Кроме Армель, она не находила общий язык ни с кем из своего окружения. Ее профессия, ее одиночество, которое все длилось и длилось; то, что она и после тридцати лет жила вместе с отцом, все это отдаляло ее от них.

Маэ еще издали увидела, что в окнах кабинета горит свет, и ускорила шаг. Трезвые и иронические рассуждения Алана, которые заведомо не могли коснуться корабельных двигателей, – это было то, что нужно. Когда она поднесла руку к звонку, дверь открылась, и на порог вышла медсестра в теплом пуховике, застегнутом доверху.

– Мадемуазель Ландрие! Но... разве вам сегодня назначено?

Она задала этот вопрос с недоумением, красноречиво посмотрев на часы.

– Нет-нет, я зашла к доктору Кергелену просто так...

– Идите, Кристина, я справлюсь сам.

Стоя за спиной ассистентки, Алан устало улыбнулся поверх ее головы Маэ. Он выглядел утомленным и расстроенным, к тому же был уже одет, однако сделал ей знак войти.

– До завтра, Кристина! И будьте осторожны на дороге, по-моему, скоро пойдет снег.

Он запер дверь кабинета и повернулся к Маэ:

– Проблема с зубом?

– Нет, никаких проблем, – поспешно ответила она.

– ?..

Смущенная его холодным приемом, она пробормотала:

– Говоришь, будет снегопад?

– Не я говорю, радио.

Этот краткий ответ совсем не ободрил ее.

– Я возвращаюсь из Ренна, – пояснила она, стараясь говорить весело, – и после этих двадцати четырех километров дороги мне захотелось свежего пива, и тут я вспомнила «Ля Бель Эпок». Не хочешь заглянуть туда перед отъездом?

– Не буду скрывать, у меня был очень тяжелый день.

– У меня тоже! – ответила она. – Ладно, раз так, не буду тебя больше задерживать.

– Подожди секунду.

Казалось, он размышляет; наконец, на его лице снова появилась вымученная улыбка.

– Хочешь, поедem ко мне поужинаем?

– Я не прошу так много. И потом, я должна...

– Ах да! Папа? У тебя, как у Золушки, строгий наказ вернуться в полночь? Слушай, я жутко устал, и это будет...

– Объяснений мне от тебя тоже не надо, – перебила она его сухо.

И прежде чем он успел возразить, она вышла, хлопнув дверью.

– Ну просто фурия... – пробормотал он.

Алан был зол на себя, что так плохо ее принял, и еле сдержался, чтобы не побежать вслед за Маэ. Но ему не хотелось тащиться в бар, хотелось домой. Жаль, он бы приготовил ей омлет или гратен с макаронами – два блюда, которые ему удавались, а потом бы ласкал ее, потому что она восхитительна... Но, похоже, у нее скверный характер, хотя в первый раз он этого не заметил. И потом, что это за манера заявляться без предупреждения! Кристину, наверное, мучает любопытство, и завтра она не преминет поговорить о ней.

Все еще расстроенный, он для верности постоял несколько минут на пороге, чтобы не столкнуться с Маэ на улице. После визита Мелани он весь день был в плохом настроении, и неожиданное появление Маэ его не улучшило. Чертовы бабы...

Наконец, он ушел и, не встретив никого на площади, поспешно сел в машину. В ближайшие два-три дня он позвонит ей и извинится. Или пошлет ей цветы – ее адрес был указан в медицинской карте.

Вернувшись домой, Алан налил себе вина, растопил камин и расположился перед ним с ноутбуком на коленях. Раз в неделю он разговаривал с братом по скайпу. Они условились, что не будут терять связь, несмотря на расстояние, и до сих пор держали слово. Из-за

шестичасовой разницы во времени в Нью-Йорке сейчас было позднее утро. На экране появился Людовик, и братья радостно улыбнулись друг другу.

– Прежде всего, с днем рождения, братец! – воскликнул Алан.

Он поднял бокал и с наслаждением сделал глоток.

– Эксклюзивное бордо в твою честь. Пойак^[6], который в ваших краях не найти! Ну, или только по бешеной цене...

– Давай, а я буду слюнки глотать.

– Шато Линч-Баж.

– Шутишь?

– Я хранил его для такого случая.

– Ну ты скотина, однако!

– Спасибо. Что нового у янки?

– Обещают суровую зиму.

– Нам тоже. Дождливую, ветреную, холодную и раннюю. Как твоя семья?

– Линда тебя целует, а дети спрашивают, можно ли им приехать к тебе летом на каникулы?

– Только если ты поедешь вместе с ними. Управляться с двумя мальчишками переходного возраста выше моих сил.

Он рассмеялся, потому что обожал своих племянников, с которыми ему всегда было хорошо. Два года назад, путешествуя вдвоем по Франции, они нашли это поместье и тогда еще решили, что нет в мире лучшего места для игр.

– А как мама? – спросил Алан.

– Я обещал ее позвать перед тем, как мы с тобой попрощаемся, она очень хотела с тобой поговорить.

– Она по-прежнему довольна тем, что переехала?

– Да, внуки всегда рядом, она обожает американский образ жизни... и наслаждается каждым днем.

Они оба рассмеялись, потому что это означало, что их мать в шестьдесят пять лет все еще отказывается стареть.

– Она все больше молодится, – заметил Людовик, – но здесь это не замечают.

После смерти отца оба были уверены, что мать никогда не оправится от горя, но как сильно они ошибались! Наоборот, казалось, она наконец освободилась от многолетних ограничений и требований

благопристойности, заявив, что поскольку она выполнила свой долг перед жизнью полностью, то теперь будет делать только то, что ей нравится. Продав без малейшего сожаления свой дом в Канкале, она спешно переехала в Соединенные Штаты к старшему сыну и начала там новую жизнь.

– Как твой бизнес, все в порядке? – продолжал Алан.

– Да, неплохо, но я вкалываю по двенадцать часов в сутки. Мой «френч» отталкивает некоторых клиентов, зато привлекает других.

Людовик был специалистом по программному обеспечению и владельцем небольшой, но успешной компании. Алана по-прежнему удивляло, что брат отлично чувствует себя в безумной суматохе этого огромного города, впрочем, у них были совершенно разные характеры.

– Ну а у тебя, в твоей глуши, что нового?

– Сплошная рутина, но я ее обожаю, ты же знаешь. У Пат было растяжение сухожилия, но уже прошло. Все равно, сейчас не время для конных прогулок. Что касается работы, моя приемная всегда полна. Меня это должно радовать, по крайней мере с финансовой точки зрения, вот только я приехал в Ламбаль, чтобы найти покой!

– То есть, ты жалуешься на обширную практику... Ладно, ну а с женщинами как? Я бы очень хотел, чтобы ты снова влюбился.

– Только не это! Представь себе, сегодня ко мне приходила Мелани.

– Вот наглая баба! У нее совсем нет совести? После того, как она обглодала тебя дочиста и облапошила, ей хочется у тебя отобрать еще что-нибудь?

– Я не дал ей возможности рассказать, что ей нужно. Раз она приехала, значит, какая-то идея у нее была, но я не хочу ее выслушивать.

– Остерегайся этой женщины, Алан. Теперь между вами нет ничего общего, так не подпускай ее близко.

– Я с тобой совершенно согласен. На самом деле, я никого не подпускаю слишком близко.

– Не надо преувеличивать. Ты хочешь закончить жизнь в одиночестве?

– Конец наступит не завтра, а я ценю одиночество.

– Но, по крайней мере, ты продолжаешь соблазнять женщин?

– Я не сказал, что они меня больше не интересуют! Просто не хочу, чтобы они вторгались в мое жизненное пространство, вот и все.

- Честно говоря, Линда не отнимает у меня кислород.
- Потому что вы любите друг друга, а это все меняет.
- Что за фея пересекла твой порог в последний раз?

Людовик стал говорить о феях с тех пор, как его дети, очарованные бретонскими легендами, рассказанными им бабушкой, начали верить в чародеев и прочую магию кельтского мира.

- Владелица рыболовной компании.

Сказав это совершенно серьезно, он увидел, что брат еле сдерживается от смеха.

- Ее зовут Маэ, – уточнил Алан. – Она брюнетка лет тридцати.
- У меня есть шанс с ней познакомиться?
- По-моему, никакого.
- Жаль. Когда ты собираешься к нам приехать?
- Только не сейчас, Людовик.

– Почему-то всегда я пересекаю Атлантику! И тещу маму, Линду, детей...

- А почему бы тебе не приехать один раз самому?

– Да мне глаза выцарапают, если я поеду один. Ладно, обещаю тебе об этом подумать. Другое дело, если бы цель была – познакомиться с будущей невесткой, тут я бы помчался сломя голову.

– Что ты такое говоришь? Воображаешь, что я появлюсь перед мэром в третий раз? Да я бы первый признал себя безнадежно больным. Дебиллом, которому все не впрок.

Он снова поднял бокал, с наслаждением сделал два глотка, потом взял тонкую сигару и не спеша закурил ее, не обращая внимания на возмущение Людовика.

- Ты специально это делаешь, хочешь свести меня с ума?
- Хочу тебя соблазнить.

– Я бросил курить, чтобы не стать изгоем. Здесь это по-настоящему запрещено!

– Во Франции тоже к этому идет. Впрочем, у нас отнимают кусочек свободы каждый день, и она съезживается, как шагреневая кожа. А еще борются с сахаром, жирами, мясом, алкоголем... Вот почему я обожаю свой дом посреди леса – это место, где я могу жить так, как мне хочется.

– Ладно, мне надо возвращаться к работе, сейчас подойдет мама. Береги себя, и желаю тебе приятного вечера: насладись всеми своими

пороками мне на зависть!

Ухмыльнувшись, он подмигнул Алану и исчез с экрана, уступив место матери.

– Господи, да на тебе лица нет!

– Зови меня просто Аланом, мама, это как-то душевней.

– Очень смешно. Богохульствуешь?

– Ты поминаешь Бога кстати и некстати.

– Здесь такая манера разговаривать. Нет, правда, дорогой, по моему, ты исхудал. Нет? Может, экран искажает... Мне очень жалко, что ты не с нами и не можешь попробовать куинь-аман^[7], который я только что испекла. Внутри помадка, а сверху слой карамели. Дети его обожают, а я хочу, чтобы они помнили о своих корнях.

Мать выглядела очень бодрой, хотя и чересчур накрашенной, но зато ее взгляд светился радостью жизни.

– Я слышала твой разговор с Людовиком и честно скажу – плохой совет он тебе дал. Он хочет, чтобы ты снова повесил себе ярмо на шею? Но это же чистое безумие! Поверь мне, так, как ты сейчас живешь, – это просто прекрасно. Преимущества холостяцкой жизни совершенно очевидны, жалею, что открыла их для себя так поздно. А вот насчет Мелани я согласна – когда она в следующий раз к тебе заявится, встречай ее с револьвером. Как там твоя славная Кристина?

– Она заботится обо мне, как мать.

– Скажи ей, что я ревную. Если бы ты приехал сюда работать, я бы сама о тебе заботилась.

– У меня нет особого желания.

– Менять страну? Но тебе было бы здесь очень интересно, они сильно обогнали нас в технологии имплантации!

Мать была в курсе всего, бодра духом, а независимость сильно убавила ей годы. Алан попытался вспомнить, какой она была тридцать лет назад. Бесцветная, спокойная, с неизменной улыбкой на губах, которую можно было счесть безмятежной, но это была улыбка смирения. Безусловно, она была хорошей матерью, но ее жизнь как женщины, скорее всего, была довольно тусклой. Чтобы вознаградить себя, она изображала перед внуками образ довольно оригинальной бабушки.

– Поговорим на следующей неделе, мама.

– Я всегда рядом, когда ты разговариваешь с Людовиком.

Они обменялись через экран долгим взглядом, полным нежности, и Алан вышел из скайпа.

Этот еженедельный разговор всегда доставлял ему удовольствие, видно, он был не таким уж нелюдимым, как представлял себе.

Положив еще одно полено в огонь, он решил приготовить себе омлет с травами, который мог бы разделить с Маэ. Проходя комнату, он увидел, что белая кошечка сидит у пустой миски и смотрит на него с упреком.

– Вот уж точно, – заметил он ей, – что бы мы ни делали, всегда кто-нибудь будет недоволен!

* * *

После короткого перерыва на обед Маэ вернулась в офис. Ей с трудом удалось убедить Эрвана, что нет, она не выходила, а только занималась за стеной бухгалтерией.

– И почему бы тебе не спать у себя, – пробормотала она сквозь зубы, уставшая от неудач этого дня.

Она начала составлять зарплатные ведомости, что было делом трудоемким, потому что заработок рассчитывался на основе фактических продаж на рынке морепродуктов. Ноябрь прошел неважно, несмотря на то что все прилагали усилия, и оставалось надеяться, что декабрь будет лучше, потому что к праздникам цена на морской гребешок всегда поднималась. Жан-Мари планировал наловить на «Жабадао» самую ценную рыбу – камбалу, морского языка и налима. Для этого необходимо уходить из береговой зоны в открытое море на несколько дней. Он решил идти со своими товарищами по команде, одним из которых был маленький Кристоф. Этот парень был просто находкой, он на глазах набирался опыта. Маэ однажды видела его в работе три месяца назад, когда ей пришлось подменить внезапно заболевшего моряка. Тогда она вернулась измученная, но гордая тем, что не оплошала перед своей командой. Она всегда умела почти мгновенно выпотрошить и промыть рыбу. Перед сортировочным столом Маэ оказалась рядом с Кристофом, и между ними установилось соревнование на скорость. Весь день она наслаждалась забытыми ощущениями. Адский металлический скрежет спускаемого трала, рокот волн, накатывающих на палубу, короткие перекусы в три глотка, свинцовая тяжесть сапог и рыбацкого

дождевика, непрерывное мурлыканье дизельного двигателя, задубевшие от холода, несмотря на перчатки, руки, и невообразимая смесь разных запахов, которая, однако, не была ей неприятна. В тот день Маэ проверила себя на прочность и к тому же получила заряд бодрости, стряхнув с себя рутину повседневности.

Прозвучал сигнал, и она взглянула на экран телефона: Армель коротко сообщала ей, что вечером встречается с Жаном-Мари. Отлично! Значит, она добилась своего и красавец-брюнет сдался? Представив их парой, Маэ невольно рассмеялась. Армель такая болтливая, а Жан-Мари молчаливый, она – совершенно раскованная, а он – застегнут на все пуговицы, она – сова, а он – жаворонок...

– Вот так противоположности сходятся...

Она подкатила кресло к окну, но ничего не увидела. Небо было беззвездное, а фонари только что погасли. Только сейчас Маэ разрешила себе подумать о том, как встретил ее Алан. Он был готов везти ее к себе, в свою постель, но не жаждал тратить время на то, чтобы сидеть с ней в баре. Вот что значит идти прямо к цели! И поскольку они уже один раз переспали, нет нужды прикрывать ее красивой оберткой. К такому оскорбительному поведению Маэ не привыкла. До сих пор мужчины относились к ней с уважением, и вообще, это она всегда отдалялась первая.

– Не надо мне связываться с сорокалетними бабниками, воображающими себя мачо!

В кои-то веки Маэ потерпела неудачу, и, конечно, Армель воспользуется этим для своих шуток. Особенно если будет довольна вечером, проведенным с Жаном-Мари. Резко развернувшись, Маэ придвинула кресло к столу. Бесполезно снова и снова пережевывать свою обиду, надо просто поставить на Алане крест. Потеряла одного, найдется десять новых. Вот только не в Эрки, конечно...

Она выключила ноутбук, встала и потянулась. В ее жизни не было места вдохновению, и здесь она была бессильна. В дни подготовки свадьбы с Ивоном ее все время охватывала сладостная дрожь, сердце билось как сумасшедшее, она буквально летала. Удастся ли ей снова испытать когда-нибудь это волшебное чувство?

Выйдя в палисадник, Маэ заметила, что в спальне отца все еще горит свет. Слава богу, что он поднялся к себе, хотя теперь наверняка насторожился, услышав хлопанье входной двери. Из духа

противоречия она чуть было снова не села за работу. Ей не нравилось, что он следил за ней, ждал ее возвращения! Она не была ему ни компаньонкой, ни сиделкой; еще немного, и она побежала бы в ближайший бар. Но в ноябрьский вечер, да еще в будни, было мало шансов, что она найдет хоть один открытый.

Подумав о том, что ей опять придется придумывать оправдания, Маэ зябко поежилась от холодного воздуха. Да, определенно этот день получился неудачным, и единственный способ положить ему конец – это лечь спать.

«Завтра будет новый день», – шептала ей мать в детстве, целуя на ночь. И, подложив под одеяло ее любимого плюшевого медвежонка, повторяла эту фразу как заклинание. Едва сдерживая дурацкое желание разреветься, Маэ поднялась к себе.

5

Во время очередной прогулки Эрван дважды ронял палку, и сейчас уронил ее снова. Какой-то любезный прохожий поднял ее и протянул ему с сочувственной улыбкой. Расстроенный, Эрван решил закончить прогулку. Теперь он ходил старческой походкой, подволакивая ноги, и это выводило его из себя. Встретив двух знакомых моряков, он едва ответил на их приветствие из страха, что снова уронит палку. Подумать только, что десять лет назад он мерил этот порт гигантскими шагами! Эрван чувствовал себя пленником в собственном теле, которое стало похоже на сломанный механизм и больше не слушалось его команд. Однако сегодня утром он почувствовал, что ему вполне хватит сил сходить посмотреть, как будут разгружать свежую рыбу. Он сам хотел убедиться в том, что уловы сильно уменьшились, судя по тем цифрам, которые показала ему Маэ две-три недели назад, а заодно переговорить с другими судовладельцами. Однако день, похоже, он выбрал неудачный. Эрвана окружало столько сочувственных взглядов, что ему захотелось немедленно вернуться домой. Вот только дома, привыкший всю жизнь работать по двенадцать часов в сутки и теперь приговоренный к бездействию, он смертельно скучал.

– Эй, Эрван!

Кто-то окликнул его, и он, остановившись, неуклюже обернулся. Человек, спешащий ему навстречу и улыбающийся, был одним из его приятелей-рыбаков, который все еще выходил в море.

– Давно тебя не видно! Прячешься, что ли?

– У меня проблемы со здоровьем, – проворчал Эрван.

– Но ты неплохо выглядишь. Небось за тобой дочь ухаживает?

– Она слишком занята.

– Да, видно, как она все дни напролет крутится без устали!

Маэ хорошо знали в рыболовном мире Эрки, и ее популярность раздражала Эрвана вопреки его воле.

– Смотри, кто входит в порт: похоже, ее «Жабадао».

Глядя в море, моряк сложил руку козырьком, и Эрван повторил его жест.

– Да, точно, это *наш* траулер.

Он не мог не подчеркнуть принадлежность судна, отказываясь признавать, что полностью отстранен от собственного дела.

– Красивый корабль, – заметил старый приятель.

– Уж очень у него кричащая раскраска, – возразил Эрван, нахмурившись.

Вишнево-красный и зеленовато-синий цвета, в которые Маэ раскрасила все их траулеры, ему не нравились, поскольку таким образом она их присвоила.

– Капитан на нем по-прежнему Жан-Мари? Маэ повезло, он замечательный парень.

– Это я его нанял, когда он был совсем юнцом, – напомнил Эрван. – Очень способным, но мне приходилось его всему обучать.

– Ну, с тех пор он возмужал! Пойдем, я провожу тебя в бар, выпьешь кофе. Холодно сегодня...

Эрван не желал, чтобы его куда-то вели, он хотел идти сам, и эти слова вывели его из себя. Понимая, что поступает невежливо и опрометчиво, он отклонил предложение.

– Я возвращаюсь домой, – проворчал он. – В другой раз.

Он только что сознательно лишил себя удовольствия интересной беседы в тепле. Он бы мог узнать от этого знакомого, все еще работающего, много полезного и нового, – того, чем Маэ делилась с ним чрезвычайно скупно, как будто он вмешивался в чужое дело. Но, черт возьми, это было и его дело, хоть его и отодвинули в сторону! Направляясь к дому, он досадовал, что упустил удобный случай, хотя отказался лишь потому, что боялся выглядеть смешным. У него бы дрожала рука с чашкой кофе, и он обязательно пролил бы его, а при разговоре он бы кашлял и давился словами, которые застревали у него в горле – нет, в таком состоянии он не появится перед людьми.

Эрван уже издали заметил перед домом женщину с маленьким мальчиком. Казалось, она кого-то ждет. Он с удивлением узнал в ней гостью дочери, которая приходила с сыном месяц назад. В первую секунду он хотел развернуться и уйти, но потом подумал: с какой стати? Почему он должен их избегать? Все равно Маэ скоро вернется и примет их, как в прошлый раз. А пока она не вернулась, он успеет задать несколько вопросов. Он подошел к женщине и приложил два пальца к козырьку.

– Что вам угодно?

– Я звонила, но никто не открывает. Мы пришли к Маэ...

Она помахала большим букетом цветов.

– Она скоро вернется. Входите.

Он толкнул ворота, повел их в палисадник и указал на вход в офис в торце дома.

– Думаю, вы знаете дорогу?

Все-таки он проводил их и остался вместе с ними ждать Маэ.

– Вы подруга моей дочери?

– Знакомая, – сдержанно ответила женщина.

– Не трогай это, малыш, – сказал он, видя, что Артур вертится около ноутбука.

– Да, успокойся и иди в сад!

– Холодно! – возразил мальчик.

Но все-таки он вышел, не закрыв за собой дверь, и Эрван закрыл ее сам.

– Очень милый у вас мальчик. Не знаю почему, но он мне сильно кое-кого напоминает...

Он обернулся и увидел, что Розенн смотрит на него выжидательно и с любопытством. Она открыла рот, но не успела ответить, потому что с улицы донесся голос Маэ, которая разговаривала с мальчиком. Она вошла, держа его за плечо, и выглядела очень раздраженной.

– Добрый день, – холодно бросила она Розенн. – Папа, ты не мог бы нас оставить? Это ненадолго.

Эрван был раздосадован: ему пришлось выйти, так и не удовлетворив любопытства.

– Я вас просила больше не приходить, что вы здесь делаете?

Маэ старалась говорить спокойно, чтобы не напугать мальчика, но у нее было только одно желание: выставить их вон.

– Зря вы так сразу, я пришла к вам, как к другу. И во-первых, я принесла вам это. Как видите, я возвращаю долги. Ну, это только начало, а потом вы поймете, что я человек слова.

Она достала бумажник, отсчитала пять купюр по двадцать евро и положила их на стол.

Маэ посмотрела на деньги, потом на Розенн.

– Вы собираетесь приходить пятнадцать раз подряд? – насмешливо спросила она. – Послушайте, я ни о чем вас не прошу. Если вы можете

вернуть мне деньги, тем лучше, но сделайте это сразу, даже если это будет в следующем году!

– Я хотела только доказать вам, что я не обманщица.

– Да плевать мне на это! – взорвалась Маэ.

Маленький Артур молча посмотрел на нее, открыв рот, и его подбородок задрожал. Мальчик был совершенно ни при чем, не нужно было делать его свидетелем непонятной ему ссоры взрослых.

– И потом, – продолжала Розенн нерешительно, – скоро у меня появится возможность зарабатывать больше. Я нашла место в Динаре, в одном отеле с рестораном, открытым круглый год, и в рождественские праздники тоже. Я получу много чаевых! Клиенты всегда становятся щедрее, когда хорошенько выпьют. Моя единственная проблема – это Артур. Никто не согласился присматривать за ним, и мне придется оставлять его одного. И поэтому я опять пришла к вам с просьбой: не могли бы вы взять его дней на десять? Я приведу его к вам двадцать четвертого декабря и заберу второго января. И тогда я смогу купить ему подарок на Рождество, а вам – вернуть часть долга.

– Вы чокнутая, – тихо сказала Маэ.

Они вместе повернулись к Артуру, который стоял на другом конце кабинета, уткнувшись носом в окно.

– Он боится оставаться ночью один. В моей халупе даже замка нет, может случиться все что угодно.

– Вы чокнутая и безответственная!

– У меня нет выбора. Думаете, мне приятно вас просить? Но кого еще, посудите сами? К кому я только не обращалась – мне все отказали, а ребенок теперь чувствует себя отвергнутым, потому что никому не нужен!

Ошеломленная, Маэ молча покачала головой. Одно из двух: либо Розенн была манипуляторшей – но с какой целью? – либо просто незадачливой дурочкой. Казалось, она не отдает себе отчета, что испытывает маленький мальчик, когда она пытается его сплавить то одному, то другому, словно хочет от него избавиться. Как он воспринимал это своим детским умом? Если бы Ивон увидел это с неба, он, наверное, не поверил бы своим глазам.

– Если Артур согласится, я возьму его на несколько дней в Рождество. В остальное время выкручивайтесь сами.

Уже второй раз она уступила требованиям Розенн. Почему? Из сострадания к ребенку? Воплощал ли он то, что не сбылось с Ивоном? Она всегда думала, что будет хорошей, любящей матерью, какой была ее собственная, умершая слишком рано. Она знала ту пустоту в душе, которая остается после ухода одного из родителей, а у бедного Артура не только не было отца, но и мать оказалась безмозглой.

– Я делаю это, чтобы вы могли работать и Артуру была от этого какая-нибудь польза. Артур?

Артур нехотя отвернулся от окна и пошел к Маэ, волоча ноги.

– Хочешь отпраздновать Рождество здесь, со мной и моим отцом? Украсим елку, расставим под ней фигурки, ясли с младенцем-Христом, ночью можешь не спать...

– А подарки? – угрюмо спросил он.

Маэ подумала, что ничего не знает о детях этого возраста.

Она посмотрела на Розенн, которая беспечно рассмеялась.

– Он уже давно не верит в Санта-Клауса! Я принесу что-нибудь в красивой коробке, не беспокойтесь.

– Мне беспокоиться не о чем, – ответила Маэ.

Она встала, давая понять, что разговор окончен. Как она объяснит это Эрвану? Сможет ли выдать Розенн за давнюю подружку из лица, которая пришла с просьбой ее выручить? Маэ не привыкла врать, ей было бы нелегко сделать это правдоподобно.

Розенн взяла сумку и не спеша положила в нее бумажник.

– Артур, скажи «до свидания», мы уходим.

Ее сын нехотя махнул рукой.

Розенн сочла, что этого достаточно: если она будет давить на сына, он может закатить истерику, чего она хотела избежать любой ценой. Она не ожидала, что Маэ согласится, и не хотела все испортить. Избавившись от Артура, пусть и всего на несколько ночей, она сможет серьезно заняться Яном. Ее взгляд вдруг упал на большой букет цветов, который она, входя, положила на край стола. Цветы отдал ей курьер, потому что дома у Ландриэ никого не было, а она ждала перед дверью. Машинально и из свойственного ей любопытства он достала прикрепленную к букету визитную карточку из плотного картона. Сейчас она кончиками пальцев нащупала ее в кармане, собираясь достать, но вдруг передумала. Может, Маэ решила, что эти цветы принесла Розенн – почему бы и нет, в конце концов? Такой подарок

расположит ее к Артуру и избавит от сомнений. А если тот, кто послал букет, объявится – что ж, Розенн всегда может сказать, что никакой карточки не было, что, вероятно, она потерялась при доставке. Очень довольная своей идеей, она взяла сына за руку и поспешила уйти.

* * *

Мелани не переставала злиться. Алан обошелся с ней возмутительно, она была оскорблена и разочарована. Конечно, она не ждала, что он примет ее с распростертыми объятиями, но надеялась, что он хотя бы соблюдет минимум приличий. Они развелись уже давно, и все обиды пора было забыть. Он оказался злопамятным, что ей совсем не понравилось, и совершенно к ней равнодушным – а это ее унизило. А ведь она тщательно подготовилась к этой встрече, постаралась вспомнить то, что ему нравилось: красивая блузка, легкий макияж, строгие украшения... и короткая юбка, потому что в то время он восхищался ее ногами. А теперь он даже не посмотрел на нее, так спешил выставить за дверь. Какой идиот! Она привыкла, что мужчины восхищаются ею, хотят ее, а сейчас – в тридцать шесть лет – она была на пике своей красоты.

Тогда Алан был сильно влюблен в нее. Очень сильно. Когда она встретила его, он еще не оправился от смерти Луизы, непрерывно думая о своей потере и о лихаче за рулем. Не в состоянии забыть о трагедии, он не мог вернуться к нормальной к жизни. Мелани вытащила его из глубокой депрессии. Он влюбился в нее благодаря тому, что она научила его снова смеяться и разбудила в нем желание жить. Его угрюмость сменилась страстностью, готовностью к любым безумствам. Но она желала только одного: чтобы он женился на ней и начал, наконец, серьезно вкалывать. Хватит прозябать в больнице, где платят гроши; у нее были на Алана другие планы. Прошло несколько лет, и он стал зарабатывать большие деньги благодаря тому, что они переселились в Сен-Брие. Изучив конъюнктуру, Мелани решила, что Алан должен заниматься и ортодонтией, что обещало грандиозные перспективы. Она была полна решимости превратить его кабинет в настоящий центр притяжения для всего региона. Родители толпились в приемной Алана, стремясь обеспечить своим детям идеальные зубы. Он должен был радоваться такому блестящему положению дел, тем более что Мелани, увлеченная успехом мужа, хотела начать другие

амбициозные проекты. Она обладала деловым чутьем и знала, что деньги идут к деньгам. Ее идея бальнеологического центра с морскими процедурами для богатых женщин была вполне здравая, рассчитана на определенную клиентуру и потенциально прибыльная, но требовала больших вложений. Заработка Алана было недостаточно, однако его средства позволили бы начать дело и одновременно стать некоторой гарантией для банка. Поручительство *доктора Кергелена* дало бы ей зеленый свет при получении кредита. Но, к сожалению, этот идиот струсил! Он жаловался, что устал ставить детям скобки на зубы, но на самом деле его напугала грандиозность ее проекта. И, разумеется, с его отказом все задуманное рухнуло, погребя под собою амбиции Мелани. Она была так взбешена, что порвала с ним. Хотя тоже любила его, по крайней мере вначале.

Припарковавшись недалеко от строительной площадки, она удовольствовалась тем, что стала наблюдать за ней издали, не желая шлепать по грязи. На этот раз ее центр будет построен; в принципе, ничего не должно прервать работы. Благодаря участию двух банков, а также трех частных инвесторов, которых Мелани удалось привлечь, дело было верное. К сожалению, доля самой Мелани оказалась мизерной. Несмотря на то что именно она была автором проекта, удержать его в своих руках ей не удалось: она не владела необходимыми средствами, чтобы остаться мажоритарным участником. Ее перспективы ограничивались директорским постом и в дополнение к зарплате – смехотворными дивидендами, что ее совершенно не устраивало. Хуже того, когда через три года ее контракт закончится, его вполне могут не продлить. И тогда ей придется подчиняться всем решениям своих партнеров. Это были драконовские условия, но ей пришлось их принять.

Мелани издали наблюдала за рабочими. Куда делся бригадир, которого она узнавала по цвету каски? Каждый день она требовала от него отчета, ставя в вину малейшую задержку. Как только центр откроется, она так же будет держать в узде своих служащих. Если она нигде не допустит промашки, то сможет стать необходимой, абсолютно незаменимой. Уже сейчас, на стадии набора сотрудников, ей надо было показать, насколько она бескомпромиссна и как безжалостно отсеивает кандидатов. Она так часто мечтала о своем проекте, что все ее идеи были продуманы до мельчайших деталей.

Специалисты по акваэробике, массажисты, косметологи и сотрудницы на ресепшен должны иметь безупречную репутацию. А инструктор по плаванию – внешность героя-любовника!

Она улыбнулась, но вспомнила об Алане, и ее улыбка тут же погасла. По-видимому, он восстановил свою обширную клиентуру и поправил денежные дела. Узнав о его неожиданных успехах, она сказала себе, что пришло время помириться. Со дня развода он не подавал никаких признаков жизни, но по-прежнему был не женат. И, похоже, в его жизни не было женщины, а значит, это поле было свободно для возобновления отношений... хотя бы нормальных отношений. По плану, задуманному Мелани, она придет к нему, как к другу, единомышленнику, и сделает выгодное предложение. Представив дело как своего рода компенсацию за прошлое. Потому что он все потерял к моменту их развода – не зря она наняла отличного адвоката! Она пообещает ему, что он полностью вернет потерянные деньги. Сделка исключительная и без всяких рисков с его стороны. Для него это будет безопасной инвестицией, а для нее – возможностью привлечь в дело нового финансового партнера. И тогда в глазах спонсоров она укрепит свою позицию.

Правда, он не позволил ей вставить ни слова. И его ярость оставляла мало надежд на хороший исход. Как только она заикнулась о деньгах, он начал орать. Может, надо было попытаться его соблазнить? Не похоже, что он бы повелся, но она хорошо его знала: у них были потрясающие моменты в постели, и он, конечно, их не забыл. А ей даже не пришлось бы заставляя себя притворяться, потому что он сохранил все свое мужское обаяние. Он не обзавелся ни граммом жира, лишь несколько морщинок появилось в уголках его все таких же светло-серых глаз. Его глубокий, спокойный голос даже в ярости сохранял свою притягательность. В сорок лет он выглядел великолепно, почему же по-прежнему оставался один? Уж Мелани-то знала, как он равнодушен к женщинам, и, значит, их было много, но ни одна не смогла его удержать. Сохранились ли у него чувства к ней? Когда она объявила, что уходит, он выглядел совершенно убитым. Конечно, они много и яростно спорили в то время, но Алан был очень привязан к ней и тяжело пережил развод. Недаром он не стал с ней судиться и оставил ей все свое имущество.

В задумчивости она спросила себя, как встретиться с ним снова. Подальше от Кристины, которая всегда была ее врагом и ревниво следила за своим патроном. Однажды в перепалке Мелани назвала ее угрюмой старой девой, и после этого они не обменялись ни словом. Так что в кабинете лучше было не появляться. Но тогда где его искать? Она не знала, где он живет, и узнать это было невозможно – наверняка он был в закрытом списке адресной книги. Ей совсем не улыбалось выслеживать его! Однако она могла дождаться его вечером, когда он будет садиться в машину. Интересно, он все так же любит спортивные машины?

Мелани задрожала от холода, стоя на ветру. Если она хочет увидеть, как продвигается работа, ей надо переодеться. В принципе, стройка завершится через три месяца, значит, весной центр откроется. При условии, что будут соблюдены все сроки. А это зависело от нее – от ее бдительности и требовательности.

Она решительно натянула перчатки и открыла багажник, где лежали резиновые сапоги.

* * *

Маэ заметила цветы только после ухода Розенн и унесла их в квартиру. Что за странная идея, не имея ни гроша, покупать зимой такие роскошные розы! Очевидно, они должны были задобрить Маэ, которая их даже не заметила. Ей было неловко, но она заботливо поставила их в большую вазу. Ладно, ни к чему казнить себя из-за букета, в конце концов, она уступила, согласившись взять маленького Артура на Рождество. Глупое, необдуманное решение, за которое Армель обязательно ее высмеет. Впрочем, она была довольно равнодушна к детям, тогда как Маэ мог легко растрогать вид ребенка. Разве она не мечтала о том, что у них с Ивоном будет двое или трое малышей? Даже не признаваясь в этом самой себе, она испытывала противоречивые чувства, глядя на маленького Артура. Он был символом ее несостоявшейся истории любви и платил за это высокую цену, имея такую неразумную мать.

– Она что, издевается над тобой, твоя знакомая?

Возможность соврать отец преподнес ей на блюдечке сам. Придумать подругу, вынужденную по семейным обстоятельствам

оставить ей на несколько дней своего сына, почему бы и нет? Но Маэ ненавидела врать.

– Это сложная история, – наконец призналась она. – Артур останется с нами на Рождество. Надеюсь, тебе это не помешает? У его матери возникли проблемы.

– Например?

– Проблемы по работе. Она не сможет освободиться в рождественскую ночь.

– А... И других родных у ребенка нет?

– Думаю, нет.

– А у тебя найдется время им заниматься? 24-го и 31-го числа на рынке в порту будут покупатели, ты должна быть там.

– Я знаю. В худшем случае попрошу тебя побыть с ним несколько часов.

– Ну вот! Теперь я должен сидеть с детьми? К тому же я не знаю этого мальчика.

Чтобы положить конец его вопросам, Маэ вынула из кармана джинсов листок бумаги.

– Я хотела кое-что показать тебе, папа. Это наши расходы на дизельное топливо за год.

Он достал очки и посмотрел на цифры.

– Ты шутишь?

– Нет. Цены на горючее так взлетели, что некоторые судовладельцы готовы закрыть свои компании. Ребята стараются экономить, они понимают, что расходы становятся неподъемными, но от них это не зависит. И я не могу не включать их в цену, мы и так работаем почти в ноль. Нам придется сбавлять скорость, пока мы будем добираться до зоны лова.

– Значит, у нас будут проблемы?

– Да.

– Справишься?

Она заметила, что он только что самоустранился, сделав ее ответственной за судьбу компании.

– У меня есть небольшие накопления. Немного, но, думаю, выкрутимся. А вот премии, которые я обычно выдавала в конце года...

Видя, как отец встревожен, она пожалела, что все ему рассказала. Но, с другой стороны, он должен понять, что времена изменились – и

больше, чем он думает. В пору его молодости можно было выдвинуться, стать судовладельцем и неплохо жить. А сегодня эта профессия не вдохновляет молодежь из-за отсутствия перспектив.

– А когда мы, наконец, дождемся электрических двигателей? – добавила горячо Маэ. – Проектировщики думают только об автомобилях, но насколько лучше с ними стали бы наши суда! Меньше загрязнения, меньше шума, дешевле в эксплуатации...

Эрван недоуменно пожал плечами, как будто она сморозила глупость.

– Нужны какие-то перемены, папа. Иначе мы все пойдем ко дну. Останутся только плавучие рыбзаводы и мороженная рыба.

– Или вообще никакой рыбы не останется, – ухмыльнулся он.

Она подумала, что он забыл про Розенн и Артура, но он вернулся к этой теме без всякого перехода.

– Этот мальчик, Артур, – кто он все-таки? Ты думаешь, я уже ослеп и выжил из ума? Думаешь, я не вижу сходства? Да это же вылитый его портрет, черт возьми!

Пораженная, Маэ несколько секунд смотрела на отца в упор. Он не мог знать, она никогда ничего ему не рассказывала. Но тогда кто? Может, Розенн доверилась кому-то, кого он знал? Сдержанность явно не была ее добродетелью, может, она жаловалась на свою судьбу всем встречным и поперечным?

– Ивон не знал, как тебе признаться, но его это очень тяготило, и тогда он все рассказал мне.

– Тебе?! – воскликнула Маэ недоверчиво.

– Ему было стыдно, но он больше не мог скрывать.

– Но когда это было? – настаивала она.

Маэ знала своего отца: он бы не смог просто выслушать такое признание, его реакция была бы мгновенной и жесткой: он расторг бы помолвку дочери, схватил бы Ивона за шкуру и выставил на улицу.

– Как раз перед этим проклятым... несчастным случаем.

Отец и дочь ни разу не обмолвились ни словом о той трагедии, замкнувшись в полном молчании, только это удерживало Маэ от слез.

– Не понимаю... – прошептала она.

– Я дал себе срок, чтобы принять решение. В эти три дня рыбалки я хотел поговорить с ним с глаза на глаз, как мужчина с женщиной. Я ни к чему не пришел, но...

Он внезапно пошатнулся, побледнел и был вынужден опереться на буфет.

– Как больно... – простонал он.

Она подумала, что отец ломает комедию, но через секунду бросилась к нему, чтобы поддержать.

– Иди, ляг на диван. Осторожно, не спеши. Я вызову «Скорую».

– Нет, это ерунда, само пройдет.

Но, увидев ввалившиеся глаза Эрвана, Маэ испугалась. Подложив ему под голову подушку, она позвонила в службу «Скорой помощи».

* * *

– Великолепно! – воскликнула пятидесятилетняя пациентка, впиваясь глазами в зеркало.

Она без устали вертела головой, любуясь своим безупречным оскалом.

– Не могу этому поверить, но я прямо помолодела! О, доктор, вы просто волшебник!

В порыве чувств она обняла Алана за шею и смачно расцеловала в обе щеки, показывая, как она ему благодарна.

Улыбнувшись такому энтузиазму, он похлопал ее по плечу и легонько отстранил.

– Я доволен своей работой. Еще пять лет назад у меня бы ничего не получилось, потому что гайморова пазуха у вас расположена слишком низко и имплантаты того времени были вам противопоказаны. Но теперь они короче, это существенный прогресс.

Четыре месяца назад на его предложение сделать ей съемную челюсть, учитывая плохое состояние зубов, которые не выдержали бы мост, дама ответила категорическим отказом. «Лучше я сразу выброшусь в окно!» – кричала она. В конце концов, они договорились об установке имплантатов; процесс довольно долгий, потому что нужно было ждать, когда вокруг них нарастет кость. Но результат оказался лучше всяких ожиданий: сногшибательная улыбка и восстановление жевательного аппарата на долгое время.

– Я расскажу о вас всем своим друзьям, – сообщила она, доставая чековую книжку. – Теперь у меня зубы, как в молодости, но об этих я буду тщательно заботиться, уж поверьте. Спасибо этим маленьким кусочкам титана, но прежде всего спасибо вам. Как вспомню, что мне

посоветовали идти в больницу, прямо ужас охватывает! Вы так замечательно работаете, доктор, и правильно о вас говорят – вы никогда не делаете больно.

Она встала, еще раз улыбнулась зеркалу, надела пальто и сунула Кристине небольшой конверт в карман халата.

– Вы меня успокаивали и были очень внимательны.

– Мадам, – возразила Кристина, – я не могу ничего принимать, я...

– Нет, можете! И не провожайте меня, я знаю дорогу наизусть!

Они услышали стук ее каблуков в коридоре, потом хлопнула дверь.

Алан переглянулся с Кристиной и разразился смехом.

– Вот что значит «осчастливить пациента»!

– Она в вас влюблена.

– Скорее, в свои зубы.

– Вы изменили всю ее жизнь.

– И прекрасно, я очень рад за нее. В этом хорошая сторона нашей профессии. Видеть, как человек приходит, дрожа от страха, а уходит сияющий, – что может быть лучше?

Кристина открыла конверт и достала из него подарочную карту.

– Здорово! – воскликнула она. – Сто пятьдесят евро на покупку парфюмерии в магазине на улице Вильдено. По-моему, это оригинально и очень деликатно.

– Оригинальнее чаевых. Вы сможете скупить всю помаду в городе.

Они дружно рассмеялись, потому что Кристина не пользовалась косметикой.

– Я перестала краситься в сорок лет и не собираюсь начинать снова. Но хорошая туалетная вода, не говоря уже...

– На этот раз я сам закрою кабинет, я не успел оформить документы и хочу закончить с этим сегодня.

Алан никогда не уносил бумаги домой, считая свой дом личным, интимным пространством, куда не должны вторгаться его профессиональные заботы. К тому же Кристина частично освободила его от работы, взяв на себя медицинские карты пациентов, расписание, заказ материалов и иногда даже бухгалтерию.

Он еще долго сидел в кабинете, разбирая свои отчеты в страховую компанию, пересчитывая амортизационные отчисления дорогостоящего оборудования, такого, как панорамная рентгеновская установка и новое стоматологическое кресло, которые он собирался

купить. В девять часов он решил, что поработал достаточно. Административные обязанности вызывали у него отвращение, и он всегда откладывал их на последний день.

На обратном пути он чувствовал, что его кабриолет мотает из стороны в сторону от порывов ветра – ледяного норд-оста, который уже десять дней свирепствовал на побережье и который, казалось, стал еще сильнее. В прибрежной зоне все время штормило, и рыбакам, наверное, приходилось тяжело. Мысли о них привели Алана к Маэ. По-видимому, она не простила ему его поведения, потому что даже не подтвердила, что получила цветы. Букет из двадцати одной розы по бешеной цене мог бы подарить ему отпущение грехов, но эта восхитительная маленькая женщина оказалась злопамятной. Жаль, он бы с радостью увиделся с ней снова. Алан с удивлением обнаружил, что с той самой ночи, которую она провела в его доме, он думает о ней чаще, чем следует. Обычно он быстро забывал своих возлюбленных, о которых у него оставались приятные, но смутные воспоминания.

Не успел он выйти из машины, как шквалистый ветер буквально швырнул его на капот. Адская погода! Ветер свистел и выл в кронах деревьев, сломанные ветки устилали гравий. Сквозь этот шум Алан слышал хлопанье со стороны конюшни. Он бросился туда и увидел, что у стойла Патурес верхняя дверца плохо закрыта. Он схватился за нее, но она с треском захлопнулась сама. Замок висел, наполовину вырванный из гнезда, и Алан вспомнил, что уже давно собирался его починить. В темноте он нащупал на стене выключатель, но щелкал им напрасно – света не было.

– Только этого не хватало!

Оставив дверцу, которая снова начала хлопать, Алан бросился в сарай для упряжи. На ощупь он нашел висевший на крюке фонарь, который, к счастью, работал. Он захватил катушку проволоки, кусачки и только вышел из сарая, как на него упали первые капли дождя.

– Иду, голубушка!

Кобыла явно была напугана шумом, и он говорил с ней, чтобы успокоить.

– Все в порядке, все в порядке, – повторял он, трудясь над дверцей. Ему удалось прикрепить ее к вделанному в стену кольцу, которое должно было держать ее открытой.

– Что, девочки, испугались грозы?

При свете фонаря он увидел в глубине стойла прижавшихся друг к другу кобылу и козу. Он вернулся в сарай и принес оттуда охапку сена.

– Это вам заранее, в честь Рождества, угощайтесь, мои красавицы!

Алан бросил сено через дверцу, не открывая ее из опасения, что она вырвется у него из рук. Несмотря на крышу над конюшней, косой дождь щедро поливал его, пропитывая пальто.

– Если это не сработает, я вернусь, но сначала переоденусь, хорошо?

Пат опустила голову и понюхала сено, что было хорошим знаком. Если она начнет есть, коза успокоится и присоединится к ней. Алан бегом бросился к дому; оказавшись внутри, он прислонился к стене и, вздохнув, начал безнадежно щелкать переключателем. Света не было. Так как его дом стоял на отшибе, во время грозы электричество часто отключалось. Не будь у него фонаря, он очутился бы в полной темноте.

– Теперь я без кофе, без горячей воды, без оперы, а в морозилке все растает... Черт бы тебя взял, ЭДФ!^[8]

Он поднялся наверх, надел старые джинсы, толстый ирландский свитер и снова спустился, чтобы разжечь камин. Когда поленья занялись, он зажег свечи в двух подсвечниках и керосиновую лампу, которой пользовался в таких случаях. Вокруг дома по-прежнему кружил ветер; под его натиском скрипели двери, на окна обрушивались шквалы дождя. Сидя на полу перед камином, Алан рассеянно блуждал взглядом по комнате, где в неверном свете пламени все, казалось, дрожит и меняет очертания. Он был не против провести так весь вечер, чувствуя себя вдали от мира, под защитой массивных стен своего дома. Чуть позже, перед сном, он достанет из шкафа пуховую перину и накроется ею поверх одеяла, потому что если электричество к ночи не восстановят, в доме резко похолодает.

Горящие свечи не могли осветить углы комнаты с пляшущими в них тенями. Буря за окном то немного стихала, то усиливалась вновь. У Алана был приемник на батарейках, и он мог бы поискать радиостанцию, передающую классическую музыку, но он предпочел слушать шум ветра. Держа в руке керосиновую лампу, он подошел к холодильнику и достал из морозилки сосиски. Поджаренные на огне, с испеченной в золе картошкой – это будет идеальное сочетание.

Приступив к делу, Алан подумал о том, что с удовольствием выпьет сейчас бокал сансерра^[9]. Жаль, не с кем разделить это прекрасное

вино. Он вспомнил о брате, о том, как они любили в детстве пугать друг друга во время грозы.

– Вы были бы очень желанны сейчас, мадемуазель Ландрие...

Снова в его мыслях возникла Маэ. Было о чем задуматься.

– Если ее траулеры сегодня вышли в море, ей, наверное, не до сна!

Мог ли он позвонить ей? Нет, это было бы неуместно. Мяч находился в ее воротах, и если бы она захотела, то дала бы ему знак. И раз уж ее обида не прошла, несмотря на цветы и извинения, тем хуже для нее.

Он переворачивал на каминной решетке сосиски, когда теплое прикосновение к ноге напомнило ему о кошке. Аромат еды заставил ее выйти из того места, где она пряталась от ненастья.

– Тебе тоже страшно?

В отличие от кобылы, он мог взять кошку к себе на колени и поделиться с ней ужином.

– Хочешь кусочек сосиски?

Неужели ему предстоит провести остаток жизни в угрюмом одиночестве? Ладно, он два раза пробовал завести домашний очаг, семью, но судьба распорядилась иначе. Два раза он действовал по велению сердца, и действовал решительно, а в результате вернулся на круги своя, но с большим желанием сделать еще одну попытку. Думая о брате и невестке, он испытывал некоторую ностальгию и спрашивал себя: почему Людовику повезло, а ему – нет? Почему жизнь так сопротивлялась его намерениям, почему опрокинула все его планы? Почему после трагической смерти Луизы на его пути появилась Мелани?

Мелани! В какую еще бессовестную сделку надеялась она его втянуть? И как она могла вообразить, что он будет ее слушать? Наверное, он остался у нее в памяти полным олухом, который беспрепятственно позволяет себя грабить. В то время он так устал от нее и ее махинаций, что готов был все бросить, лишь бы поскорее положить конец этому кошмарному браку. Его адвокат твердил, что он должен выдвинуть жене имущественный иск, но Алан спешил покончить с этим как можно быстрее и не желал «судиться за тряпки». Кроме того, он отказался выступать в роли жертвы: Мелани одурачила его, несмотря на весь его ум, и он мог винить в этом только себя. Возвращение в Ренн и работа в больнице, в отделении челюстно-

лицевой хирургии, были для него спасением, там он наконец-то нашел себя. *«Я просыпаюсь по утрам совершенно разбитый, словно всю ночь пьянствовал, но я снова живу»*, – писал он брату.

До появления скайпа, который позволил им общаться, они успели написать друг другу много писем. Алан стал понемногу приходить в себя, успокоился, и в конце концов к нему вернулся вкус к жизни. То, о чем он мечтал: дом посреди леса, не слишком далеко от моря; кабинет, где он работает в свое удовольствие, – все это он смог реализовать. И теперь он спрашивал себя: может, в выбранной им программе чего-то не хватает?

Внезапно зажегся свет, заставив его прикрыть глаза. Он прислушался: ветер ослаб. Сквозь мурлыканье кошки донеслось гудение включившегося холодильника.

* * *

«Жабадао» на рассвете вернулся в порт. Маэ ждала на берегу, в теплом красном пуховике и шерстяной шапочке, натянутой до самых глаз. Она очень хотела увидеть, как судно будет входить в порт, потому что полночи провела из-за него без сна. Жан-Мари и другие моряки выглядели измученными, но, еще не успев бросить якорь, объявили, что рефрижераторы в трюме полны.

– Два дня ада, – лаконично сказал Жан-Мари, ступая на набережную. – Это хороший корабль, Маэ, но я думал, что останусь на нем навеки.

Он объяснил, что, несмотря на отвратительную погоду, сколько мог держался в зоне ловли, а на обратном пути на них с востока налетел шторм такой силы, что чуть не потопил их.

– Я подумал, что многие моряки откажутся выходить в море в такой день, а когда ты единственный приходишь с уловом, то он стоит дорого!

У него осунулось лицо, под глазами появилась синева, подбородок покрылся щетиной, но, валясь с ног от усталости, он помогал другим морякам выгружать ящики. С тех пор, как Маэ сказала ему, что между ними не будет ничего, кроме дружбы, он разговаривал с ней довольно холодно и держал дистанцию, как будто их прошлого взаимопонимания больше не существовало.

– Я запрещаю тебе так рисковать, Жан-Мари. В крайнем случае, мы затынем пояса.

– Ты – может быть, а они? – сурово возразил он, указывая на матросов. – Думаешь, они могут позволить себе зарабатывать меньше?

Пораженная его тоном, она резко выпрямилась.

– Не надо мне читать мораль! Я сама знаю, сколько заработал каждый и сколько он недополучит в конце месяца.

Они встретились взглядами, и Жан-Мари, пожав плечами, отвернулся. До сих пор он никогда не оспаривал ее авторитет и ее решения, но если это будет продолжаться, как ей быть?

Он имел определенный авторитет у других моряков и мог посеять смуту, чего она ни в коем случае не допустит. Возможно, он слушал ее все эти годы лишь потому, что имел на нее виды? Эта мысль возмутила ее. Она хорошо знала свое дело, она была компетентна, ее не мог бы застать врасплох ни Жан-Мари, ни кто-либо еще. Если он больше ей не союзник, то будет просто ее служащим.

Решительным шагом она направилась на рынок, чтобы наблюдать за продажами. Там, как всегда, царил ажиотаж, сегодня особенно сильный из-за ограниченного предложения. Груз «Жабадао» был почти весь распродан, и по превосходной цене. Благодаря Интернету, продажа рыбных лотов проходила синхронно между Эрки, Сент-Куэ-Портриэ, Локиви и Ле Леге. Маэ бросила взгляд на экраны компьютеров, чтобы проверить спрос на рыбу в Интернете, и убедилась, что он высок. Наконец-то выдался хороший день, и, несмотря ни на что, благодаря Жану-Мари!

Еще до полудня к ней присоединилась Армель – она была в отличном настроении и несла большую корзину.

– Твоя команда вернулась, поздравляю, и я только что встретила ее красавца-капитана, – прошептала она на ухо Маэ.

– И что?

– Жан-Мари принял мое предложение поужинать сегодня вечером, но до того он хочет спать весь день, чтобы прийти в себя! Он меня сразил! Ну прямо герой, вернувшийся после тяжелой морской битвы, – уставший, но с победой.

– Примерно так и есть. Им пришлось бороться со штормом. Ты пришла специально из-за него?

– Ну конечно. Я сказала в банке, что мне надо к врачу, а не гулять по рынку!

Смех Армель всегда подбадривал Маэ, и она улыбнулась.

– Вы проводите второй вечер вместе, это хороший знак!

– Ты думаешь? Он довольно молчаливый и не очень... не очень активный.

– Я уверена, что ты это исправишь.

– Да, но у меня нет желания его торопить. Мне хотелось бы, чтобы у нас начались серьезные отношения.

– Ух ты! В таком случае я тебе очень этого желаю.

– Чтобы это получилось, для начала надо, чтобы он перестал думать о тебе и смотреть на тебя так, как будто нашел в устрице жемчужину.

– Можешь радоваться: сегодня утром мы немножечко поцапались, и он смотрел на меня без всякой нежности.

Армель снова залилась смехом, чем окончательно привела Маэ в хорошее настроение.

– Ладно, мне надо идти за покупками, чтобы приготовить ему праздничный ужин!

Армель ушла, выделяясь в толпе своим победным видом, белокурой гривой волос, разметавшейся по плечам, и сапогами на высоченных каблуках. Вряд ли Жан-Мари оценит такую эффектную женщину, но, в конце концов...

– Доброе утро, – прозвучал глубокий голос Алана за ее спиной.

Она резко обернулась и слегка задела его.

– Привет, – пробормотала она. – Что ты здесь делаешь?

– Гуляю.

– В такой час?

– Сегодня суббота, у меня выходной.

– И ты думаешь, что сможешь купить здесь рыбу?

– Ближайший для меня аукцион – в Эрки.

– Если тебе надо наполнить холодильник, иди в порт и договаривайся с самими рыбаками. Здесь на рынке продают только оптовикам. И, кстати, сейчас не говорят «аукцион».

– Да, верно. Все постоянно меняется, и меня это утомляет.

– Надо адаптироваться к жизни независимо от возраста, – усмехнулась Маэ.

Ее шутка оказалась неудачной, потому что он даже не улыбнулся. Лучистый взгляд его светлых, пожалуй, слишком светлых глаз по-прежнему был устремлен на нее.

– Я надеялся, что ты мне позвонишь, – наконец произнес он.

– Я? Зачем же мне тебя беспокоить?

Она в смятении отвернулась. Тогда, в кабинете, он обошелся с ней довольно бесцеремонно. И мог бы, по крайней мере, извиниться, а не упрекать ее в молчании и ждать, когда она сделает первый шаг.

– Хороших выходных, – пробормотала она и ушла.

Раздраженная тем, что так разволновалась от этой встречи, Маэ быстрым шагом шла вдоль прилавок с морскими гребешками. В здании было очень холодно, и она мечтала скорее добраться до дому, но необходимо было еще подвести итоги утра. Потом она съездит повидать отца, которого положили в больницу в Сен-Брие. Его состояние было признано удовлетворительным, но он пока находился под наблюдением. К счастью, небольшой приступ не повлиял на работу сердца, но Маэ все равно жалела, что рассказала ему о Розенн и Артуре. Все, что напоминало Эрвану о той трагической ночи, когда погиб Ивон, сильно волновало его. И инсульт у него случился, очевидно, из-за того, что он во всем винил себя и мучился воспоминаниями о своем неловком маневре, из-за которого несчастного выбросило за борт.

Маэ остановилась как вкопанная посреди прохода, пораженная ужасной догадкой. В ночь трагедии Эрван уже знал, что его зять – бесчестный человек, скрывающий очень некрасивую тайну. Но отсюда до намерения выбросить его в море... Нет, конечно же, нет, какая дикая мысль! Для Эрвана, образцового моряка, солидарность никогда не была пустым словом. В море он часто попадал в тяжелейшие ситуации, и никогда никого не подвергал опасности, даже недругов. И в любом случае в темноте той страшной ночи, сквозь плотную завесу дождя, невозможно было ничего разглядеть, кроме волн, вкатывающихся на палубу, и смутных силуэтов. Эрван все-таки спас судно и всю остальную команду, но этого оказалось недостаточно, чтобы он забыл о своей вине, которая останется на нем навсегда.

Знакомый судовладелец шутливо ткнул ее кулаком и, смеясь, заметил, что она перегородила проход и мешает остальным.

– Мечтать иди в другое место, красавица, здесь работают!

– Работают уж явно не благодаря тебе! – возразила она с улыбкой. – А мы сегодня утром вернулись с большим грузом...

– Да, я слышал. Это твой «Жабадао»? Жан-Мари отважный парень, но присматривай за ним, как бы он совсем не потерял осторожность.

– Завидуй дальше!

Она подмигнула ему и ушла.

Почти все здешние старожилы в тот или иной момент начинали давать ей советы. Сначала Маэ ценила их доброжелательность, но теперь чувствовала себя с ними на равных. Конечно, она была еще молода, но маленькая компания Ландриэ, которую она уже давно возглавляла, стала ее жизнью.

Уходя с рынка, она заметила впереди Алана, который шел засунув руки в карманы, – значит, он приезжал в Эрки не за рыбой. Или их маленькая размолвка отбила у него желание покупать что-либо. Неважно, у нее были заботы поважнее и другие интересы.

* * *

Было семь часов утра, когда Жан-Мари начал одеваться, стараясь как можно меньше шуметь. Крепко спящая Армель лежала поперек кровати, обхватив себя руками. При свете ночника, который так и горел с вечера, он нашел на полу свои часы. Он выключил свет, надел свитер и вышел из спальни. В гостиной он нашел свой бушлат и в нерешительности остановился перед неприбранным столом. Должен ли он навести некоторый порядок, прежде чем уйти? Накануне Армель приготовила ему романтический ужин со свечами, шампанским и ресторанными лакомствами. Она так пылко его соблазняла, что он был бы последним хамом, если бы не ответил на ее авансы. Жан-Мари не жалел об этом, потому что она была очень чувственна и занималась любовью с наслаждением. Но, несмотря на это, он не испытывал к ней никакой страсти. Как не испытывал ее к Эмилии или какой-нибудь другой девушке. Неужели одержимость Маэ сделала его таким бесчувственным? И он останется таким на всю жизнь? Нет, как только он смирится с отказом Маэ и перестанет фантазировать о ней, к нему, конечно, вернется способность любить. По крайней мере, он надеялся на это.

Жан-Мари отнес посуду на кухню, смахнул тряпкой крошки с журнального столика, вытряхнул пепельницу, подержал подсвечники

под горячей водой, чтобы смыть с них воск. Это было похоже на уничтожение следов своего присутствия, когда ничего не хочешь после себя оставлять. Напоследок он сварил себе кофе, и, выпив его стоя, ополоснул чашку. Когда он вышел на холодный утренний воздух, день только занимался. Подняв воротник, он сделал несколько шагов, вдыхая морской ветер, и вздрогнул от внезапно раздавшегося рядом с ним автомобильного гудка. Это была Маэ, которая, смеясь, смотрела на него поверх опущенного стекла своего пикапа.

– Жан-Мари! Ну-ка скажи мне, что ты здесь делаешь?

Он попытался улыбнуться и сделал неопределенный жест рукой.

– А ты?

– О, я... я привезла Армель круассаны.

Смущенная не меньше, чем он, она указала на пакет из булочной, лежащий на пассажирском сиденье, и поспешно добавила, чувствуя себя очень неловко:

– Ладно, я думаю, сейчас неподходящий момент. Возьми круассаны, я заеду позже.

– Нет-нет, – проворчал он. – Я как раз ухожу домой. Можешь подняться к ней, но она еще спит.

Он чувствовал себя чрезвычайно глупо, как будто его взяли с поличным, хотя ему нечего было стыдиться. Если бы он не задержался с наведением порядка, то не встретил бы Маэ и не узнал бы, что эти две женщины явно собираются говорить о нем и всюю откровенничать. Желание Армель рассказать в подробностях о проведенной ночи покорило его. Однако это было неизбежно: они давние подруги и наверняка обсуждают все свои свидания, не упуская интимных подробностей и хохоча. Ему ужасно не нравилась перспектива оказаться их жертвой, но он никак не мог этому помешать. Что подумает Маэ, увидев, как быстро он утешился с другой после ее отказа? Побыв недолго робким воздыхателем, он, не теряя времени, стал ухлестывать за ее лучшей подругой!

– Жан-Мари, давай поднимемся вместе, сделаем ей сюрприз!

– Я иду к себе, – повторил он.

Наверное, он казался ей упрямым тупицей.

– Как дела у твоего отца? – добавил он уже мягче.

– Хорошо. Он вернется домой в начале следующей недели, это была ложная тревога.

Собираясь к Армель, которую она рассчитывала застать одну, Маэ не покрасилась, и он подумал, как же она свежа, красива и по-прежнему притягательна.

– До вечера, Маэ, – сдерживая себя, вымолвил он.

И яростно зашагал прочь, оставив Маэ в полном оцепенении.

– Ого! То ли еще будет! – пробормотала она, выходя из машины.

Жаном-Мари было трудно управлять в последнее время, но все-таки он был ее лучшим капитаном – это доказал его последний выход в море, и Маэ не могла без него обойтись. Что бы делал Эрван на ее месте? «Мужчинам надо притираться друг к другу», – любил повторять он. Вот только у нее не было такой возможности. С ней Жан-Мари становился более обидчивым и, может быть, даже более уязвимым.

Она поднялась на этаж к Армель, три раза энергично нажала кнопку звонка и очень удивилась, когда буквально сразу дверь распахнулась.

– Ты стояла за дверью?

– Я смотрела из окна, как вы разговариваете, – вздохнула Армель.

Она была в халате, вчерашняя тушь размазалась и образовала темные круги под глазами, выглядела она грустной.

– Я предложила ему подняться, – объяснила Маэ. – С круассанами и без меня! Извини...

– Ты тут ни при чем, он ушел от меня на цыпочках. Когда мужчина даже не хочет утром выпить с тобой кофе, это плохой знак. Зато он нашел время навести у меня порядок. Нет слов...

– Он – маньяк чистоты, – возразила Маэ.

– И лишен всякой романтики.

Армель протянула руку к пакету, вынула круассан.

– Однако мы провели приятный вечер, который отлично закончился, – добавила она с полным ртом. – Я была сегодня утром без сил, но не спала. Когда я услышала звон посуды, то подумала, что он готовит нам поднос с завтраком. Я дура, да?

– Ты простодушная.

– Но твой дантист накормил тебя завтраком!

– Да, черствым хлебом. И вообще, я больше ничего не хочу слышать об этом хаме.

– Правда? Значит, мы вернулись с тобой к исходной точке! Пойдем, я заварю тебе чай по одному потрясающему рецепту, а сама буду лопать твои круассаны.

– Не утешайся едой, а то к лету не влезешь в платье.

Если не считать прогулок на яхте, Армель почти не носила брюки, еще меньше – джинсы, предпочитая им более женственные варианты.

– А ты, наоборот, как будто похудела. Ешь! У тебя неприятности? Согласно, на твоём банковском счету сейчас не очень внушительная цифра, но ты ведь не разорена, насколько я знаю? В любом случае, у тебя есть возможность взять кредит или...

– Я устала все время висеть на волоске, Армель. Хочется какой-то предсказуемости, чтобы не бояться вкладываться в дело. Мы еле-еле выходим в плюс, все время зависим от погоды. А она нам совершенно не помогает. Сейчас ситуация выправилась благодаря Жану-Мари, он смелый парень. Он всегда идет туда, куда другие не отваживаются, но он очень упрям, так что его иногда даже заносит.

– Ты думаешь?

– Да.

– Считаешь, мне надо оставить его в покое?

– Это здесь ни при чем.

Маэ с наслаждением сделала несколько глотков чаю, но, увидев, что подруга снова берется за круассан, отобрала его и сказала:

– Три – это уже чересчур. Лучше я его съем.

Армель улыбнулась и задумчиво добавила:

– Во всяком случае, в постели он очень милый.

– Ты ожидала другого?

– У меня были определенные надежды, и он их не обманул.

Маэ разразилась смехом, а Армель печально продолжала:

– Но между нами явно нет никакой романтики, это просто приятный эпизод. И чтобы забыть об этом разочаровании, я подумала: может, нам с тобой поменяться ролями? Ты пробуешь с Жаном-Мари, который *и так* тобой очарован, а я – с нашим дантистом, раз ты его больше знать не хочешь. Он довольно привлекательный, несмотря на десять лет разницы в возрасте, и, может, влюбится в меня?

– Я думаю, что он вообще не желает ни в кого влюбляться, этот коллекционер «приятных эпизодов».

– Проблема в том, что мы перебрали всех имеющихся холостяков. Но все-таки я отказываюсь обращать внимание на женатых мужчин.

– Я тоже!

– Тогда вопрос: что нам делать, дорогая?

Они переглянулись и снова беззаботно рассмеялись.

Им было пока по тридцать, жизнь была еще впереди, даже если иногда казалось, что время идет слишком быстро.

– Я не собираюсь полностью посвятить свою жизнь банку, как и ты – рыбалке. Нам надо найти мужей и родить детей.

– Мы вообще ничего не должны, Армель. У нас будет то, что для нас приготовит судьба.

– Но ты согласна хотя бы ее подтолкнуть?

– Подтолкнуть – да, но не пинком под зад. Ладно, не становись циничной. Тебе не хватает твоих морских прогулок на яхте, весной все пойдет по-другому.

– Это еще не скоро!

– Кстати, что ты делаешь на Рождество? Придешь к нам?

– Конечно. Кого еще ты собираешься позвать?

– Только не Жана-Мари, извини, он проводит Рождество у родителей.

– Жаль.

– Я вижу, ты еще не поставила на нем крест!

Маэ улыбнулась Армель и добавила как бы мимоходом:

– Ах да, будет еще один маленький мальчик, Артур. Я уступила уговорам его матери, которая не знала, куда его пристроить в эти дни.

– Маэ, ты сошла с ума?

– Это Розенн сошла с ума. И я беспокоюсь за ребенка.

Вновь став серьезной, Армель внимательно посмотрела на нее и покачала головой.

– Соглашаясь на это, ты впутываешься в опасную историю. Требования этой женщины никогда не закончатся. А за это время, кто знает, вдруг ты привяжешься к этому мальчику!

Не отвечая, Маэ встала и подошла к окну. Помолчав, она тихо произнесла:

– Ветер стих.

Она не хотела говорить с Армелль об Артуре – впрочем, она ни с кем не хотела говорить о нем. Она до сих пор не поняла, что заставило ее уступить Розенн, зато уже начала думать о новогодних украшениях, о елке, о праздничных лакомствах, которые могут понравиться мальчику, и даже о подарке.

– Разве стоит жалеть о хорошем поступке?

Позади нее Армелль тяжело вздохнула.

6

Три дня подряд Кристофу пришлось заменять одного моряка на траулере, собирающем моллюсков; он вернулся на «Жабадао» только в четверг и очень обрадовался встрече с Жаном-Мари и с открытым морем. Рейсы в несколько дней нравились ему гораздо больше, чем ежедневные сорокапятиминутные сборы морских гребешков в бухте. Он любил дальнюю рыбалку, любил смотреть, как поднимается трал, как высыпается горой рыба на сортировочный стол, как помещают ее на лед после потрошения. А больше всего он любил выходить в море и стоять за штурвалом. Эта страсть захватила его еще в юности, когда в морском лицее Шербура он получил удостоверение матроса, а потом – профессионального рыбака. Он мечтал о дипломе капитана, но ему не хватало опыта, и надо было набраться терпения, прежде чем продолжить профессиональное обучение. Пока что ему плохо давались светосигнальные средства, опознавательные знаки, а также навигационные карты, зато он был уже почти асом маневрирования, и Жан-Мари часто доверял ему штурвал.

В это утро, когда они обогнули мыс Эрки и далеко отошли от побережья Пентьевр, их ждала радость: небо расчистилось и засияло голубизной.

– Наконец-то! – заметил Жан-Мари, глядя на горизонт.

Мурлыкал двигатель «Жабадао», и, несмотря на холод, четверо мужчин на борту радовались, предвкушая относительно спокойное море и хорошую рыбалку. Жан-Мари спустился в рубку, чтобы составить график выхода на вахту; потом прослушал по радио метеосводку, поправил маршрут на карте и позвал Кристофа.

– Сегодня назначаю тебя в камбуз, – объявил он.

– О нет!

– Ты всегда отказываешься, но должен же кто-то этим заниматься. К тому же ты самый молодой в команде.

– Но я не умею готовить!

– От тебя не требуется ничего сложного: нарезать бутерброды, а когда хочется горячего – сварить макароны. Но если ты недоволен, можешь плыть к берегу.

И Жан-Мари махнул рукой в сторону двери. Он знал, что Кристоф не будет дуться, это было не в его характере, но он очень разочарован тем, что не может постоянно находиться на палубе. Этот парень далеко пойдет, и если Маэ его оставит, он станет отличным пополнением команды. Но она, наверное, и сама это понимала, потому что оценивала качества морских рыбаков быстро и верно.

Маэ... Их отношения охладели в последние дни, взаимопонимание исчезло. Он горько жалел, что признался ей, как школьник, в своих чувствах. На что он надеялся? Он прекрасно понимал, что гоняется за несбыточной мечтой. Лучше бы он молчал, по крайней мере, сохранил бы свои иллюзии и продолжал фантазировать. А теперь он знал и невольно обижался на нее за то, что она разрушила его надежду. С тех пор в его голове и сердце царила пустота. Другая женщина не могла заменить ее, по крайней мере сейчас.

Он вернулся на палубу, и его сразу охватил холод. Несколько чаек, сопровождавших траулер, выписывали круги на фоне голубого неба. Жан-Мари несколько секунд наблюдал за их полетом и улыбался. Через несколько часов он будет думать только о рыбалке, о своих моряках и о «Жабадао».

* * *

– Месье Ландриэ, у вас все в порядке, – повторил доктор. – Результаты анализов хорошие, нет никаких причин держать вас здесь дальше.

Эрван закрыл глаза, чтобы скрыть раздражение. Он хотел бы остаться еще на несколько дней, продолжая нежиться в заботливых руках медсестер и получая подносы с едой три раза в день. А больше всего он хотел бы избежать празднования Рождества с этим ребенком.

– Я предупрежу вашу дочь, она сможет приехать за вами завтра утром, – сказал врач спокойным тоном, но не допускающим никаких возражений.

Мальчишка, да еще эта бесстыдница Армелль! Придется открывать подарки, изображая радость, хотя он чихал на них. Новый шарф не доставит ему никакого удовольствия, он всегда надевал один и тот же. И зачем ему министерский халат, если его вполне устраивал старый флисовый? Он бросил курить, а то Маэ обязательно купила бы ему трубку, хотя нужны месяцы, а то и годы, чтобы правильно ее обкурить.

Потом еще придется есть эти безвкусные каштаны, которыми начиняют индейку. Конечно, он никогда не признавался, что не любит их, и дочь считала своим долгом каждый год готовить ему одно и то же рождественское меню. Теперь она, наверное, для мальчика выберет самую большую елку? Одно из этих уже мертвых деревьев, от которого повсюду валяются иголки, а ветки вечно закрывают экран телевизора? Ну спасибо, удружила!

Услышав, как закрылась дверь, он снова открыл глаза. Пока его супруга была жива, рождественские праздники проходили гораздо веселее. Может быть, благодаря Маэ, когда она, широко распахнув глаза, зачарованно разворачивала подарки. Но эти приятные моменты безвозвратно ушли.

Эрван попытался измерить пульс, но не смог его нащупать. Действительно ли он здоров или его отправляют домой в целях экономии? Времена наступили довольно циничные, и теперь людей лишают элементарных прав, ссылаясь на кризис. Во имя пресловутого «справедливого распределения благ», которые всегда попадают в одни и те же карманы. Терпя постоянные лишения, рискуя жизнью, рыбаки работают за мизерные зарплаты. Профессия тяжелая, пенсия просто смешная, законы меняются каждую неделю, а с ними меняются и правила игры. Что только заставляет молодежь мечтать об этой злосчастной профессии? Любовь к морю?

Эрван трудился в поте лица всю свою жизнь. Никаких отпусков, дорогих покупок. Он всегда довольствовался подержанными машинами, а позднее, когда, наконец, выбился в мелкие предприниматели, стал приобретать подержанные суда – древние посудины, которым он, как мог, продлевал срок жизни. А еще прескверная погода, возвращение в порт с полупустыми трюмами, несчастные случаи... И Ивон.

Он заворочался в кровати, откинул голову на подушку. Маэ часто упрекала его в мрачных мыслях, но как от них избавиться? Он был стар и *болен*, что бы там ни говорили эти чертовы врачи. А Маэ была молода, красива, энергична. Но разве она не пришла на все готовенькое? Да, она способная, она любит эту профессию, но он-то взял на себя самое тяжелое, а она лишь пожинает плоды. Что произойдет в тот день, когда она выйдет замуж? Каково будет место Эрвана при таком раскладе? Да и найдется ли ему место? Он не хотел

терпеть в своем доме какого-то неизвестного зятя, но также не хотел остаться один. Десять лет назад идеальной кандидатурой был Ивон. Только Ивон оказался скотиной, слабовольным трусом, хотя производил противоположное впечатление – славного, мужественного парня. И все-таки его смерть была ужасна, а наказание слишком жестоким. Эрван знал, что видел его той ночью. Ивон что-то привязывал, борясь с креном судна. Несмотря на потоки воды, обрушивающиеся на палубу и темноту, сквозь которую почти не проникал свет прожекторов, он *видел* Ивона.

– Сестра! – закричал Эрван.

Сейчас он чувствовал резкую боль под правой рукой.

– Сестра... – стонал он, отчаянно нажимая на тревожную кнопку. Зазвучала сирена.

* * *

– Обучение включает в себя и методы реанимации, которые я так или иначе знаю, потому что изучал общую медицину до того, как выбрать стоматологию, – напомнил Алан. – Так что я получил разрешение без проблем.

Он помог Кристине перенести баллоны с газом, которые доставили ему из компании «Эр Ликид»^[10].

– Сейчас его использует всего несколько сотен врачей, но скоро его возьмут на вооружение все стоматологические кабинеты, вот увидите!

Она смотрела на него с таким недоверием, что он улыбнулся.

– Я научу вас держать маску, не волнуйтесь.

– Когда? В вашем графике нет и минуты свободной!

– Вечером. Задержимся после работы на полчаса.

– Можем здесь и заночевать, – иронически заметила Кристина.

– Вы не любите новшества, я знаю. А я их обожаю!

– Меня расстраивает то, что мы будем дышать веселящим газом.

– Почему?

– Им пользовались на ярмарках, где люди платили за возможность посмеяться!

– Это было, по крайней мере, лет сто назад. А потом его стали использовать во всех операционных. Послушайте, точный термин – это «обезболивание при сохранении сознания», а газ называется «эквимолекулярная смесь кислорода и закиси азота». То есть он

содержит не более пятидесяти процентов закиси азота. Пациенты не будут корчиться от смеха и изображать клоунов. Он просто снимает страх и неприятные ощущения от обезболивающего укола. Те, кто захотят им воспользоваться, больше не будут вцепляться в ручки кресла.

– Те, кто захотят, или те, кто смогут? Это средство не возмещается страховкой.

– Это цена спокойствия.

Видя, что он не убедил Кристину, Алан добавил:

– В любом случае, я проверю его бесплатно... на вас.

– Вы шутите?

– Разумеется, нет. Его надо опробовать. У вас нет проблем с сердцем, нет астмы, нет синусита, и вы будете прекрасной подопытной свинкой.

Кристина закатила глаза и поставила последнюю коробку с масками на полку. Работать с Аланом было для нее настоящим удовольствием. Она работала бы и бесплатно, и чувствовала бы себя вполне довольной, вот только она плохо переносила затеи своего патрона. Конечно, Алан был серьезным врачом с большой практикой, но это не мешало ему вносить некоторую долю юмора в их отношения. Так же, как и сердечное доверие, которое он к ней испытывал. По возрасту он годился ей в сыновья, и поэтому между ними не было никакой двусмысленности. Она часто задавалась вопросом, почему он до сих пор один, почему не нашел замены этой гадине Мелани. Заменял – только кошкой, козой и лошастью! Она знала, что Алан потерял первую жену при ужасных обстоятельствах, но сам он никогда не упоминал об этом. Впрочем, он вообще не говорил о своей личной жизни.

– У вас уже два пациента в приемной, – предупредила Кристина.

– Почему два?

– Потому что мы опоздали с началом приема из-за этой чертовой доставки. Наденьте халат, я приглашу первого.

– Кто это?

– Господин Мартен. Удаление зуба мудрости.

– Я назначил его на самое утро? Значит, начинаем с места в карьер! Если я правильно запомнил, он очень чувствительный пациент, и зуб у него вырос в неудачном месте.

И Алан удовлетворенно улыбнулся: трудности его воодушевляли.

– Когда мы полностью подготовимся, он станет горячим поклонником нашего газа. А пока придется ему удовольствоваться обычной анестезией.

Наклонившись над компьютерной клавиатурой, Алан нашел в списке файл с медицинской картой пациента и вывел на экран его последнюю рентгенограмму. Он больше не улыбался, сосредоточившись на том, что ему предстояло.

* * *

Маэ забрала почту из рук почтальона. Она пробежала глазами адреса на конвертах и решила, что ничего срочного нет. Моряки, наверное, уже ждали ее в офисе на еженедельном собрании, где составлялся график рейсов, но она сначала заехала в больницу в Сен-Брие. У отца был новый приступ, не более тяжелый, чем предыдущий, но врачи решили продержать его еще сутки под наблюдением, хотя собирались выписать уже сегодня.

– Привет, Маэ. Как розы, еще стоят?

Притормозив, цветочница остановила свой фургон напротив ворот и опустила стекло.

– Тебе повезло с поклонником, который посылает такие роскошные букеты...

Удивленная, Маэ подошла и, пожав руку молодой женщине, спросила:

– Поклонник, говоришь?

– Ну да! И записочка была очень милая, я знаю, потому что он продиктовал мне ее по телефону.

– Какая записка? Никакой записки не было.

– Не может быть, я сама приколола ее к букету.

– Ее не было. Или я не заметила...

Маэ подумала о букете, подаренном ей, как она полагала, Розенн.

– Это странно, здесь какое-то недоразумение.

– Но ты получила цветы? Я отдала их твоей подруге, потому что тебя не было дома, а она ждала перед дверью. Я поступила неправильно?

– Все правильно, не беспокойся.

– Они были прекрасны. Мы зимой так редко видим розы! Этот господин не поспешил.

– Ты запомнила его имя?

– Конечно, это доктор Кергелен, мой стоматолог!

– А текст записки помнишь?

– Неточно. Что-то вроде того, что он плохо тебя принял, но это было красиво сказано. Ты тоже у него лечишься?

– Да.

– Ну, извини. Теперь я буду вручать букеты лично в руки! Но непременно спроси свою подругу! Может, она это сделала из ревности?

Маэ с усилием улыбнулась и отступила назад.

– На твой первый вопрос могу ответить, что они простояли восемь дней. И были великолепны! Хорошего дня.

Она смотрела вслед фургону и чувствовала себя полной идиоткой. Как могла она поверить, что Розенн, не имея ни гроша в кармане, разорится на цветы? Однако записки действительно не было, Маэ была в этом уверена, она обязательно увидела бы ее на воцеленной бумаге, когда осторожно разворачивала розы. Может быть, она упала и завалилась куда-нибудь? И Розенн присвоила их без всяких угрызений совести? А Алан, наверное, удивился, не дождавшись от нее звонка с благодарностью. Или хотя бы эсэмэс. И, конечно, он сделал вывод, что она злопамятна, невоспитанна или совершенно к нему безразлична.

Было ли это так на самом деле? Когда она заехала к нему на работу, возвращаясь из Ренна, ей хотелось его увидеть, поболтать с ним, выпить по бокалу вина. Его холодность задела ее и выбила из равновесия. Их отношения, которые ограничились одной, но чудесной ночью, могли бы продолжаться и даже развиваться, потому что притяжение, испытываемое Маэ, не исчезло после первой ночи; ей показалось, что между ними что-то начинается. Она даже на это надеялась. Но холодная отчужденность Алана разом все уничтожила, и с тех пор она старалась больше о нем не думать. Меняло ли все это недоразумение с цветами? Она вспомнила, что тоже была не слишком с ним любезна, когда встретила его на рынке в порту. Должна ли она сделать попытку примирения, дать новый шанс этой истории, начавшейся несколько бестолково?

– Так и будешь стоять на тротуаре как вкопанная? – бросил ей Жан-Мари из палисадника. – Тебя заждались!

Все еще расстроенная, Маэ вошла за ним в офис, но пересилила себя и тепло поздоровалась с моряками.

– Мы дождались хорошей погоды, – сказала она, – и прогноз обещает, что она будет стабильной. Нам придется поднапрячься до 31 декабря. А потом немного отдохнем. А до того, как я в январе подсчитаю ваши премии, предлагаю вам небольшой аванс, чтобы вы купили рождественские подарки.

Ответом на ее слова было несколько улыбок. Она делала так в конце каждого года, но этот выдался особенно трудным из-за резкого скачка цен на дизельное топливо, и Маэ могла бы сослаться на суровую экономическую реальность.

– Когда же, наконец, мы будем индексировать цену на рыбу в зависимости от цены на дизель? – вздохнул Жан-Мари.

– Если мы будем так делать, сардины станут деликатесом! – отозвалась Маэ. – Цена на морские гребешки уже подскочила, так что не жалуйтесь! И лучше воспользуемся тем, что на море наступило затишье.

– Погода ясная, не спорю, – проворчал один из моряков, – но холод собачий! Черт возьми, мы околеваем в море, и как подумаешь, что зима только началась...

– Ладно, – уклонилась от этого разговора Маэ, – аварии были?

– Трал «Корригана» приказал долго жить.

– О нет, только не сейчас! Почините его.

– Там уже нечего чинить.

– Придется этот год дожить со старым. Что-нибудь еще?

– Кристофу надо использовать свои выходные, чтобы брать уроки кулинарии! – пошутил Жан-Мари. – А иначе он нас всех отравит!

Он всегда разряжал атмосферу собраний парой шуток, и Маэ была ему признательна за то, что он продолжал играть свою роль. Она раздала заранее сделанные копии графика, в котором расписала состав экипажей на каждом траулере, дни рейсов для каждого, разрешенные часы лова и квоты, которые нельзя превышать.

– Если вы хотите внести изменения, будьте добры предупредить меня. Радиосвязь на «Там баре», надеюсь, работает нормально?

– Пришлось с ней повозиться, – ответил Бертран, самый пожилой из ее моряков.

Она благодарно ему улыбнулась. Этот опытный рыбак уже более двадцати лет работал на компанию Ландрие. Он первый признал Маэ, когда она сменила отца, показав ей свое полное доверие; и его нимало не смутил ее возраст, относительная неопытность и то, что она женщина. Трезвый взгляд Бертрана на перемены успокоил других моряков и упрочил положение Маэ.

– Ты настоящий мастер, – сказала она ему, – без тебя «Там бара» превратилась бы в обломки.

– Ну что ты, конечно, нет! У этой посуды срок не вышел, она еще поплывет!

Мужчины начали вставать, складывая листки с графиками в карманы. Все надели свои толстые куртки и фуражки, только Жан-Мари замешкался.

– Ты правда сможешь выдать премии? – спросил он, когда они остались вдвоем.

– Это надо сделать. Ты же знаешь, ребята больше не удовольствуются одной зарплатой, которая разве что не дает помереть с голоду. А моряков набирать все сложнее! Это слишком тяжелое ремесло, молодежь отказывается. Скоро нам придется нанимать за бешеные деньги рыбаков в порту.

– А я люблю свою работу, люблю ходить в море и не стремлюсь разбогатеть.

– Ты – белая ворона.

Он выглядел более непринужденным, чем в прошлое воскресенье, когда она его встретила перед домом Армель. И, конечно, он тоже об этом подумал, потому что неохотно сказал:

– Я хотел прояснить кое-что насчет твоей подруги...

– Тебе не в чем оправдываться! Вы оба – взрослые люди, делайте что хотите.

– Но вы близки и, наверное, говорили об этом?

– Говорили. Хочешь узнать, что именно?

– Нет. Я только боюсь, что ты считаешь меня немного... Однажды ты встретила меня с Эмилией, потом я признался, что мне нравишься ты, а после этого провожу ночь у Армель – ты должна считать меня бабником.

- Как и всех мужчин.
- Ты действительно так считаешь?
- У меня не было положительного опыта.
- Никто так и не смог заставить тебя забыть Ивона, да?

Маэ напряглась, еле удержавшись от резкого ответа, который уже почти сорвался с ее губ. Жану-Мари ни к чему знать правду об Ивоне. Если он будет считать ее безутешной, может, перестанет доносить ее своими признаниями? У нее достаточно своих собственных забот, чтобы думать о его настроении.

– Если у вас с Армель все сложится, я буду только рада за вас обоих. Пусть тебя не смущает ее экстравагантный вид – на самом деле, она замечательная женщина. Она переполнена любовью и ждет, что ее полюбят в ответ. Не за озорство и провокации – это лишь видимость, а за то, какая она есть на самом деле. Тебе нужно лучше узнать ее, она этого стоит.

– Ты тоже этого стоишь, – ответил Жан-Мари печально.

Ссутулившись и опустив голову, он вышел и не обернулся. Сначала он был неприятным, а теперь будет ходить с видом побитой собаки? Куда делся Жан-Мари, которого она, как ей казалось, хорошо знает и который был ее другом? Она не испытывала к нему никаких нежных чувств, неужели он этого не понял? Обескураженная, она села за стол и выключила компьютер. Следующие две недели будут решающими. Для выживания компании *нужна позарез* хорошая рыбалка и стабильная погода.

Но это от Маэ никак не зависело, она могла только надеяться, как и все моряки в порту. Она взяла ручку и составила список того, что ей надо купить и сделать к Рождеству. Прежде всего, елку и подарок Артуру. У бедного ребенка было, конечно, мало игрушек, но о чем мечтают мальчики в его возрасте? Маэ не хотела узнавать у Розенн, не хотела ничего с ней обсуждать, потому что это позволит ей думать, что они станут подругами. Неужели эта женщина была настолько подлой, что оторвала карточку от букета? Ответ был очевиден. *«Да, потому что она меня не любит. Как она могла на такое пойти? Легко. Я была ее соперницей, я представляю для нее одновременно все то, что она ненавидит, и то, чего у нее нет. Она доверяет мне своего сына, потому что думает, что я не могу ей отказать, и теперь будет мной манипулировать. Я должна послать ее к черту, а не играть в*

великодушие. Вот только я волнуюсь за мальчика, и ничего не могу с этим поделать. Несмотря на предательство и тяжелые воспоминания, Ивон много значил для меня. Первая любовь не забывается».

Она вдруг заметила, что в глазах у нее все расплывается из-за наворачнувшихся слез. Откровения Розенн заставили ее ненавидеть Ивона, и она не успела его оплакать. Траур не состоялся. Горе, обузданное слишком рано и похороненное в душе слишком быстро, все время искало выхода.

Подняв голову, Маэ увидела, что все небо затянуто тучами, и посмотрела на барометр – давление стремительно падало.

– О нет! – воскликнула она, ударив по стене кулаком.

* * *

Проснувшись, Алан почувствовал, что в окружавшей его темноте есть что-то необычное. Необычной была и тишина. Прежде чем зажечь свет, он понял, что идет снег. Он легонько столкнул кошку, спавшую у него в ногах, и бросился к окну. Ночь была беззвездной, но можно было различить в темноте сплошной белый покров. Ему захотелось смеяться, когда он представил себе, как крупные снежные хлопья медленно падают на каменные плиты. Снегопад всегда вызывал у него какую-то детскую радость. Он так редко выпадал на побережье...

Алан принял душ, тепло оделся и сел завтракать в ожидании, когда рассветет. Его первый пациент назначен только на девять утра, и у него достаточно времени, чтобы насладиться пейзажем. С первой чашкой кофе он вспомнил свои тревожные сны. Он долго маялся, прежде чем заснуть, и потом спал плохо. А в те минуты, когда не спал, с удивлением поймал себя на том, что думает о Маэ – такой, какой увидел ее на рынке в порту: в красном пуховике и шерстяной шапочке, из-под которой выглядывает челка. Думает о ее сине-зеленых глазах, которые не забыл с той ночи, проведенной вместе. Она была прелестной, соблазнительной и интересной женщиной. И злопамятной, потому что так и не смогла простить ему отказ пойти с ней в бар. Кроме отправки цветов, которые оказались бесполезными, как еще он мог убедить ее согласиться на свидание? Все это было ужасно глупо. После Мелани он дал себе слово никогда не влюбляться. Не позволять себе разрушить то, что он построил. Довольствоваться

случайными встречами, приключениями без будущего и продолжать свой одинокий путь. И до сих пор ему это удавалось.

Да, он дал себе слово. Но иногда, как, например, сегодня утром, он бы хотел разделить с кем-нибудь радость первого снега. Разве можно в сорок лет приговаривать себя к отшельничеству лишь потому, что был слишком доверчив?

Вокруг дома стояла ватная тишина. Не слышно было птиц, только большие снежные хлопья бесшумно ложились на ветки деревьев, на подоконники, на крышу автомобиля. Автомобиля? Алан попытался вспомнить, где лежат противобуксовочные цепи, которыми он никогда не пользовался. До Ламбаля ехать всего двенадцать километров, но по узким, извилистым лесным дорогам, которые никто не будет посыпать солью. А его кабриолет не приспособлен к прогулкам по льду или по утрамбованному снегу, его будет заносить на каждом повороте. Алан спросил себя, такая же ли погода сейчас у брата в Нью-Йорке, где зимы обычно очень суровые. Он скучал по Людовику, скучал по матери. У него даже мелькнула мысль купить билет на самолет и прилететь к ним на праздники, но, увы, – при таком количестве пациентов выкроить восемь-десять дней было совершенно невозможно. Ему нужно было запланировать свою поездку раньше и составить график соответственно, а сейчас он уже не мог приостановить начатую работу и оставить пациентов с нерешенными проблемами или временными протезами. А может, все-таки слетать на пару дней? Нет, он уже давно решил, что полетит туда в феврале, ему в любом случае нужен отпуск. Когда он жил с Мелани, она не давала ему ни малейшей передышки. Если же он полностью выдыхался, она неохотно устраивала на уик-энд отдых, бронируя апартаменты по бешеной цене в каком-нибудь роскошном отеле, с целью разжиться новыми идеями по оформлению своего будущего бальнеологического центра. Почему он позволял так с собой обращаться? Чтобы избежать споров? Она управляла их жизнью по своему усмотрению, и он не протестовал со свойственной мужчинам трусостью перед женами. И потом, Мелани была хитра, она могла мгновенно превратиться в ласковую кошечку, когда видела, что он доведен до предела. У них были жаркие ночи, он хорошо помнил их. Она умела быть желанной, знала – когда уступить, а когда, наоборот – отказать; короче говоря,

она манипулировала им без малейшего зазрения совести и, возможно, не испытывая никаких чувств. Нет, больше он такого не допустит.

Алан позвонил соседу-фермеру, который доставлял корм его кобыле, чтобы узнать, сможет ли тот в случае чего приехать и позаботиться о ней. Он едет на работу в Ламбаль, но из-за гололеда может надолго застрять где-нибудь в дороге. Сосед расхохотался и напомнил ему, что в его распоряжении есть два трактора и мощный внедорожник.

– Вам было бы лучше купить такой же, доктор, ваша игрушка с откидным верхом будет вальсировать на льду! Хотите, одолжу вам машину дочери? Это черный скромный внедорожник, но ему любая непогода нипочем.

– Не хотелось бы вас беспокоить.

– Какое беспокойство! Мы мигом вам его пригоним. Так лучше, чем вызволять вас из сугроба сейчас или вечером где-нибудь в Сент-Обене.

Алан поблагодарил его, тронутый заботой соседей. Правда, «соседи» было не очень точное слово, потому что их ферма находилась в трех километрах от его дома. Стоя в ожидании у окна и глядя на падающий снег, он выпил вторую чашку кофе. Когда зазвонил мобильный телефон, он сразу нажал на кнопку вызова, даже не взглянув на экран: он был уверен, что это Кристина беспокоится о том, как патрон доедет при таком гололеде.

– Доброе утро, Алан, это Маэ... Я помешала?

– Вовсе нет.

Захваченный врасплох, он не знал, что ей сказать. Еще час назад он бы очень обрадовался этому звонку, но недавние размышления о женщинах охладили его.

– Я не поблагодарила тебя за цветы, – сказала она торопливо.

– Не за что. Лучше поздно, чем никогда.

– Дело в том, что твоя карточка потерялась. Наверное, осталась в фургоне цветочницы, и сначала я не знала, кого благодарить за такие прекрасные розы.

Он не пытался вникнуть в ее слова, убежденный, что она просто придумала объяснение, почему не позвонила раньше.

– По-прежнему нет времени встретиться в баре?

Пока она задавала этот вопрос, к крыльцу подъехали два внедорожника и громко засигналили.

– О, да у тебя куча гостей! – иронически заметила Маэ.

– Так это соседи, они...

– Поиграем в снежки? – громогласно воскликнула молодая девушка, входя в дом. – Что творится на улице – сказка! Ладно, вот ключи.

Она внезапно замолчала, увидев, что Алан говорит по телефону, но он в ответ благодарно ей улыбнулся.

– Маэ, подожди, пожалуйста, минутку.

Он поблагодарил соседку, потом вышел поздороваться с ее отцом, а когда собрался продолжить разговор, Маэ уже повесила трубку.

– Ну до чего несносный характер! – рассердился Алан.

И вместо того, чтобы перезвонить, отключил телефон.

* * *

Эрван не выглядел особенно счастливым от того, что вернулся домой. Хотя Маэ постелила ему чистое белье, положила на столик новый журнал с кроссвордом и хорошо натопила комнату. Накануне, когда они возвращались из Сен-Брие, снега еще не было, а сегодня утром вокруг стало белым-бело. Глядя на снежный вихрь и развеселившись, она приготовила отцу завтрак, а перед тем, как поехать в порт, позвонила Алану. Дурацкая идея, теперь она это понимала. Сначала он показался ей не очень-то любезным, а потом она поняла, что просто помешала ему.

Гудок клаксона, веселый женский голос, фраза о ключах – все говорило о том, что он сейчас с очередной пассией. И на здоровье! Еще одна, от которой он избавится, как только она ему надоест, и которой он пошлет цветы в качестве компенсации, чтобы она не сочла его последним хамом. Какая высокомерная манера обращаться с женщинами... Нет, ей больше не хотелось думать о нем.

Маэ надела пуховик, вместо шерстяной шапочки – непромокаемую кепку, а вместо мокасин – меховые сапоги. За окном по-прежнему мягко падал снег, и ей захотелось прогуляться, прежде чем идти в порт. Сначала она заглянула в цветочный магазин на улице Фош и заказала елку, потом отправилась на улицу Клемансо, где долго стояла, разглядывая витрину кулинарной лавки, пытаясь выбрать что-нибудь

для рождественского ужина. Маленькому мальчику вряд ли понравится фуа-гра. А что тогда? Она не могла приготовить к праздничному столу жареную картошку, отец бы этого не понял. Она еще постояла в нерешительности и пошла в порт. Снег продолжал падать крупными хлопьями, скрипел под ее ногами. Дойдя до Морского бульвара, она заметила, что небо по-прежнему затянуто свинцовыми тучами до самого горизонта. Ни одного из ее траулеров не было видно, но «Корриган» должен был вот-вот вернуться. Она в любой момент знала, где находятся ее корабли – с точностью до нескольких миль. Эрван хорошо ее обучил, но у моряков важнее всего был многолетний опыт. Маэ обожала рыбалку, атмосферу на судне, поиск рыбных зон, ночи на море. Она много лет выходила в рейсы, не заботясь о дальнейшей учебе. Теперь она оставалась на берегу, к этому обязывала ее роль патрона, но чего-то ей не хватало. После инсульта отца она не колебалась ни секунды, не задавалась никакими вопросами: она просто взяла дело в свои руки. Она не умела делать ничего другого, да и не хотела. Мир моря – такой богатый, трудный, разнообразный и волнующий, – поглощал ее полностью.

– Маэ!

Она быстро обернулась, услышав голос Армель, и тут же получила удар снежком в шею.

– Я уже два раза упала на этом катке, и теперь готова к работе!

Армель смеялась; ее пальто было белым от снега.

– А ты на свои каблуки смотрела? – хмыкнула Маэ. – Считаешь, в гололед они удобнее всего?

– Я не могу идти на работу в унтах!

– Тогда хватайся за меня, и пойдем есть блины.

– С удовольствием, нам как раз надо поговорить.

– О краткосрочном кредите, который я просила? Послушай, он мне действительно нужен, чтобы выдать премии моим морякам. Они ждут этих денег! Мне надо приложить все усилия, чтобы сохранить свои экипажи.

– Думаешь, они от тебя уйдут, если ты станешь платить им меньше?

– Меньше? Армель, как только я начну платить им на уровне минимальной зарплаты, они забастуют и не выйдут в море, а то и

вообще перейдут на эти чертовы плавучие рыбзаводы. Не забывай, что они рискуют жизнью. Каждый год происходят несчастные случаи.

– Я знаю. И перестань читать мне лекции: сегодня утром я получила от директора согласие на кредит.

– Правда?!

– Я пришла, чтобы лично сказать тебе об этом.

– Отлично!

– Но ты этим только увеличишь отрицательное сальдо на своем счете.

– Неважно, все будет в порядке, уловы сейчас хорошие. Честное слово, ты сняла с моей души огромный груз. Вот что, ты имеешь право на два блина!

– Перед праздниками – ни за что! Тем более, сегодня утром звонил Жан-Мари. Позвонил перед рейсом и пригласил поужинать, когда он вернется. Я до сих пор не могу поверить! И уже думаю, как мне одеться.

– Для него надень что-нибудь самое простое.

Осторожными маленькими шагами они дошли до «Старого порта» – их любимой блинной – и, устроившись в тепле, сразу заказали блины и сидр.

– По-моему, я начинаю влюбляться, – объявила Армель.

Ее непривычно серьезный тон удивил Маэ.

– Я стала рассеянной, на работе по двадцать раз в день отвлекаюсь мыслями о Жане-Мари. А ведь я уже смирилась с тем, что больше его не увижу, и после его звонка не могу прийти в себя от радости.

Обычно Армель не слишком тепло отзывалась о своих любовниках, в лучшем случае – с некоторой иронией, но теперь, говоря о Жане-Мари, она с нежностью произносила его имя.

– А что тебя в нем притягивает? – поинтересовалась Маэ.

– Его мужественность, его суровость, за которой скрывается нежность; его отчаянная храбрость. И меня жутко заводит его красивое меланхоличное лицо. Не понимаю, как ты могла остаться к нему равнодушной.

– Я слишком давно его знаю.

– И к тому же он на тебя работает, и это все меняет.

– Ты уверена?

– Если ты подумала сейчас об Ивоне, то он был не твоим работником, а твоего отца. А перед Жаном-Мари тебе надо было самоутвердиться, когда ты взяла дело в свои руки – тут уж не до соблазнения.

– Может быть. Но ты тоже давно знала Жана-Мари и никогда не обращала на него внимания.

– Я была занята другими. Дэном и остальными... И потом, в профессии рыбака для меня не было ничего интересного.

– Почему?

– Не знаю. В каком-то идиотском, иррациональном смысле, море – моя территория. Я не хочу, чтобы критиковали мою яхту, еще меньше – чтобы меня учили, как ею управлять. Профессиональные рыбаки терпеть не могут яхтсменов, считая их дилетантами и бездельниками.

Беспечно отмахнувшись от собственных аргументов, она уточнила:

– Когда мы говорили с ним об этом, я увидела, что у него нет такого пренебрежительного отношения. Наоборот, он слушал с большим интересом.

– Какой сообразительный мужчина! – пошутила Маэ.

– Нет, у него не было никакого умысла, он слишком прямой для этого. Ой, посмотри на улицу, вон там, впереди... Ведь у него, кажется, был кабриолет? Что он делает в Эрки?

Маэ подняла глаза и увидела Алана, выходящего из черного внедорожника.

– Во всяком случае, это не его машина, – ответила она. – Надеюсь, он не собирается здесь обедать!

Но он направлялся как раз к блинной.

– К черту, – пробормотала Маэ, – не желаю его больше видеть.

Однако, войдя, он сразу заметил подруг и решительно направился к ним.

– Вы тоже пришли полюбоваться снегопадом на море? Красивое зрелище!

Он пожал руку Армель и наклонился к Маэ, коснувшись ее щеки.

– Или ты ждешь здесь возвращения своих траулеров?

– Нет, – ответила она сухо, – я просто обедаю с подругой.

Он выпрямился и пристально посмотрел на нее.

– Извините, что помешал вам. Приятного аппетита!

Он пошел к самому дальнему от них столику и сел к ним спиной.

– Ну вот, – прошептала Армель, – это называется «иди ты со своими розами куда подальше...».

– Я два раза приглашала его посидеть в баре, и два раза ему было не до меня. Сегодня утром я позвонила ему, но звонок оказался некстати: он был не один.

И Маэ пересказала их разговор, упомянув историю с букетом. Армель расхохоталась.

– Ах уж эта Розенн! Она тебя околдовала, что ли? Эта пиявка не только испортила тебе Рождество своим спиногрызом, но и угробила ваши отношения с Кергеленом. Посмотри на него: в нем есть все, чтобы тебе нравиться.

– Он мне нравился и нравится по-прежнему, – призналась Маэ.

– Так дай себе еще один шанс.

– Он – типичный соблазнитель, мне не на что рассчитывать.

– Ошибаешься. Когда он вошел и увидел тебя, то прямо весь расцвел.

Маэ подняла глаза и бросила взгляд на Алана. По-прежнему сидя к ним спиной, он смотрел на море, повернул голову, и она видела его профиль. Кому же все-таки принадлежал черный внедорожник, на котором он приехал? Его нынешней любовнице? Почувствовав укол ревности, она мысленно улыбнулась – оказывается, она не так уж к нему равнодушна, как думала.

– Иди, поговори с ним, – прошептала Армель.

– И как я тогда буду выглядеть?

– Поверь мне, он только этого и ждет.

Поколебавшись с минуту, Маэ встала и пошла через зал. Сев за столик напротив Алана, она непринужденно сказала:

– Ты нам совсем не помешал, а я была невежлива.

Он посмотрел на нее непроницаемым взглядом и, помолчав, спросил:

– Сегодня, завтра, послезавтра – когда ты сможешь поужинать со мной?

– Я?..

– Если нужно, у меня есть знакомый папаситтер.

Намек на ее отца заставил Маэ рассмеяться, тем более он сказал это очень тепло.

– Нет, все в порядке. Завтра.

– Хочешь пойти в ресторан или поужинаем у меня? В любом случае, если снегопад не кончится, я приеду за тобой, а потом отвезу домой.

– На черном танке?

– Мне одолжил его сосед, очень отзывчивый человек.

– Не соседка?

– Какая разница? Просто рядом со мной живет семья фермеров.

– Отлично. Тогда поужинаем у тебя. Я буду готова в семь часов. До завтра...

Она кивнула ему и вернулась к Армель.

– Дорогая, твой повеселевший вид говорит сам за себя. Все уладилось?

– Я сделала так, как ты сказала: дала ему еще один шанс.

– Ему или себе?

– Посмотрим. Мне все равно нечего терять, уверена, что это будет приятный вечер.

– И ты уже не задаешься вопросом...

– Что мне надеть?

– Вернее, что ему с тебя снять!

Они обменялись улыбкой, очень довольные друг другом. В отличном настроении, Маэ заказала еще две порции сидра.

* * *

Снегопад закончился, но температура упала, и причал обледенел. Жан-Мари вместе с Кристофом и остальной командой выгружали последние ящики. Измученные, не чувствуя собственных пальцев в толстых перчатках, моряки мечтали о тепле и отдыхе.

– Надо починить трал, – объявил Жан-Мари Кристофу. – Я нашел дыры в двух-трех местах.

– Я займусь этим!

Неутомимый и всегда готовый к работе, молодой моряк сохранял хорошее настроение, несмотря ни на какие трудности.

– Прекрасно. Можешь начинать в любое время, мы выходим в море только послезавтра на рассвете.

Сам-то он собирался подняться на борт задолго до рассвета, потому что никому не доверял осмотр судна и оснастки перед отплытием.

Следующая рыбалка с той же командой будет длиться три дня, и ничего нельзя оставлять на волю случая.

Он уже издали заметил Маэ, которая шла сейчас осторожными маленькими шажками, кутаясь в пуховик.

– Вон наша начальница! – возвестил Кристоф.

– Что, скользко? – весело крикнул ей Жан-Мари. – Иди посмотри, рыбалка была отличная.

Он уже говорил ей об этом по рации, но ему хотелось показать пирамиды ящиков с рыбой.

– Ты прямо морской царь, – сказала ему Маэ с сияющей улыбкой.

Боже, какая она была хорошенькая с румяными от мороза щеками и покрасневшим кончиком носа. Однако он почувствовал разочарование, не увидев рядом с ней Армель.

Она, наверное, была еще в банке, и они все равно договорились завтра увидеться. Жан-Мари пригласил ее к себе, и ему нужно было приготовить оригинальный ужин и прибраться в доме. Позвав ее в гости, он думал, что просто отдает дань вежливости, однако на обратном пути несколько раз возвращался к мыслям о ней. Армель оказалась восхитительной девушкой, несмотря на то что выглядела самоуверенной кокеткой. Она любила смеяться, есть, заниматься любовью, с ней всякое занятие становилось весельем, и Жан-Мари радовался при мысли, что проведет с ней новый вечер. До того времени ему необходимо было отдохнуть, потому что сейчас он едва стоял на ногах. К счастью, приближались праздники, и январь обещал быть не таким тяжелым, как в прежние годы. Направляясь к портовому рынку, он подумал, что Армель, наверное, обрадуется маленькому подарку на Рождество. Но он даже смутно не представлял, что можно ей подарить. Спросить Маэ? Об этом не могло быть и речи. Признаться, что у него появился интерес к Армель – у него бы язык не повернулся. Ладно, он справится с этим сам. А *заодно* купит что-нибудь для Маэ.

* * *

– Ты опять уходишь? – возмутился Эрван, видя, что дочь поставила на стол только один прибор.

– Я предупредила тебя днем, папа. И пожалуйста, ложись спать и не жди меня, я приду поздно, а может, и совсем не приду.

– Ах, вот как? У тебя есть... жених?

– Я бы так не сказала. Просто любовник.

– Маэ!

– Ты не забыл, что мне тридцать лет?

– И что? Надо оставаться серьезной девушкой, а не спать с кем ни попадя.

Маэ вздохнула и решила не продолжать дискуссию. Ее отец прекрасно знал, что у нее бывали короткие романы, и это его совершенно не шокировало, но он ненавидел оставаться один и нашел способ продемонстрировать свое недовольство.

– В духовке все останется горячим, ты поешь, когда захочешь. А мне надо переодеться.

– Ты и так хороша, – хмыкнул он. – К тому же в такой мороз лучше остаться в этом свитере с воротником.

– Я не собираюсь провести вечер у моря! – возразила Маэ.

Она поднялась в свою комнату и открыла шкаф. В доме у Алана было тепло только рядом с камином, но в остальном это было царство сквозняков. Она выбрала серо-голубой кашемировый свитер с треугольным вырезом, который надевала по особым случаям. Потом сменила джинсы на облегающие черные бархатные брюки, а грубые ботинки – на более изящные ботильоны на каблуках. Повязав на шею переливчатый шелковый шарф, она порылась в шкатулке с украшениями и остановилась на единственной паре серег, унаследованных от матери. Затем она строго осмотрела себя в зеркале, размышляя, к чему бы придралась в ее наряде Армель. Напоследок Маэ прошла тушью по ресницам и нанесла по капле туалетной воды на внутреннюю сторону запястий.

Спустившись, она увидела, что Эрван нехотя ковыряет киш^[11].

– Ты его пересушила, – пожаловался он. – И тебя на улице ждет веселая, как катафалк, машина.

– Откуда ты знаешь, что она ждет меня?

– Потому что она остановилась прямо перед нашими воротами.

Эрван, конечно, наблюдал за улицей из окна, пока Маэ одевалась.

– Ладно, я уйду. Не забудь про свой любимый сериал на Первом канале.

Она наклонилась, чтобы поцеловать отца, и увидела залоснившийся воротник его фланелевой рубашки. Она не заботилась

о нем с тех пор, как он вернулся из больницы, и ей нужно было поговорить с ним на эту тему. Мысль о том, что она должна еще больше окружить его вниманием, ужасала ее. Она не была ему ни женой, ни сиделкой и не хотела брать на себя эти роли, желая остаться его дочерью, и так, чтобы он не зависел от нее на каждом шагу.

Тротуары блестели ото льда, улица была пустынна. Маэ нырнула в машину Алана, в которой продолжал работать двигатель.

– Ты без пальто? – удивился он.

Она почувствовала себя так глупо, что покраснела.

– Сейчас, – пробормотала она и открыла дверцу. Но перед воротами уже стоял отец, держа в руках ее пальто. Он подошел, чтобы поздороваться с Аланом – вернее, чтобы рассмотреть его.

– Добрый вечер! – произнес он не слишком любезным тоном.

Алан ответил ему вежливой улыбкой, и машина мягко тронулась.

– Кажется, папа за тобой следит!

– Ой, ради бога... выходя, я думала совершенно о другом. Он стареет, и меня это беспокоит.

Она не знала, как объяснить свою забывчивость, из-за которой выглядела школьницей, спешащей на первое свидание.

– Пристегни ремень, а то включится сирена. Эта машина напичкана всякими гаджетами, я еще не во всех разобрался.

Она молча повиновалась, держа пальто на коленях.

– Я тоже бываю рассеянным, ничего страшного.

Поскольку она по-прежнему молчала, он любезно добавил:

– Твой отец, похоже, очень переживает за тебя, прости, что я подшучивал над ним. И все-таки я скажу напоследок: должно быть, он решил, что я слишком стар, чтобы встречаться с его дочерью, наверняка он тебе это выскажет.

– А ты и правда старый? – пошутила Маэ.

– Мои права лежат в ящике для перчаток, можешь посмотреть дату рождения.

Ловя его на слове, она достала удостоверение и, увидев фотографию, рассмеялась.

– Я знаю, у меня дурацкий вид, но мне тогда было восемнадцать лет.

– Ты здесь почти наголо выбрит!

– Мне тогда не сиделось на месте. В первый год на медицинском факультете были сплошные приключения: горный поход с друзьями в Таиланд, регаты с гранвильцами^[12] в Канкале... Когда я встретил Луизу, мою первую жену, то отказался от имиджа десантника.

– Ты по-прежнему любишь парусники?

– Нет, я был неважным моряком. Меня больше увлекала верховая езда, и эта любовь длилась все годы учебы. Для меня нет большего удовольствия, чем совершить прогулку на моей кобыле. А лес вокруг прекрасен в любое время года.

– Даже сейчас?

– Земля замерзла, и надо бы поставить шипы на подковы Пат, но мне лень!

Он вел автомобиль плавно, время от времени поворачивая к ней голову, чтобы улыбнуться. Маэ было тепло и хорошо, и она откинулась на подголовник.

– У меня не было времени вернуться домой, – извинился он, – но не волнуйся, нас должен ждать вкусный ужин.

Когда они приехали, на крыльце горели два фонаря, заливая все вокруг волшебным сиянием.

– С наступлением темноты свет зажигается автоматически, – объяснил он. – Это приятно, когда возвращаешься в зимние вечера, но автомат часто срабатывает не вовремя!

Войдя в дом, Алан сразу пошел разжигать камин, потом попросил Маэ подождать пять минут, пока он заглянет на конюшню. Как и в первый раз, она осталась одна в большом зале. Экономка, по-видимому, исполнила указания хозяина, потому что на полках было гораздо меньше беспорядка. На столе стояли два прибора, а рядом с камином – поднос с аперитивом и закусками. Маэ подошла к проигрывателю, взяла наугад компакт-диск. Зазвучавшая в динамиках классическая музыка оказалась довольно приятной. Пока она настраивала звук, к ней подошла белая кошечка и начала тереться о ногу. Она наклонилась ее погладить и увидела, что низ ее бархатных брюк уже покрыт шерстью.

– Любишь музыку? – спросил Алан, входя в комнату.

– Я мало что в ней понимаю, но эта мне нравится.

– Это Малер. У тебя хороший вкус.

Он подошел и обнял ее.

– У нас не так много общего, – шепнул он ей на ухо. – Но мы можем постараться найти еще... Что, если мы займемся любовью рядом с камином? – Его руки скользнули под ее свитер, и она задрожала. – Ой, я тебя заморозил, прости.

Кончиками пальцев он провел по ее коже и, целуя, прижал к себе.

– Я очень хочу тебя, – прошептал он. – Но если ты предпочитаешь сначала поужинать...

Она ясно помнила его гладкое, мускулистое тело, которое было так приятно трогать, чувственность его ласк, наслаждение, которое он умел ей доставить. Она тоже хотела Алана, ей было хорошо в его объятиях, так зачем же откладывать? Отстранившись, она быстро развязала шарф.

– Нет, – возразил он, – я сам тебя раздену! Пойдем к огню.

Он увлек ее к камину, медленно снял с нее свитер, потом бюстгальтер.

– Ты прекрасна, – сказал он, лаская ее плечи.

Снимая с нее бархатные брюки, он встал на колени. Отблески пламени освещали его пепельно-белокурые волосы, в которых уже кое-где мелькала седина, и эта седина взволновала Маэ. Когда она осталась обнаженной, он встал, бросил в огонь полено, вызвав целый сноп искр, и обнял ее за талию. Затем быстро разделся сам и привлек ее к себе.

* * *

Эрван, наконец, доел киш и теперь не спеша потягивал фоль бланш^[13]. Его взгляд постоянно возвращался к рождественской елке, наряженной Маэ. Слишком высокой, громоздкой и перегруженной украшениями, на его вкус. Последние годы его дочь довольствовалась синтетической белой елочкой, покрытой искусственным снегом и не имеющей запаха. Эта пахла смолой, и скоро все вокруг будет усыпано иголками. Сколько суеты ради мальчишки – сына Ивона! Сына Ивона и другой женщины, которого они будут принимать у себя. Мир перевернулся с ног на голову. Эрван все бы отдал за то, чтобы встретить Рождество в другом месте. Ему придется смотреть на этого ребенка и видеть его отца. Вспоминать ту кошмарную ночь и задаваться одним и тем же свербящим душу вопросом: хотел ли он этого? Вовремя ли он крикнул, достаточно ли громко? Его воспоминания были смутными, отрывочными. Он только помнил, что после признаний Ивона ему хотелось выбросить его за борт. Но, разумеется, он бы не перешел к действию. Во-первых, они были не одни на судне, а во-вторых, он был прежде всего моряком. Он никогда и никому не причинил вреда и тем более – зла. Он просто назвал Ивона трусом, лжецом, негодяем, поклялся, что отменит их свадьбу, и заявил, что больше не посмотрит в его сторону. Но это были только слова, продиктованные гневом и разочарованием. Все утро он сверлил Ивона взглядом, а потом вообще забыл о нем, потому что поднялся шторм, траулер рухнул в пропасть между двумя волнами и стал ложиться набок. С той минуты он думал только о том, как удержать его на плаву. Для него ничего не существовало, кроме этих волн размером с дом, которые обрушивались на палубу. Он недостаточно громко кричал? Никто не смог бы его услышать в таком реве ветра! Судорожно сжимая штурвал и почти ничего не видя от заливающей лицо воды, он думал о том, что пришел его последний час. Но последним он стал не для него. Траулер выдержал, а Ивон погиб. Силой воли, да, именно силой воли Эрван запрятал воспоминание об этой ужасной ночи на самое дно своей памяти. Днем он не помнил почти ничего, и только ночные кошмары напоминали о том, что произошло в реальности. И вот теперь, в его собственном доме, ему суют под нос сына Ивона! Наверное, Маэ сошла с ума, раз придумала ему, да и себе, такую пытку.

Кстати, что у нее было с этим дантистом? Он очень хорошо знал, что этот Алан – доктор Кергелен, которого он иногда встречал в порту. Эрвану только и оставалось, как смотреть на людей да слушать их болтовню. Этому типу было никак не меньше сорока, и он давным-давно работал в Сен-Брие. Как он мог позволять себе встречаться с пациентками? Конечно, Маэ вольна делать все что хочет, но она не найдет мужа, если будет увлекаться всякими ловеласами. А если она так и останется в одиночестве? Эрван не был уверен, что когда-нибудь захочет стать дедушкой. Но больше всего он не хотел оставаться один, вот так, как сегодня, – в компании йогурта и стакана вина. В его возрасте ему больше пристало рассказывать о прошлых плаваниях жене, которая слушала бы его с открытым ртом. Вспоминать все обстоятельства штормов, через которые ему пришлось пройти за свою жизнь, фантастические уловы в некоторые, особо удачные дни. Он больше не рассказывал об этом, да и некому: теперь на него не обращали внимания. Маэ жила настоящим, а старые рыбаки с их устаревшими методами вызывали у нее смех.

Эрван встал и запер дверь, машинально бросив взгляд на улицу. Его дочь не вернется к ночи домой, но он все равно будет ждать ее на диване. Повернувшись спиной к елке, он включил телевизор.

* * *

Маэ разбудил аромат кофе. Стоя рядом с кроватью с подносом в руках, Алан весело улыбался ей.

– Завтрак подан, мадемуазель!

Обрадованная, Маэ села в кровати, но тут же натянула на себя одеяло.

– Я знаю, здесь холодно, но этот дом невозможно прогреть полностью!

Он был в джинсах, свитере и с мокрыми волосами – наверное, только что вышел из душа.

– У меня с утра прием пациентов, – сказал он извиняющимся тоном.

– Не беспокойся, у меня тоже нет времени валяться в постели!

– Съешь пару тостов, а потом, может быть, захочешь погреться под горячим душем.

Налив ей кофе, он снова улыбнулся своей неотразимой улыбкой. Им не пришлось много спать: проснувшись посреди ночи, они снова бросились друг к другу в объятия. Потом она прижалась к нему и провалилась в сон. Накануне был поздний ужин под шампанское – кажется, этот напиток Алан предпочитал любому другому, когда принимал женщин. Она смотрела, как он допивает свой кофе, и почувствовала, что ее затопила волна нежности. Он действительно был хорошим возлюбленным: обаятельным, веселым и очень чувственным. Словом, идеальным любовником, если бы только не признался, что он убежденный холостяк и дорожит своей независимостью. Очевидно, ей ничего не нужно ждать от него и ни в коем случае не привязываться.

– Ты будешь готова через пятнадцать минут? Я отвезу тебя в Эрки и поеду на работу.

– Снег все еще идет?

– Нет, но он и не тает, на улице минус пять!

По тому, как молниеносно он убрал поднос, она поняла, что он торопится, и поспешила в душ. Когда она вышла из ванной комнаты, его уже не было. Маэ захватила с ночного столика часы с сережками и спустилась вниз. Алан уже ждал ее в коридоре с пальто в руках и быстро помог ей одеться. Помня, что его ждет работа, она все-таки не смогла побороть ощущение, что он хочет побыстрее от нее избавиться.

В дороге Алан был не очень разговорчив, ограничиваясь похвалами устойчивости автомобиля. Только притормозив у ворот ее дома, он повернулся и вопросительно посмотрел на нее:

– Увидимся? Я тебе позвоню.

Ей вспомнились более романтические варианты прощания.

– Ладно, – пробормотала Маэ, выходя из машины. Захлопнув дверцу, она пошла к дому и даже не обернулась.

– А, наконец-то! – заметил ей отец. – Жан-Мари ждет тебя в порту, с «Жабадао» случилась авария.

– Что?!

– Поскольку ты не вернулась вечером, я собирался ехать сам.

– Шутишь? Почему ты мне не позвонил?

– Ты не отвечала!

Уязвленный до глубины души, Эрван смотрел на нее обвиняющим взглядом. Она вспомнила, что, поднимаясь в спальню, оставила сумку с телефоном на первом этаже. И если Жан-Мари пытался дозвониться

ей до рассвета, то понял, что она спала не в своей постели или принимала душ в чужой ванной. Отец, уже стоя в куртке, повязал на шею шарф и взял фуражку. Маэ ощущала его поведение как настоящее вмешательство – не только в ее личную жизнь, но и в управление компанией.

– Папа, ты ничего не можешь для них сделать, я сама этим займусь.

– Давно пора! Мне жаль тебя расстраивать, девочка моя, но ты странно ведешь наши дела. Зимой, да при такой погоде, надо быть на связи постоянно.

– Я на связи! – взорвалась Маэ. – Во всяком случае, если Жан-Мари не смог починить «Жабадао», то я тем более не смогла бы. Снимай куртку и оставайся дома, я уже иду.

– В таком виде?

Обвинительным жестом он указал на ее тонкие ботильоны с высокими каблуками.

– Я сейчас переоденусь, у меня есть минута. Ты сварил кофе? Очень хочу кофе!

Она бросилась вверх по лестнице, одной рукой держась за перила, а другой шаря в сумке и пытаюсь нащупать телефон. Надевая джинсы, теплые меховые сапоги и пуховик, она тщетно пыталась дозвониться до Жана-Мари. В отчаянии она позвонила Кристофу, и он объяснил ей, что с двигателем все в порядке, а вот радио неисправно, и что Жан-Мари пошел искать техника. Конечно, это займет время, и отправление будет отложено. Расстроенная, Маэ сказала, что уже едет, и положила трубку. Жан-Мари был серьезным капитаном, он всегда регулярно осматривал технику на борту, так что же могло случиться с этим чертовым радио?

Когда она приехала в порт и увидела на причале одинокий «Жабадао», сердце ее упало. Все траулеры Эрки выходили из бухты или уже были в открытом море: последние предпраздничные дни стали решающими для рыбаков. Не замечая руки, протянутой Кристофом, Маэ прыгнула на палубу. Она злилась на себя за то, что не ответила на звонки, хотя обещала себе быть постоянно на связи со всеми моряками. Конечно, Жан-Мари мог справиться с проблемами самостоятельно, но боссом был не он, а она, и ей – принимать решения.

Она нашла его в рубке, с ним был техник. Ей сразу бросилось в глаза, что он очень устал. После ночи, проведенной с Армель? Впрочем, у нее вид после бессонной ночи наверняка был не лучше.

– Все наладится, – сказал Жан-Мари успокаивающим тоном. – Клод нашел причину поломки.

Техник на минуту поднял глаза и что-то проворчал по поводу допотопного оборудования. Маэ вздохнула, почувствовав, что у нее опускаются руки. Она села в капитанское кресло перед приборной доской. Все ее траулеры *постоянно* требовали починки или замены оборудования, из-за этого у нее не было никакого пространства для маневра.

– К выходу успеете починить? – взволнованно спросила она.

– Я закончил! – торжественно объявил Клод.

Жан-Мари озабоченно взглянул на Маэ и решил:

– Отдаем швартовы немедленно.

Она скрестила пальцы на удачу и взяла техника за руку, чтобы как можно быстрее вывести его из рубки.

7

– Ты никогда не звонил в это время, – заметил Алан брату.

Людовик весело улыбнулся с экрана компьютера.

– Я просто не мог больше ждать! Представляешь, я обнаружил в почтовом ящике письмо для тебя! Длинное письмо, написанное от руки...

– Загадываешь загадки?

– Получишь сто долларов, если отгадаешь.

– Понятия не имею, сейчас никто не пишет писем от руки.

– Твоя бывшая жена!

– Мелани?

– Да. Но поскольку я сам тебе ответил, ты проиграл сто долларов.

– Но почему она пишет тебе?

– Спорим опять на сотню?

– Ладно, не заставляй себя упрашивать, тебя же прямо распирает.

– В письме четыре страницы, но я тебя избавлю от их чтения.

– Четыре? Обычно она сразу переходит к делу.

– А сейчас она, не торопясь, оборачивает свое предложение в шелковую бумагу. Я тебе скажу главное: она не понимает, почему ты отказываешься от такой выгодной инвестиции, которую она тебе предложила. Она винится, что отняла у тебя много денег, и считает, что дает тебе компенсацию, предлагая абсолютно беспроигрышное дело. Она считает, что ты ей не доверяешь, но ты не прав, поэтому она обращается ко мне, чтобы я убедил тебя в ее искренности и в совершенстве ее проекта. К этому она приложила рекламный проспект будущего бальнеологического центра! И приписала, что если я заинтересуюсь ее предложением, она готова распространить свою щедрость и на меня.

Ошеломленный, Алан с минуту молчал, а потом разразился смехом.

– Она действует через тебя, чтобы обобратить меня еще больше; это бред какой-то!

– Нет, она в это верит.

– В рентабельность своего центра? Не сомневаюсь! Но я не хочу иметь с ней ничего общего, даже если она мне приплатит!

– Я так и думал.

– А ты? Хочешь инвестировать?

Настала очередь смеяться Людовику.

– Никогда! Никогда в жизни я не ввяжусь в дело, которым управляет твоя бывшая, и тем более во Франции.

– Ты возненавидел свою родину?

– Если говорить о бизнесе, да. Я по-прежнему ценю наши сыры и вино, но прекрасно помню, что французы ненавидят успешных людей. Если ты хочешь преуспеть, то Франция – не подходящее для этого место. Что касается Мелани – мне отвечать ей или нет?

– Забудь ты о ней. Или отправь ей один доллар.

– Ага, шоколадный. Ладно, маму не видно в камере, но она рядом и хочет с тобой поговорить. Только сначала скажи мне, что ты собираешься делать в рождественскую ночь?

– Меня пригласили в гости.

– Тогда не пей слишком много или заночуй у них! Я скучаю по тебе, братец. Тебе надо приехать сюда и попутешествовать, мы устроим тебе королевский прием.

Людовик довольно грустно помахал ему рукой и уступил матери место перед экраном.

– Счастливого Рождества, мой дорогой!

– Тебе тоже, мама.

– Дети сойдут с ума, разворачивая подарки, я им проговорила!

– А мне, мне ты послала подарок?

– Ну, разумеется. Пожарную машинку. И вообще, я хотела тебя поздравить: если Мелани предпочла написать Людо, а не преследовать тебя напрямую, значит, ты послал ее куда надо!

– Она достаточно упряма, чтобы возобновить попытку, но это ничего не изменит.

– Прекрасно! Будь тверд. Кстати, а как у тебя с рыболовным боссом?

Алан удивился, что она не забыла его туманные намеки во время их последнего разговора.

– Я говорил о ней с братом, а не с тобой, – заметил он.

– Я все слышала. Ее зовут Маэ, да? Красивое имя.

- И красивая женщина.
- Ты только не слишком увлекайся, ладно?
- Слишком и не получится. У нее отвратительный характер.
- Почему ты не найдешь себе женщину с хорошим характером?
- Ты права. К тому же она гораздо моложе меня.
- На сколько?
- На десять лет.

Мать только улыбнулась и подмигнула ему – ее явно не смутила такая разница в возрасте.

– Не думай об этом и проведи Рождество весело. Не только Людовик по тебе скучает, мне тоже очень-очень тебя не хватает.

– Ты могла бы не уезжать.

– Ты бы сошел с ума, если бы я села тебе на шею. А Людовик с Линдой меня терпят.

Он знал, что за этой шуткой скрывается нежность. Мать приложила ладонь к губам, посылая воздушный поцелуй, и экран тут же погас. Возможность видеться и разговаривать делала далеких близкими, но как только картинка исчезала, Алану становилось чуть ли не хуже, чем раньше. Он некоторое время сидел перед компьютером, испытывая страстное желание оказаться рядом со своей семьей. Встреча Рождества, о котором он упомянул, совершенно его не вдохновляла. Друзья пользовались каждой возможностью познакомить его с незамужней женщиной, «в которую он влюбится с первого взгляда», но этого никогда не случалось. А вдруг сегодняшний вечер станет исключением? Он не верил в это, тем более что уже несколько раз вспоминал о Маэ. Его отчаянное стремление к независимости, похоже, дало трещину перед этой хрупкой женщиной, которую ему хотелось увидеть снова. Все-таки три свидания подряд – это уже отношения.

Неожиданно ему пришла в голову идея, и он снова включил компьютер.

* * *

– Ну хорошо, хорошо, мы же договорились, – сказала Розенн и подтолкнула Артура вперед.

Мальчик выглядел хмурым, он явно пришел против воли. Бедный малыш, его отправили на Рождество к какой-то чужой тете! Маэ постаралась как можно теплее улыбнуться Артуру и взяла его за руку.

– Может, вы тоже зайдете? – спросила Маэ Розенн.

– Не стоит, а то он опять начнет плакать. Вот его сумка, в ней подарок, хочу, чтобы он тоже получил что-то на Рождество.

Она наклонилась к сыну и торопливо поцеловала его в щеку.

– Веди себя хорошо и будь вежлив с Маэ. Я заберу тебя 1 января после обеда.

У Артура задрожал подбородок, но он молча проглотил слезы.

– Мне надо знать, как с вами связаться, если возникнет какая-нибудь проблема, – твердо сказала Маэ.

Ситуация становилась странной из-за поведения Розенн, которое выходило за всякие рамки. Она ограничилась названием отеля-ресторана в Динаре, где работала, утверждая, что у нее нет мобильного телефона. То ли она не хотела, чтобы ее беспокоили, то ли у нее не было денег на телефон.

Маэ смотрела вслед Розенн, спрашивая себя, на чем же она сюда приехала. Но ей уже не хотелось узнавать о ней больше, она и так была слишком вовлечена в жизнь этой женщины.

– Пойдем в комнату, там быстро согреешься, – сказала она Артуру. – Я нарядила елку, не хватает только нескольких шаров. Хочешь их повесить?

Ответом ей был вялый кивок головы. Однако, как только они оказались в комнате, мальчик сразу подошел к елке, и глаза его загорелись. Из чего Маэ заключила, что он плохо знал, что такое традиционное Рождество, или хотя бы просто веселое. Она взяла заранее приготовленную коробку с разноцветными шарами и поставила рядом с ним.

– Ты просовываешь усики в это отверстие – вот так – и вешаешь на ветку там, где тебе нравится.

Переминаясь с ноги на ногу, он поднял на нее глаза и пробормотал:

– Я хочу писать.

– Ах да, конечно! Пойдем, я покажу тебе туалет.

Маэ подумала, что в его возрасте уже не нужно предлагать помощь – скорее, он будет стесняться. В сущности, она ничего не понимала в детях, и «обучение» в виде недельного пребывания Артура в ее доме обещало быть нелегким. Она снова спросила себя, зачем согласилась на это. Из сострадания к ребенку, из любопытства, из желания принять

вызов? Во всяком случае, не для того, чтобы помочь Розенн, которая по-прежнему вызывала у нее сильную неприязнь.

Вернувшись в комнату, Артур подошел к коробке, слегка подволакивая ноги, выбрал шар и стал осматривать елку, подыскивая для него место. Эрван до сих пор сидел в своей комнате наверху и дулся, явно не собираясь появляться до самого ужина. Маэ села прямо на ковер и присоединилась к мальчику. Она устала, проведя все утро на портовом рынке, следя по мониторам, как меняются цены на рыбу и моллюсков. Весь улов был распродан за два часа, а после этого она пригласила своих моряков в соседнее бистро. Потом они расстались, обменявшись пожеланиями веселого Рождества, довольные друг другом и готовые приложить все усилия в эти последние дни года.

Встав на цыпочки, Артур повесил первый шар и, воодушевленный, взялся за следующий. В эту минуту телефон Маэ завибрировал, и она достала его из кармана джинсов. Это был номер Алана, и ее сердце забилось чуть быстрее. Он не звонил с прошлой ночи, а она не хотела звонить первой.

– Я не помешал? Ты молчишь...

– Ты тоже!

– Собираешься провести Рождество дома?

– Да. А ты?

– У друзей.

Разговор забуксовал, казалось, Алан не решается что-то сказать. Сделав паузу, он продолжил:

– Послушай, у меня возникла идея, но я не знаю, понравится ли тебе она...

– Скажи хотя бы.

– Я решил ненадолго слетать в Нью-Йорк, повидать мать и брата. Пришлось для этого перекроить весь свой график, перенести все назначения, но мне это все-таки удалось. Я улетаю двадцать седьмого и возвращаюсь второго января. Четыре дня с родными – это лучше, чем ничего, а я очень скучаю по ним. И хотел узнать, если... В общем, я приглашаю тебя лететь со мной.

– Ты шутишь?

– Конечно, нет. Разумеется, билеты я беру на себя.

Не зная, что ответить, изумленная Маэ смущенно рассмеялась, но тут же стала серьезной:

– Спасибо за приглашение, Алан, но это совершенно невозможно.

– Почему?

– Потому что, как я тебе уже говорила, у меня есть отец, а еще я присматриваю в праздники за маленьким мальчиком, сыном приятельницы. В любом случае, я должна быть здесь во время рыбалки, перед Новым годом ожидаются самые крупные сделки.

– Это все можно устроить, ты просто выдумываешь предлог.

– Предлог? – возмутилась Маэ. – У меня работа, обязанности, семья...

– Не надо кричать. Просто скажи, что не хочешь, этого достаточно. Ладно, я просто предложил. Желаю тебе веселого Рождества.

Он положил трубку, явно расстроенный, и Маэ почувствовала, что ее охватывает негодование. За кого он ее принимает? Если ему повезло распоряжаться своим временем и своими деньгами так, как ему заблагорассудится, то она не могла похвастаться ничем подобным. Более того, она не принадлежала даже самой себе. Как можно за два дня уладить все дела и улететь в Нью-Йорк? Конечно, ей хотелось в Нью-Йорк, и даже очень, но сама мысль об этом казалась нелепой. В предложении Алана было что-то несуразное и даже разочаровывающее. Но было ли оно действительно серьезным? Ему должно быть хорошо известно, что у нее нет никакого способа вырваться на свободу! Может, он таким образом развлекался за ее счет, но ей это совсем не казалось забавным.

Она бросила взгляд на маленького Артура и увидела на его лице тревогу. У его ног валялись осколки шара.

– Ничего страшного, – поспешила утешить его Маэ.

– Но теперь одного не хватает!

– Их и так много, а надо, чтобы и ветки были видны. Не расстраивайся. Если ты проголодался, я приготовлю горячий шоколад.

Ей хотелось, чтобы ему было уютно, но она также ждала, что он расскажет что-нибудь о своей матери и о том, как они живут. Поскольку понимала, что ни одно слово Розенн нельзя принимать на веру. Она повела Артура на кухню, стараясь выбросить из головы разговор с Аланом, который совершенно выбил ее из равновесия. И уязвил.

– У твоей мамы сегодня вечером будет много работы, – начала Маэ бодрым тоном.

– Она всегда занята – то в отеле, то с клиентами, то со своим другом...

Он замолчал и опустил нос в чашку, вдыхая аромат горячего шоколада. Она подождала, когда мальчик его выпьет, и продолжила:

– Ее друг? Иметь друзей – это замечательно. У тебя есть друзья в школе?

– Нет.

– А... А друг твоей мамы – он хорошо к тебе относится?

– Не знаю. Я его не видел. Можно мне еще шоколада?

– Хорошо, но не надейся слишком – вечером у нас будет вкусный ужин!

– А мороженое?

– Э... будут пирожные, куча маленьких пирожных: шоколадное полено, эклерчики, корзиночки с фруктами.

– А подарок, который мама положила мне в сумку, можно мне развернуть его сейчас?

– Нет! Мы положим его под елку рядом с другим подарком, от меня. Раз ты уже не веришь в Санта-Клауса, сможешь открыть их сразу после ужина.

– Будем только ты и я?

– Будет еще мой папа, которого зовут Эрван. Он старый, но очень добрый, хоть и ворчит иногда. И еще будет моя подруга Армель.

– Она тоже принесет мне подарок?

– Не знаю. Она с тобой не знакома, но может быть, и принесет.

Маэ убрала чашки и спросила себя, чем же занять его до вечера.

– Хочешь погулять по набережной? Мы можем пойти на пляж или в порт, если ты хочешь посмотреть на корабли.

– Не люблю корабли. Мама говорит, что на них опасно.

Розенн была не права, внушая такие страхи своему сыну, но это явно была не единственная ее ошибка.

– Ладно, тогда просто погуляем по Морскому бульвару и посмотрим на них издали.

– А мороженое купим?

– Зимой там не продают мороженое.

– Тогда блины!

– Я смотрю, ты думаешь только о еде! – ответила она, смеясь.

Очевидно, бедного мальчика не очень баловали. И плохо воспитывали.

– Посмотрим, что встретится нам по дороге.

Она собиралась показать ему праздничные улицы и витрины в рождественских гирляндах, но больше всего ей хотелось отвлечься мыслями от Алана. Снег уже растаял, по тротуару растекалась жижа, и Маэ быстро поняла, что в Эрки не так уж много развлечений для десятилетнего мальчика. Зимой жизнь города была сосредоточена в порту, и за пределами портового рынка мало что происходило.

– Ты дружила с моим папой?

Неожиданный вопрос мальчика взволновал Маэ. Что его мать могла рассказывать об отце, которого он никогда не видел?

– Дружила... – наконец согласилась она.

– Он был плохой, да? Мама говорит, что он утонул, потому что был плохой.

Маэ в панике подыскивала подходящий ответ. Розенн по глупости вбила сыну в голову дурацкие мысли. Сказать о шторме и несчастном случае? Но это никак не примирит мальчика с морем. Она чувствовала, что он замедляет шаг, пытаясь высвободить руку. Подняв голову, он смотрел на нее доверчивым взглядом – растерянным и одновременно полным надежды.

– Ну, скажи, – настаивал он.

Отвертеться было невозможно, требовалось дать какое-то объяснение.

– Плохой? Нет... он был хороший моряк, очень храбрый, и к тому же красивый мужчина.

То, что она сама поет дифирамбы Ивону, казалось Маэ верхом безумия, но она продолжала:

– Он был бы рад, что у него такой славный сын, как ты.

– Если он был плохой, – упрямо возразил Артур, – он не мог попасть на небо.

Розенн, судя по всему, совершенно спятила. Может, она подучила сына, чтобы он задавал Маэ вопросы? Но неужели она настолько испорчена...

– Кто тебе это сказал?

– Мама...

– Может, она сердилась? Иногда мы говорим сгоряча не то, что думаем. Твой отец наверняка на небе.

– Нет! Он на дне моря!

Выкрикнув эти слова, мальчик неожиданно рванул вперед. Маэ бросилась за ним, но он бежал быстро, и ей пришлось приложить силы, чтобы догнать его.

– Ты должен держать меня за руку, – сказала она ему твердо. – Здесь ездят машины, это опасно.

Несколько секунд она испытывала настоящий страх, и это заставило ее говорить откровенно.

– Послушай меня, Артур. Есть вещи, которые ты поймешь, когда вырастешь. Несчастный случай может произойти с любым человеком: и с хорошим, и с плохим. Случайность – штука несправедливая, да, но это нужно принять. Когда ты думаешь о своем отце, думай, что он был хороший.

Эти слова жгли ей горло, но отчаянный взгляд ребенка не оставлял ей выбора.

– Я хорошо его знала, так что можешь мне верить. Ладно?

После некоторых колебаний он кивнул, и на его лице появилось даже что-то вроде улыбки.

* * *

Алан нехотя надел костюм и повязал галстук, зная, что его друзья тоже будут при параде по случаю Рождества. Его не вдохновлял предстоящий вечер, а главное, он до сих пор был в плохом настроении после разговора с Маэ. Кем она себя воображала? Незаменимых людей нет, она могла бы освободиться, если бы захотела. Хотя он почувствовал ее колебания. Соблазняла мысль о Нью-Йорке, но отталкивала перспектива лететь туда с Аланом? Он не считал себя экспертом, но достаточно знал женщин и видел, что Маэ с ним хорошо. После ночи любви она прижалась к нему и заснула. Проснувшись утром, он смотрел на нее, спящую, и чувствовал такой трепет, какой уже давно не испытывал. Она трогала его, волновала. Это смятение чувств испугало Алана; он сдерживал себя, стараясь сохранять с ней дистанцию. Он не хотел влюбляться, но, увы, это уже происходило – чего стоила только его идея пригласить ее с собой

в Нью-Йорк! А его в ответ послали, как идиота, – кем он, впрочем, и является. Неужели жизнь так ничему его и не научит?

Он спустился вниз и достал из холодильника полуторалитровую бутылку шампанского, которую собирался подарить друзьям. Затем насыпал в кошачью миску сухой корм и залил его водой. Он так злился на себя, на Маэ и на весь мир, что хотел отказаться от приглашения, но для правдоподобного предлога было уже слишком поздно. Смирившись, он надел пальто, выключил свет во всем доме, оставив только маленькую лампу для кошки, что было довольно смешно, потому что она отлично видела в темноте.

* * *

Ресторан уже почти заполнился, и Розенн разрывалась на части, бегая от столика к столику. Сегодня вечером она хотела показать себя в лучшем свете, чтобы довести до конца свой план по соблазнению Яна. В будущем, о котором она мечтала, значился сначала брак, а потом открытие их собственного семейного ресторана. Поэтому ей было необходимо доказать свою пользу и деловые качества, оставаясь для него по-прежнему желанной. Для такого случая она укоротила свою черную юбку, купила тонкие колготки и начистила старые туфли-лодочки на высоких каблуках. В конце дня у нее будут гореть ступни, а может, и раньше, зато ее стройные ноги сразу бросаются в глаза, и она убеждалась в этом каждый раз, видя свое отражение в панорамном окне.

Она толкнула распашную дверь кухни и, взяв первый из приготовленных подносов с аперитивом, понесла его в зал. Слава богу, что рождественское меню было составлено заранее, и ей не приходилось долго стоять перед клиентами с блокнотом для заказов.

– Королевский кир^[14]! – объявила Розенн, ставя бокалы на столик. Она знала, что с макияжем и уложенными волосами становится неотразима. Она притягивала взгляды мужчин, и на всякий случай скромно улыбалась их женам. Возвращаясь на кухню, Розенн увидела, что Ян смотрит на нее с восторгом. Он явно подпал под ее чары – а значит, она сможет вплотную заняться им в ближайшие дни и ночи. У нее будет целая неделя без Артура – вот как отлично она все устроила!

Розенн пошла за следующим подносом, пока Ян приветствовал новых клиентов. Все столики были зарезервированы, в полночь

ресторан будет полон под завязку, но ей это нравилось: она любила наплыв посетителей, суету и ощущение своей незаменимости.

– У вас не нашлось наряда поскромнее? – тихо сказал ей хозяин сухим тоном. Его палец указывал на ее мини-юбку и высоченные каблукы. – В плоской обуви вам было бы гораздо удобнее. Это ресторан, Розенн, а не сцена мюзик-холла!

Довольный собственным замечанием, он начал обходить зал. Розенн закатила глаза. Этот кретин не понимает, что официантки являются украшением заведения? Что клиентов привлекают красивые девушки, а не толстые неряшливые тетки? Когда у нее будет свой собственный ресторан, она будет одеваться так, как ей вздумается, захочет – наденет мини-шорты и сапоги-ботфорты.

Словно подтверждая правоту хозяина, она споткнулась, проходя мимо Яна. Он подхватил ее под локоть и улыбнулся.

– Твой малыш сейчас один наверху? – спросил он вполголоса.

Немного удивленная его заботой, она покачала головой:

– Нет, он всю неделю будет у подруги.

– А, тем лучше! А то пришлось бы сидеть бедняге одному в рождественский вечер...

Все-таки Ян был очень милым. Тем или иным способом – она еще не знала, каким именно, – она должна его привязать к себе окончательно. Вокруг него постоянно крутились другие официантки, ведь он же был холостяк и имел хорошую должность метрдотеля, но Розенн имела преимущество – она была решительнее всех. И соблазнительнее – это читалось в его взгляде. И на этот раз она не позволит заморочить себе голову, как это было с Ивоном, – как только увидит, что он к ней привык и жить без нее не может – сразу потребует кольцо на палец.

Она пошла на кухню, неся поднос с пустыми стаканами, и, подойдя к распашным дверям, толкнула их, сексуально качнув бедром. Ян не отводил от нее восхищенного взгляда.

В кухне кипела лихорадочная работа, и, конечно, в меню оказались устрицы и морские гребешки. При виде ракушек, разложенных на тарелках, она вспомнила Ивона, о том, как он захлеб говорил о профессии рыбака. Чтобы в результате утонуть – какая нелепая шутка судьбы!

Она почувствовала, что ее рот кривится в горькой усмешке, и тут же вернула на лицо приветливую улыбку. Сегодня вечером нельзя предаваться воспоминаниям, у нее есть дело поважнее. На секунду мелькнула мысль об Артуре – хорошо ли ему в семье Ландрие, но она тут же сказала себе, что об этом беспокоиться ни к чему. Все лучше, чем сидеть в тесной комнатухе отеля. А если немного повезет, совсем скоро все устроится как нельзя лучше.

* * *

Приехав с кучей подарков, Армель сложила их под елку, после чего расцеловала Эрвана, который сидел на одном конце дивана, а следом – Артура, прикорнувшего на другом конце. Оба со скучными лицами молча смотрели телевизор. Армель отправилась на кухню к Маэ и, плотно закрыв за собой дверь, начала возмущаться:

– В хорошем ты оказалась положении: отец дуется, а пацанчик думает – как его сюда занесло! Ты несешь свой крест, моя дорогая...

– Приходится.

– Насчет ребенка хочу напомнить, что тебя никто не заставлял его брать. К счастью, я здесь и собираюсь всем поднять настроение, потому что я очень счастлива!

Маэ с любопытством посмотрела на подругу и улыбнулась.

– Из этого я заключаю, что с Жаном-Мари у тебя все хорошо.

– Угадала! Он все меньше дичится и становится все нежнее.

– А ты в него влюблена.

– По уши.

Армель закружилась, и ее плиссированная юбка высоко взметнулась.

– Если бы мне сказали, что я по уши влюблюсь в рыбака...

– А что здесь такого?

– Эта профессия слишком рискованная и забирает человека целиком. И потом, моряки не бывают дома!

Маэ вынула из банки фуа-гра и начала нарезать его ломтиками.

– Ребенок не будет это есть, – заметила Армель.

– Я знаю. Он хочет гамбургер и картошку фри, я уже все купила. Но папа мне не простит, если я предложу ему такое же меню.

Они рассмеялись, и Армель приоткрыла дверцу духовки, из которой аппетитно пахло жареной птицей.

– Цесарка в сливках со сморчками, – пояснила Маэ.

– Обожаю тебя! Выпьем пока что-нибудь?

Она достала из холодильника початую бутылку белого вина и наполнила два бокала.

– За нашу любовь, – сказала она, поднимая свой бокал. – Как у тебя с Аланом?

– Никак. Представляешь, он звал меня провести с ним последние четыре дня года в Нью-Йорке!

– Счастливая! В Нью-Йорке? И ты еще не начала собирать чемодан?

– Я не могу, Армель.

– Почему? Ты можешь переложить дела на Жана-Мари, а я буду каждый вечер навещать Эрвана, обещаю.

– Ты очень добра, но есть еще мальчик.

– Верни его матери, черт возьми! Она тебе его буквально навязала, избавься от него.

– Он не сверток. И потом, я не привыкла нарушать свои обещания. Я согласилась, не подумав, но согласилась же. К тому же я не уверена, что Алан говорил серьезно. Его приглашение было немного... бесцеремонным.

– Но ты бы хотела поехать? Скажи честно.

– Конечно, хотела бы.

– Ради Нью-Йорка или ради него?

– И то, и другое.

– Я так и думала!

– Не заводись. Алан – странный человек. То от него веет теплотой, то равнодушием. Бывают моменты, когда мне с ним хорошо, а бывает – он словно обдаёт меня холодом. После каждого телефонного разговора у нас обоих остается тяжелый осадок.

– У тебя сильный характер, Маэ. Это может отпугивать.

– У него тоже. Во всяком случае, в Нью-Йорк он летит повидать мать и брата. Ты видишь меня в этом тесном семейном кругу? Он не предлагал мне романтический уик-энд, просто хотел прихватить меня заодно с багажом.

– Ах так... ну очень жаль!

Армель допила вино и объявила, что у нее есть для Маэ сюрприз, для Эрвана – шарф, а для Артура – мягкая игрушка.

– Ты и о нем подумала?

– Не хочу, чтобы ты считала меня монстром. И потом, мы же не можем разворачивать свои подарки перед носом ребенка, делая вид, что его не существует.

– Папу это не смущает.

– Эрван – старый эгоист, я всегда это говорила.

Маэ молча кивнула. С возрастом отец замкнулся в себе, и с ним стало трудно разговаривать. Она уменьшила температуру в духовке и поставила бутылку шампанского в ведро с колотым льдом.

– Пойдем, нальем ему бокал, чтобы начать вечер, у него настроение поднимется. Можешь захватить кока-колу для Артура?

Армель пошла вслед за ней в гостиную. На диване в одиночестве сидел Артур и неотрывно смотрел на экран телевизора.

– Мы выключим телевизор, хорошо? – предложила Маэ, забирая пульт.

– О нет!

Рассердившись, он попытался вырвать пульт из ее рук, но она наклонилась к нему и сказала:

– Артур, фильм закончился. У нас впереди хороший вечер, мы будем ужинать, разговаривать, откроем подарки, и ты сможешь лечь спать позже, чем всегда. Но никакого телевизора, сегодня Рождество.

Она видела, что мальчик изо всех сил сдерживается, чтобы не спорить. Он снова сел, набычился и через несколько секунд проворчал:

– У нас в номере нет телевизора. Я никогда его не смотрю! Другие в школе все время говорят о кино, а мне нечего сказать!

В номере? Они с матерью живут в номере отеля?

– Ты сможешь посмотреть его завтра и в другие дни.

Он с недоверием посмотрел на Маэ и, кажется, успокоился. Она воспользовалась этим, чтобы протянуть ему банку кока-колы и хлеб с сюрпризом^[15].

– Хочешь попробовать?

Разговаривая с мальчиком, она не слышала, как в гостиную вернулся Эрван. Он подошел к елке и положил под нее сверток. Один. А потом встал перед Маэ. Она увидела, что он сменил рубашку, явно раздосадованный разговором на эту тему, который произошел между ними несколько дней назад.

– Я решил переодеться, чтобы доставить тебе удовольствие и потому что сегодня Рождество, но мне от этого веселее не стало.

– Жаль, так ты выглядишь гораздо лучше!

– Я *старый*, Маэ, – усмехнулся он, – и больше не хочу никому нравиться.

– Ты нравишься нам, уже хорошо.

Она заставляла себя быть терпеливой, хотя еле сдерживалась, чтобы не вспылить. Он ни разу не сказал что-нибудь доброжелательное или ободряющее и постоянно был мрачен.

– У тебя пятно, вот здесь, – сказал Артур, – показывая пальцем на карман бархатного пиджака Эрвана.

– А ты не вмешивайся!

– Папа! – не выдержала Маэ.

– Что – «папа»? Ему и замечание сделать нельзя? Этот малец очень плохо воспитан!

Артур как можно глубже зарылся в диванные подушки, бросая оттуда яростные взгляды на Эрвана. Обескураженная, Маэ со стуком поставила тарелку с хлебом-сюрпризом на журнальный столик. Вечер начался плохо, и неудивительно. Присутствие ребенка мучило отца, потому что напоминало о трагедии, которую он отчаянно старался забыть. Он бы злился на себя всю жизнь, и на Ивона тоже, но теперь ему представилась возможность выместить всю свою злобу на Артуре.

– Шампанского? – весело предложила Армель. – Ну же, Эрван, чокнитесь со мной! Раз уж мы собрались, давайте веселиться! Как подумаю, что Маэ могла бросить нас и улететь на праздники в Нью-Йорк! Но она предпочла остаться с нами, и я так этому рада...

Озадаченная, Маэ подняла глаза и встретила лукавый взгляд Армель. Она, без сомнения, хотела показать Эрвану, что зря он все время жалуется: его дочь не вечно будет у него под рукой.

– Что ты собиралась делать в Нью-Йорке? – спросил он без всякой агрессии.

– О-ля-ля! – вмешалась Армель. – У женщин свои секреты! Но, как видите, она уже не собирается. Хлеб с сюрпризом просто объедение, Маэ. Ты сама его приготовила?

– У меня не было времени, я купила его в кулинарии.

Эрван выглядел озадаченным, но дуться перестал. Казалось, он вспомнил предложение Армель и прежде, чем осушить бокал,

чокнулся с ней.

* * *

Как Алан и опасался, его посадили за стол между хозяйкой дома и тридцатипятилетней незамужней Алисой. С самого начала ужина она болтала и смеялась без остановки, пытаясь всеми силами привлечь его внимание. Красивая, элегантная и, в общем-то, довольно интересная, она могла бы ему понравиться, если бы он поминутно не вспоминал Маэ. Возможно, надо было пригласить ее как-то иначе? Наверное, он шокировал ее своей бесцеремонностью. Алан был разочарован, расстроен, и его грызла тревога за будущее их отношений. Будущее, на которое он надеялся и которого страшился.

Сидящая рядом с ним Алиса только что задала ему вопрос, который он даже не услышал, поглощенный своими мыслями, и ей пришлось повторить:

– Почему вы избрали своей специальностью стоматологию?

Его часто об этом спрашивали, это был любимый способ женщин завязать с ним разговор.

– Сначала из-за челюстно-лицевой хирургии. А потом мне очень понравилось иметь более длительные и личные отношения с моими пациентами, и тогда я окончательно сделал выбор между частной практикой в городе и работой в больнице. А теперь, с изобретением имплантатов, появилось много новых возможностей, и это меня вдохновляет.

Алан рассеянно произнес привычный для него ответ, но соседку это совершенно не смутило.

– Бросить государственную больницу и замкнуться в своем кабинете, разве это не значит лишиться доступа к техническим и научным достижениям?

– Совсем необязательно. Надо постоянно совершенствоваться, читать научные публикации, интересоваться прогрессивными технологиями.

– У вас есть на это время? Если у врача обширная практика, он вынужден подчиняться сумасшедшему графику. Я знаю, о чем говорю, мой отец был стоматологом!

Улыбаясь, Алиса становилась очаровательной. В начале вечера она рассказывала о том, чем занимается, но Алан уже забыл. В любом

случае, по взглядам, которые она на него бросала, он видел, что нравится ей. И, может быть, она помогла бы ему немного забыть Маэ. Он вынужден был признать, что в этот раз очередная претендентка оказалась очень привлекательной, друзья его не подставили. Повернувшись к ней, он улыбнулся совершенно искренне.

* * *

Армель была на высоте: благодаря ей, ее неиссякаемому задору, ужин проходил очень приятно. Цесарка со сморчками чрезвычайно понравилась Эрвану, который постепенно смягчился, хотя и не без помощи шампанского. Он перестал со злобой смотреть на Артура, разговаривая с ним так, как разговаривал бы с любимым ребенком.

Когда настало время разворачивать подарки, он казался немного смущенным тем, что купил только большую коробку шоколадных конфет для дочери. Маэ представила это так, что конфеты – вклад отца в праздник, и поставила их на стол.

Что касается Артура, то он пришел в восторг от радиоуправляемого автомобиля, подаренного Маэ, и от большого плюшевого щенка Армель. Зато коробка с настольными играми – подарок матери – оставила его равнодушным. Маэ подумала, что Розенн не хватает здравого смысла, если она дарит своему совершенно одинокому ребенку игры, для которых требуется несколько участников. Но Эрван неожиданно объявил, что согласен в ближайшие дни сыграть несколько партий.

В половине первого ночи Армель горячо поблагодарила Маэ и уехала. Маэ отвела Артура в маленькую комнату, которая на ближайшую неделю стала детской. Вообще-то комната служила кладовкой и одновременно бельевой, но Маэ освободила ее от коробок и гладильной доски и поставила раскладушку. Она достала простыни с изображением зверей, которыми пользовались, когда она была еще подростком, и несколько старых книг, подходящих десятилетнему ребенку. Маэ чувствовала себя с Артуром неловко, однако перестала замечать его сходство с Ивоном и видела в нем просто мальчика.

– Если ты боишься темноты, можешь не выключать лампу. А моя комната по другую сторону коридора, прямо напротив тебя.

В своей поношенной пижаме, с чересчур короткими рукавами, и с плюшевым щенком, которого он крепко прижимал к себе, мальчик

выглядел совершенно беззащитным.

– Спокойной ночи, Артур, – сказала Маэ, целуя его в лоб.

Тихонько закрыв дверь, она пошла в свою комнату. Она так устала, что готова была броситься на кровать, не раздеваясь. С самого раннего утра, проведенного на портовом рынке, у нее не было возможности передохнуть. И она испытывала странную грусть из-за мальчика, которого почему-то согласилась взять к себе; из-за отца, резко стареющего от Рождества к Рождеству; из-за доброты Армель, потрясшей ее; и особенно из-за звонка Алана, приглашение которого она с сожалением отвергла.

Убедившись, что у нее нет новых сообщений, она положила телефон на ночной столик. Зато на подушке ее ждал небольшой сверток. Заинтригованная, она развернула его и обнаружила цепочку с кулоном в форме сердца. Под ним лежала записка от отца, нацарапанная его дрожащим почерком: *«Я подарил его твоей матери на наш десятилетний юбилей, а теперь он принадлежит тебе»*.

Маэ почувствовала, как в глазах защипало от слез. Эрван не стал класть свой подарок под елку, может быть, из-за присутствия Артура и Армель. Маэ была уверена, что, кроме пары сережек, которые она унаследовала, у матери больше не было драгоценностей. Она хорошо помнила этот кулон, потому что часто видела его на матери в вырезе блузки, но никогда не задавалась вопросом о том, где он теперь, полагая, что мать похоронили вместе с ним. А оказывается, отец хранил его все эти годы, а сегодня решил подарить ей. Почему? Чувствовал приближение смерти? Или просто хотел в этот раз сделать дочери хороший подарок, не имея на это возможности? Его пенсия бывшего рыбака-судовладельца была смехотворной; у него не было денег, и он ничего не получал от компании. Себе Маэ назначила небольшую зарплату, удовлетворяющую ее скромным потребностям, а всю полученную прибыль вкладывала в бизнес. До сих пор она не думала о том, что отец может нуждаться в деньгах, потому что сам он никогда не говорил об этом. Наверное, ей надо было предложить самой? Только не станет ли он капризничать еще больше? Она вспомнила о деньгах, данных в долг Розенн, которые она, конечно, никогда не увидит. Но все-таки Розенн с сыном испытывали острую нужду, и, хотя Маэ буквально выкрутили руки, не стоило жалеть о добром поступке.

Она взяла кулон и подошла к зеркалу. Украшение ей очень шло, и она решила носить его в память о матери. Полностью раздевшись, Маэ начала придирчиво рассматривать свое лицо и фигуру. Алан утверждал, что она красива, но это было не так. Милая, стройная, но совсем не «восхитительная» – как он выразился. Интересно, он расточал такие комплименты всем своим подружкам?

Она надела халат и, невзирая на усталость, решила принять душ. Горячая вода снимет напряжение и прогонит мрачные мысли. Нельзя грустить в рождественскую ночь. Несмотря на ужасную погоду, рыбалка в декабре прошла удачно, моряки были почти довольны, траулеры исправно выходили в море, словом, дела обстояли неплохо. И впереди было будущее. Тридцать лет – прекрасный возраст, когда все возможно!

Проскользнув, наконец, под одеяло, она напоследок бросила взгляд на телефон. Никаких сообщений... а на что она рассчитывала? Алан проводил вечер с друзьями, он пожелал ей – сквозь зубы – веселого Рождества, и в ответ на ее пожелания горько бросил: «Спасибо, я постараюсь». Был ли он действительно разочарован или просто раздражен – ничего не меняло, он все равно не напишет до своего возвращения. А то и вообще никогда. Найти женщину, которая согласится сопровождать его в Нью-Йорк, не должно быть для него проблемой.

Закрыв глаза, она стала вспоминать музыку Малера, белую кошечку, трущуюся о ее ноги, огонь, гудящий в высоком камине, и мягкость ковра, на котором они занимались любовью. Приведет ли он и сегодня к себе женщину? Искушенный мужчина, одинокий и привлекательный – в нем было все, чтобы нравиться женщинам, и, зная об этом, он не отказывал себе в удовольствиях. Алан был свободен, ничего не пообещав Маэ и не сделав никаких признаний.

Ревность, которую она сейчас испытывала, вернула ее в прошлое десятилетней давности. Она вспомнила, как после панихиды выходила из церкви под душераздирающий вой бретонских волюнок, как навстречу ей бросилась неизвестная женщина и выплюнула ей в лицо правду о двойной жизни Ивона. Тогда она ненавидела их обоих – ее и ребенка. Ребенка, который сейчас спал в комнате напротив...

Чтобы заснуть, она сомкнула пальцы на кулоне. Этот камень в форме сердца не принес никакого особенного счастья ее матери, но,

невзирая на это, Маэ решила, что отныне он будет ее талисманом. Она поведала ему о том, что мечтает встретить человека, который будет вызывать у нее трепет и сделает ее счастливой. Не пресыщенного донжуана сорока лет, который, уходя, бросает «Созвонимся!». Нет, она мечтает о настоящей любви, самозабвенной и радостной, которая изменит ее жизнь. И даже если эти мечты были по-детски наивны, она не хотела от них отказываться.

Странный шум вывел ее из полудремы, она прислушалась и поняла, что это Артур говорит во сне. Бедный мальчик, от которого отделались, отправив к чужим людям! Скучал ли он по матери? Примерно в эти же месяцы Маэ тоже могла родить ребенка от Ивона. Если бы он не погиб, что бы с ними со всеми стало? Она плотнее закуталась в одеяло, смирившись с тем, что проведет бессонную ночь, но через две минуты провалилась в темноту.

8

Первого января пришла новая волна холода. На побережье Пентиевра начало зимы редко бывало таким суровым. Продуваемый насквозь ледяным ветром, порт Эрки казался вымершим. Все моряки отдыхали после изнурительной работы в предпраздничные дни, и январь обещал быть спокойным.

Как Розенн и обещала, она приехала за Артуром после обеда. Ее привез мужчина, однако он не вышел из машины. По словам Артура, это был друг матери, и, похоже, Артур был совсем ему не рад. За эту неделю он стал меньше дичиться, постоянно играя в карты и в шашки с Эрваном или охотно сопровождая Маэ на портовый рынок. Перед уходом он порывистым движением прижался к ней, и это ее тронуло. Розенн явно торопилась; прервав прощание, она пробормотала сквозь зубы слова благодарности. Маэ смотрела им вслед с противоречивым чувством. Она не знала, увидит ли еще когда-нибудь Артура, и так же не знала, хочет ли этого. Разумеется, Розенн больше не вспоминала о деньгах, и не вспомнит о них до тех пор, пока Маэ не понадобится ей снова.

Освободившись от ответственности за мальчика и его страха перед кораблями, Маэ, несмотря на холод, решила подарить себе неспешную прогулку по порту. Она так и не получила никаких сообщений от Алана и больше не ждала их. Наверняка он нашел себе другую, не такую занятую компаньонку для путешествий.

Издаലെка она увидела два знакомых силуэта: Армели и Жана-Мари. Держась за руки, они шли навстречу ей по набережной. Наверное, им тоже захотелось прогуляться, но вдвоем.

– Счастливого Нового года! – крикнул ей Жан-Мари.

Выпустив руку Армель, он бросился к Маэ и обнял ее.

– Прекрасного, замечательного Нового года! – повторял он, целуя ее в шею.

Он не спешил выпускать ее из объятий.

– Тебе тоже, – ответила она, отступая назад. – Желаю тебе хорошей рыбалки и счастливой любви!

Она улыбнулась Армель, с которой уже обменялась поздравлениями по телефону. Было видно, что Жан-Мари смутился, внезапно осознав, что он уж слишком горячо обнимал Маэ.

– Холод напугал всех, только не нас, – заметила она. – И даже нет возможности согреться, все бары закрыты.

– Тебя освободили от присмотра за ребенком? – поинтересовался Жан-Мари.

– Мать только что его забрала.

– Тебе понравился этот опыт, захотелось иметь своего собственного?

– Не знаю... Но он оказался очень славным мальчиком.

Невозможно было признаться ему, что речь идет о сыне Ивона. Армель обещала держать это в тайне, что избавляло Маэ от неловких объяснений. Пришлось бы ворошить прошлое, объясняя присутствие Артура под ее крышей, а ей этого совершенно не хотелось.

– Пригласишь нас на чай? – спросила Армель Жана-Мари.

Он с удовольствием согласился, тем более что его дом на улице Фош был как раз рядом. День святого Сильвестра^[16] они с Армель отпраздновали в бистро в Сен-Ка^[17] вместе с друзьями и, судя по их осунувшимся лицам, легли спать поздно. Маэ подумала, что они провели ночь вдвоем, как это было последнее время. Жан-Мари – человек серьезный, и если он продолжал эти отношения, значит, чувствовал настоящую привязанность. Армель же выглядела влюбленной и так сияла радостью, что Маэ ей позавидовала.

– Зря ты не пришла вчера вечером, – упрекнул ее Жан-Мари. – Мы здорово повеселились, «Ньюпорт-кафе» ходило ходуном!

– Я не могла оставить папу с мальчиком один на один...

– А нам тебя не хватало весь вечер, – посетовал он. – Без тебя было все не так.

Его очевидная искренность смутила Маэ. Ей не хотелось обижать подругу, тревожить ее. Она осторожно отстранилась от Жана-Мари и взяла Армель под руку.

– У меня предчувствие, что Новый год принесет тебе счастье, – прошептала она ей на ухо.

* * *

Утомившись, Эрван в конце концов отключил у телевизора звук. С тех пор, как мальчика увезли, в доме стало очень тихо. Каким мучением было смотреть на него каждый день в течение целой недели! Его сходство с Ивоном было невероятным. Этот призрак умершего был ему живым упреком. Тем более что Ивон появился в команде совсем мальчишкой, и уже было видно, что сын станет его точной копией.

Эрван приложил огромные усилия, чтобы держать себя в руках и не испортить праздники – это стоило ему ночных кошмаров и бессонницы. Он просыпался в поту, включал свет и думал, не позвать ли Маэ на помощь. Почему она поставила их в такую нелепую ситуацию? Ей хотелось помучить себя, а заодно и его? Дочь была слишком доброй и совсем не умела помнить зло. Она должна была возненавидеть эту проклятую Розенн, а еще и его, своего отца, который не умеет прощать. Он помнил, как ярость ослепила, затопила его, когда Ивон во всем признался. И этот тип будет его зятем? Наследует его компанию? Никогда! Он не для того работал всю свою жизнь, чтобы какой-то проходимец вторгся в его семью и завладел его кораблями. Он представил, как ведет дочь к алтарю, чтобы передать ее в руки отъявленного лжеца, труса и предателя! Не будет этого, ни за что! На палубе траулера Эрван не спускал с него глаз, и ненависть росла в нем с каждой минутой. Он проклял Ивона. А потом налетел ветер, поднялся шторм, и на них обрушились гигантские волны. Было ли вмешательство божественных сил в том роковом повороте штурвала или ответственность лежит на Эрване Ландриэ, на нем одном?

Он упал на диван под тяжестью воспоминания, которое жгло его и не отпускало. До появления мальчика он кое-как обуздывал свое чувство вины, изгоняя из памяти невыносимые сцены, но теперь ему это не удавалось. Если он отказывался подняться на борт, то только потому, что знал – он потерял честь, а с ней – и веру. Он страстно желал, чтобы у него наступила амнезия, но она обошла его стороной. Сокрушительным ударом штурвала он решил судьбу другого человека.

Человек за бортом! Злодеяние свершилось. В темноте и грохоте бури невозможно было ничего предпринять. Ивон исчез, а вместе с ним исчезли предательство, проблемы брака и наследства. Освободившись от угрозы, Эрван изнемогал под тяжестью вины.

Острая и вполне реальная боль пронзила его насквозь, перехватила дыхание. Он поднес руку к груди и больше не смог пошевеливаться.

* * *

– Я не хочу задушить его своей любовью, – заявила Армель. – Мы были вместе двадцать четыре часа, и маленькая пауза даст ему вздохнуть свободно.

– Пауз у вас будет предостаточно! – иронически заметила Маэ. – Завтра утром он уйдет в море, а ты вернешься в банк.

В веселом споре прошел час, и было выпито нескольких чашек чая, прежде чем Маэ встала, собираясь уходить. Армель тоже решила вернуться к себе. Жан-Мари, который не высыпался последние дни, легко ее отпустил.

– Я провожу тебя до дома, – предложила Армель Маэ.

Смеркалось, хотя было всего пять часов вечера, и холод становился все злее.

– Не люблю праздники, – добавила Армель, – все кажется вымершим... Есть новости от Алана?

– Никаких. Я думаю, он должен сегодня вернуться, но в принципе, мне наплевать. Все равно у нас впереди ничего нет.

– Меня это очень расстраивает. Как было бы здорово, если бы мы с тобой были влюблены и счастливы одновременно! И потом, он красивый мужчина, вы бы хорошо смотрелись вместе.

– Ты считаешь его красивым?

– У него потрясающие серые глаза, такие светлые! Я это заметила еще тогда, когда лечила зубы. Признаюсь, что пыталась его очаровать, но он меня проигнорировал. Я, конечно, сразу подумала, что он не может позволить себе никакого флирта с пациентками...

С радостным смехом она взяла Маэ за руку и прижала подругу к себе.

– Брр! До чего же холодно!

Они подошли к дому, и Маэ предложила зайти к ней.

– Давай проведем вечер у меня, приготовим омлет. А потом ты мне расскажешь о Жане-Мари... Только не при папе, ты его знаешь...

– Кстати, – начала Армель, удерживая подругу за рукав, – я знаю, что Жан-Мари долго сох по тебе.

– Это уже в прошлом.

– Он все еще ждет взаимности, я же вижу. Ты ничего не можешь с этим поделать, но надеюсь, он с собой справится.

– Ну конечно! Хочешь, я отдалюсь от него, я могу...

– Не говори глупости. Ты с ним каждый день работаешь, он должен выздороветь самостоятельно.

– Он выздоровеет благодаря тебе, Армель. Я впервые вижу, чтобы он так привязался к кому-то, и скоро стану для него просто воспоминанием.

– Надеюсь, ты права...

Войдя в гостиную, Маэ сразу поняла: что-то не так. При свете беззвучно работающего телевизора она увидела отца, распростертого на диване. Его голова свешивалась вниз почти до пола.

* * *

В больнице Сен-Брие Эрван находился в реанимации в критическом состоянии. Приехавшая «Скорая помощь» доставила его быстро, и он по-прежнему был без сознания. Армель не хотела оставлять Маэ одну, и они вдвоем поехали за «Скорой». В приемном покое, где их попросили подождать, было безлюдно. Здесь, как и всюду после новогодней ночи, наступило затишье.

– Есть здесь настоящий кардиолог, – пробормотала Армель, – или на дежурстве одни практиканты? Загреметь в больницу в праздничный день – то еще везенье!

Маэ сидела, обхватив голову руками, и чувствовала себя совершенно разбитой. Отец был единственным родным человеком, и ей было страшно его потерять. Достаточно ли она заботилась о нем в последние годы? Работа занимала все ее время, может быть, временами она была невнимательна... Тем не менее, она не оставила его в одиночестве – чего он больше всего боялся. Эрван жил в своем доме, мог брюзжать сколько вздумается, капризничать, когда дочь ставила перед ним тарелку. Не покинув родительский дом и отказавшись даже от мысли перевезти Эрвана в дом для престарелых, Маэ таким образом пыталась вернуть ему долг за то, что он давал ей в пору ее отрочества и юности – по крайней мере, она в это верила.

– Не вини себя, – сказала Армель, наблюдавшая за нею. – Даже вчера вечером ты не оставила его в одиночестве. С того дня, когда его разбил первый инсульт, ты была образцовой дочерью.

– Если бы я сегодня не пошла гулять...

– Стоп! Я знала, что ты это скажешь! Глупо так думать, ты и сама понимаешь.

– У него даже не было сил позвать на помощь.

– Ты не можешь держать его за руку круглосуточно. Такова жизнь, Маэ, ты должна ее принять.

– А если он не очнется? Если так и умрет, не приходя в сознание?

– Мы не всегда успеваем попрощаться. Твой отец отойдет в мир иной со спокойной совестью – он хоть и зануден, но никому в жизни не причинил вреда.

В сумке Маэ завибрировал телефон, и она выключила его, даже не посмотрев, кто звонит.

– Мадемуазель Ландрие! – позвал ее врач, появившийся в дверях приемного покоя. – Идите за мной, пожалуйста.

Она встала, бросила растерянный взгляд на Армель, которая ей подбадривающе улыбнулась, и пошла за врачом. Они прошли коридор в полной тишине, сопровождаемые только скрипом линолеума под ногами. Перед дверью с окном-иллюминатором врач остановился.

– Ваш отец пришел в сознание, но я не буду вас обнадеживать. У него обширный инфаркт, и я не могу дать благоприятный прогноз. Его сердечно-сосудистая система уже была в катастрофическом состоянии, и наши усилия ни к чему не привели. Я должен вас также предупредить, что у него сейчас спутанное сознание. Вам стоит, не откладывая, попрощаться с ним. Мне очень жаль.

Он толкнул дверь, пропуская Маэ вперед.

Похолодев от ужаса, она подошла к кровати, на которой лежал ее отец, опутанный электродами и трубками. У него было землистое лицо, а глаза, казалось, провалились внутрь. Он упрямо повторял одно и то же слово, судорожно дергая головой:

– Хватит... хватит... хватит...

На секунду он застыл и посмотрел на Маэ невидящим взглядом.

– Папа! – повторила она громче.

Больничным халат сполз, оголив плечо, и она прикрыла его рукой.

– Ма... хватит! Хватит!

Эрван узнал ее, но не мог говорить, его рот выговаривал только одно слово. На его виске вздулась вена, а пальцы судорожно вцепились в простыню. Он силился что-то сказать, но задыхался.

– Я здесь, папа, – сказала Маэ, наклоняясь к самому уху отца.

Он испустил что-то, похожее на бульканье, и ей показалось, что он произнес «Ивон». Она знала, что Эрван так и не простил себе тот

несчастный случай. Но почему он думал о нем перед смертью? Это была не его вина, он сделал все, что мог!

– Тебя здесь вылечат, – удалось прошептать Маэ. Врать ей было так же трудно, как и сдерживать слезы.

Смогла ли она подбодрить отца? Или он уже был вне досягаемости? Эрван испустил глубокий вздох и замер. Прошла минута, вторая, и Маэ встала. Она посмотрела на отца: его грудная клетка больше не поднималась, взгляд остекленел.

– Это конец, – тихо сказал доктор за ее спиной.

* * *

В Эрки Эрвана Ландрие знали все. Известие о его смерти облетело город за один день, и к Маэ отовсюду начали стекаться сообщения с соболезнованиями. Смерть отца возвращала ее к горю, пережитому после смерти матери, после гибели Ивона – две эти потери оставили глубокий след в душе Маэ.

Первый, кто пришел к ней в дом, был Жан-Мари. Возможно, роман с Армель смягчил его одержимость Маэ, но он явно не излечился от нее до конца, и при виде ее глубокого горя его чувства вспыхнули вновь. Ему хотелось утешить ее, защитить, убедить, что он всегда будет рядом. Более того, он догадывался о проблеме, с которой ей вскоре придется столкнуться: до сих пор, даже при том, что роль Эрвана сильно уменьшилась, он был для нее чем-то вроде гарантии стабильности. Моряки смотрели на нее, как на дочь Эрвана – младшую Ландрие, ошибочно полагая, что отец держит контроль над компанией и участвует в принятии решений. То, что после инсульта он вышел на пенсию, ничего в их глазах не меняло. Да, Маэ говорила с моряками о рыбалке и траулерах на одном языке, но для них она все равно оставалась девчонкой.

– Все ребята придут на похороны, – сообщил Жан-Мари. – Самое время сказать им, что на следующий день будет экстренное собрание. Сейчас нельзя показывать слабость и растерянность. Если хочешь, я тебя поддержу, я знаю, как разговаривать с ними.

Несмотря на горе, слова Жана-Мари неприятно удивили Маэ.

– Спасибо, но не беспокойся об этом. Я знаю их не хуже, чем ты, и я...

– Нет. Прости меня, но нет. Ты даже не представляешь, как разговаривают мужчины между собой, когда они в море.

– Неважно! Для вас главное – получать в конце месяца справедливую зарплату, выходить на исправных траулерах и не иметь никаких проблем с администрацией. Это мои проблемы, и, по-моему, я с ними справляюсь.

– Тебе придется доказать это, чтобы не потерять их доверие. Они все уверены, что тобой руководил Эрван.

– Папа? Боже мой, да он, бедный, вообще был не способен чем-нибудь заниматься!

Она была бледна, измучена, с опухшими от слез глазами. Он подумал, что отдал бы все на свете, чтобы обнять ее. Она по-прежнему волновала его, и ему стало гадко на душе при мысли, что он нечестен с Армель.

– Могу я тебе чем-нибудь помочь? – спросил он.

– Да нет, я справлюсь. К ужину придет Армель. Хочешь присоединиться к нам? Она будет рада... Она – настоящий друг и очень меня поддерживает, но сейчас я для нее плохая компания...

– Пообщайтесь вдвоем, мне завтра рано вставать.

Маэ понадобилось две секунды на то, чтобы вспомнить запланированное на завтра. «Жабадао» выйдет в море на двое суток, но в день похорон он уже вернется в порт.

Оставшись одна, она на минуту отвлеклась от своего горя, обдумывая только что произошедший разговор. Даже если Жан-Мари – ее лучший капитан, он не должен считать, что находится в каком-то исключительном положении. Он – ее наемный работник, как все остальные моряки, и она не желает, чтобы он брал ее под свое крыло и подсказывал, какие решения принять. К тому же он стал парнем Армель, и это мешало Маэ держать его на расстоянии. Хуже всего было то, что она догадывалась: он все так же испытывает к ней влечение, и это еще больше осложняло ситуацию. Как быть – видеться только втроем, не видеться вообще, общаться с Армель без него?

Раздался короткий стук в дверь, и в офис вошел Бертран, самый старый ее моряк, держа в руке фуражку.

– Вот, пришел тебя обнять, Маэ. И сказать, что мы все думаем о тебе. Ты теперь сирота, это печально. У Эрвана снова был сердечный приступ?

– Да, обширный инфаркт. Врачи ничего не смогли сделать.

– Значит, пришел его час.

Казалось, он больше переживает за нее, чем за ее отца, хотя был одного поколения с Эрваном и много лет выходил с ним в море.

– Будешь по-прежнему заниматься рыболовством?

– Разумеется! – ответила она, ошеломленная этим вопросом.

– Я тебя спросил для порядка, знал, что ты ответишь. Ты любишь эту профессию, мы видим, и до сих пор ты вполне управлялась. И мы не раз между собой говорили, что с тобой, дочка, у нас нет проблем.

Моряк знал ее с детства, и она улыбнулась, услышав это слово.

– Как по-твоему, Бертран, никто не собирается уйти из команды?

– Уйти куда? Во всем Эрки не наберется и сотни судов!

– У нас не единственный порт в Бретани, – тихо напомнила ему она.

– Но гребешки только здесь, в заливе. Они появились, когда исчезла мерценария^[18], но никто не жаловался, правда?

– Во всяком случае, не я. После похорон, я думаю, надо будет собраться.

– Мы встречаемся раз в неделю, – напомнил он ей. – Если ты хочешь выступить перед ребятами, воспользуйся этой возможностью.

Она поняла, что он хочет сказать. В специальной встрече не было необходимости. Рыбалка шла без перебоев и не прервалась из-за смерти Эрвана. К чьему совету она должна прислушаться – Жана-Мари или Бертрана? Она сделала выбор в пользу Бертрана из-за его опыта и влияния, которое он оказывал на остальных моряков.

После его ухода было еще несколько телефонных звонков с соболезнованиями, и внезапно на экране телефона она увидела имя Алана. Постояв в нерешительности, она все-таки нажала кнопку вызова.

– Добрый день, прекрасная Маэ! Я пытался дозвониться до тебя еще вчера, но не смог. И решил, что ты не хочешь со мной разговаривать. Нью-Йорк в снегу был прекрасен, жаль, что ты не поехала со мной. Каждый раз я прихожу в восторг от него – это действительно фантастический город, я уверен, что ты в него влюбишься!

Его веселый голос совершенно не соответствовал настроению Маэ, и она не знала, что ответить.

– Я рассказывал о тебе своему брату, – продолжал он. – Он хочет с тобой познакомиться и надеется, что в следующий раз...

– Послушай, Алан, я не думаю...

– Ты так *никогда* и не согласишься на короткое путешествие? Если дело в твоём отце, так мы найдем решение. Знаешь, все-таки пора уж повзрослеть!

Задетая за живое, она сухо ответила:

– Спасибо, я чувствую себя вполне взрослой. И если бы ты сначала поинтересовался мной, вместо того чтобы говорить о себе, то у меня была бы возможность сказать, что мой отец умер.

Наступило молчание. Спустя минуту Алан смог, наконец, произнести:

– Прости меня, Маэ. Когда это случилось?

– Вчера.

– Не знаю, что сказать. Тебе нужна помощь? Я могу что-то сделать?

В голосе Алана внезапно прозвучала нежность, но Маэ не позволила себе размякнуть.

– Нет, все нормально. Перезвони мне через несколько дней.

– Подожди! Я хочу пойти на похороны, я...

– Не стоит, ты же его не знал.

Он замолчал, а потом сдержанно ответил:

– Как хочешь.

– До скорого, – пробормотала она и отключила связь.

Веселый тон Алана рассердил ее, а безапелляционное пожелание «пора уже повзрослеть» вывело из себя. Однако она понимала, что несправедлива к нему. Почему их разговоры по телефону всегда заканчивались размолвкой? Да, она не горела желанием увидеться с ним сейчас, чувствуя себя слишком озабоченной и подурневшей от горя, и в то же время ей хотелось, чтобы он был рядом. Что же касается похорон, то она не лгала: придут в основном рыбаки, люди простые, их удивит присутствие доктора Кергелена. Ей не хотелось, чтобы на похоронах видели, как ее поддерживает мужчина; она сама возглавит кортеж.

* * *

После визита к Маэ Бертран чувствовал себя увереннее. У девочки был характер, а это значит, что все останется по-прежнему. Сам он ничего не опасался: Маэ росла и взрослела у него на глазах, еще тогда он чувствовал в ней стержень. Он помнил, как она еще подростком стояла за штурвалом, ветер трепал ее волосы, а она твердо держала курс и радостно смеялась волнам. Море было у нее в крови, это передалось ей от отца. Эрван всю жизнь был отличным моряком, надежным товарищем. До той ужасной ночи. Бертран до сих пор сомневался в том, что видел, или думал, что видел... Дождь лил стеной; волны, захлестывая палубу, обрушивались прямо на них и заливали глаза, и Бертран мог ошибиться... Или нет? И, однако, даже сейчас он мог бы поклясться, что в ту роковую минуту, как раз перед тем, как траулер резко развернулся, Эрван смотрел туда, где стоял Ивон. Бертрана швырнуло на пол, и он ухватился обеими руками за основание лебедек. Жан-Мари в это время был в рубке и возился с радио, он ничего не видел.

В последующие часы сознание Бертрана находилось в каком-то оцепенении, он почти не отдавал себе отчета о том, что происходит вокруг. Напрасно они кружились на одном месте, включив все прожектора, – что они могли разглядеть? Вокруг них была только черная вода с ключьями пены и волны, обрушивающиеся на палубу. Эта буря оставила после себя зловещую память. В ту ночь произошел еще один несчастный случай, у острова Сен-Мало, но там парня чудом удалось спасти.

Когда буря утихла, Жана-Мари начало выворачивать наизнанку, как какого-нибудь новичка. Бертран не сводил глаз с Эрвана, ему все стало ясно. Эрван не смог бы сослаться на невезение или развязавшиеся узлы: он повторял как заведенный: «Боже мой, моя дочь...», а его изможденное лицо говорило о совершенном преступлении и мучительном раскаянии.

Бертран не обмолвился об увиденном ни словом. Во время следствия он высказал ту же версию, что и остальные. Все-таки у него не было стопроцентной убежденности, хотя он слышал, как Эрван и Ивон яростно ругались до тех пор, пока волна не швырнула траулер в бездну. Эта история его не касалась, и он не был достаточно уверен в себе, чтобы сделать заявление. Но после той ночи он не мог смотреть Эрвану в глаза, и когда того разбил инсульт, Бертран подумал, что все-

таки справедливость существует – неважно, божественная или нет. Наверное, Эрвану постоянно являлся призрак Ивона, его терзали угрызения совести, и, в конце концов, наступила расплата.

С тех пор прошло десять лет... Иногда Бертран спрашивал себя, остался бы он на службе у Эрвана, если бы того не хватил удар. И был уверен, что не остался бы, потому что не хотел быть с ним вместе на борту, и ему пришлось бы объяснять причину. Когда Маэ неожиданно стала главой компании, ему показалось это приемлемым решением. И тогда он преподал урок остальным ребятам: не нервировать девочку, дать ей время проявить себя. Она не подвела – и даже приобрела новые траулеры! Сегодня она оплакивала отца, и Бертран не пытался открыть ей глаза. Тем более у него не было доказательств, одни подозрения, и он не мог допустить, чтобы этот яд отравлял ей душу. Пусть она продолжает мирно идти своим путем, продолжает любить море и – в силу недоказанности вины – память о своем отце.

* * *

Алан подавил приступ хандры и попытался сосредоточиться. Пломбирование каналов моляра требовало точности и уверенной руки. Однако, продолжая работать, он не мог не думать о том, как Маэ отделалась от него. Его сочли нежеланным гостем на похоронах, и он должен был ждать «несколько дней», чтобы позвонить ей! Неужели она рассердилась на него из-за шуток, пусть и дурацких, в адрес ее отца? Но откуда он мог знать о его внезапной смерти? Все-таки у нее слишком тяжелый характер, им никогда не удастся прийти к взаимопониманию. Очень жаль, потому что он много рассказывал о ней Людовику, наверное, даже слишком много, потому что брат, в конце концов, начал хохотать.

Да, Алан был влюблен. Он не мог уже это скрыть ни от себя, ни от других.

– Мне готовить пломбу? – спросила Кристина.

Она говорила немного громче обычного, как будто хотела вырвать его из задумчивости. Он кивнул и выключил турбину. Кристина знала последовательность всех операций и умела их предвидеть. Он посмотрел, как она мешает пасту на стеклянной пластинке, и направил струю воздуха в полость зуба, чтобы высушить ее. Работа не занимала его голову, и он все время возвращался мыслями к Маэ. Она только что

потеряла отца, и он пытался вспомнить, что испытывал после смерти своего. Они с Людовиком прежде всего боялись за мать, но, к их великому изумлению, она очень быстро оправилась от потери.

– Я почти закончил, – объявил он пациенту.

Сделав рентгеновский снимок, который его вполне удовлетворил, он отпустил больного, и, пока Кристина провожала его в приемную, ввел кое-какие данные в его электронную карту.

– Вы стали очень рассеяны, с тех пор как вернулись! – заметила она, войдя в кабинет. – Это Нью-Йорк так на вас повлиял?

– Мне там было очень хорошо. Вам обязательно надо туда съездить, этот город того стоит. И все-таки я не хотел бы в нем жить.

– Вы привязаны к Бретани, да? Ну, так и я тоже! Не могу себя представить больше нигде.

Людовик в очередной раз пытался уговорить его переехать к ним, чтобы быть рядом со своей семьей и, чем черт не шутит, может быть, разбогатеть. Но когда он понял, что его брат встретил наконец достойную женщину, он перестал настаивать.

– Мадам Квентин отменила визит, – сказала Кристина. – Она считает, что в такой холод лучше не высовывать носа.

– Люди уже не знают, чего бояться! – заметил он.

– Легко говорить, когда едешь на внедорожнике с тракторными колесами!

– Он не мой, вы же знаете. Я верну его соседям, как только кончится гололед. И в благодарность сделаю скидку их дочери...

Все члены семьи были его пациентами, и когда он заговаривал о том, что хочет вернуть им внедорожник, они каждый раз отвечали, что он может ездить на нем до тех пор, пока не спадут морозы.

– Когда я купил здесь дом, эти славные люди пришли поздравить меня и познакомиться. Всякий раз, когда я их о чем-то прошу, они тут же отзываются. А однажды они привели мою кобылу, которая перепрыгнула через ограду и умчалась в лес...

– Типичные бретонцы, – подтвердила Кристина. – Отзывчивые, упрямые и верные в дружбе. Только не переусердствуйте с молодой девушкой, она уже смотрит на вас с восхищением. Как на любимого папочку.

Алан закатил глаза, но Кристина была наблюдательна и умела его вовремя предостеречь, особенно когда он и не подозревал об

опасности.

– Я абсолютно не интересую девочек такого возраста, – уточнил он на всякий случай.

– Слава богу!

– Но я хотел бы вас спросить: разница в десять лет – существенна, как по-вашему?

– Вы имеете в виду женщину тридцати лет или, наоборот, пятидесяти?

– Кристина...

– Хорошо-хорошо, ясно, что тридцатилетнюю. Если вы хотите в будущем иметь детей, то это идеальный вариант. Но только не надо еще моложе, ладно? А то я буду считать вас старым козлом.

Он расхохотался, не заботясь о том, что его услышат в приемной.

– Я бы не смог работать ни с кем, кроме вас, – подтвердил он, вновь становясь серьезным. – Вызовите мне, пожалуйста, следующего. Нам предстоит удаление непрорезавшегося зуба. А рядом с ним проходит нерв, мы должны быть очень осторожны.

Он подошел к умывальнику и начал не спеша мыть руки. Несмотря на наличие стерильных перчаток, в своем кабинете он всегда придерживался строжайшей гигиены. Его руки продолжали автоматически двигаться, а мысли вновь вернулись к Маэ. В какой момент он понял, что любит ее? Когда смотрел на нее, спящую, или через несколько дней, на рождественском ужине у друзей? В тот вечер он отказался воспользоваться своей слишком легкой победой над соседкой по столу. Красивая, обаятельная женщина, которую нужно было везти к себе домой – она только этого и ждала. Но он этого не сделал, понимая, что у него нет ни малейшего желания. В своей постели он хотел видеть Маэ и никого другого.

– Здравствуйте, доктор, – пробормотал пациент слабым голосом.

Когда он только приехал, Кристина дала ему успокоительное – достаточно легкое, но в данной ситуации необходимое, потому что операция обещала быть долгой и сложной. Алан ободряюще улыбнулся ему и начал надевать перчатки и маску.

* * *

Розенн добилась своей цели: Ян был прочно заарканен. Он уже не мог обойтись без нее ночью, а днем бросал на нее жадные взгляды.

После возвращения Артура никаких проблем не возникло: когда Розенн приходила после работы домой, он уже давно спал. И она могла уйти к Яну – он жил в просторной квартире-студии, которую ему предоставили как метрдотелю. Ей там очень нравилось, она говорила со смехом, что чувствует себя в его квартире респектабельной дамой.

Погасив свои долги благодаря деньгам Маэ, Розенн чувствовала себя гораздо беззаботнее. Она не собиралась больше ничего возвращать после первого, символического платежа и считала, что у нее нет никаких обязательств перед этой женщиной, которая десять лет назад испортила ей жизнь. К сожалению, Артур говорил о Маэ с упоением, что страшно бесило Розенн. Ему *так* понравилось в ее *потрясающем* доме, хотя в нем не было ничего особенного, он провел у нее такое *замечательное* Рождество, и елка была *такая высоченная*... Словом, он побывал в другом мире и был им очарован. Даже о старом Эрване мальчик вспоминал с благодарностью! Для Розенн эти восторги были просто невыносимы. Сколько раз она слышала их, адресованные Маэ, из уст Ивона! Женщине, на которой он хотел жениться любой ценой, несмотря на то что у него родился сын! Розенн помнила, как прошептала над детской кроваткой: «Эта женщина – ведьма!» По логике вещей, Артур должен был бы ее ненавидеть, а он пел ей дифирамбы! Он рассказывал, что она водила его смотреть на корабли! Конечно, они ему не понравились, но среди них были и красивые: вишнево-красные и цвета морской волны. Розенн отругала Артура, и он заплакал, дуралей. В конце концов, вмешался Ян, посоветовав ей оставить ребенка в покое. Она не стала спорить, сочтя это доказательством его привязанности или хотя бы заинтересованности. Однако если Артур надеялся вернуться к Маэ на каникулы, то он сильно ошибался. Розенн была полна решимости убедить Яна жениться на ней безотлагательно. В этот раз она добьется кольца на палец, даже если для этого придется родить ему ребенка, чтобы привязать к себе окончательно. Артуру же появление брата или сестры пойдет на пользу. Если он останется единственным ребенком, с ним будет трудно сладить. Розенн уже мысленно видела себя во главе собственного отеля-ресторана и новой семьи, возникшей по ее желанию. Если все получится, это будет успех, она поквитается с судьбой, которая всегда была к ней так неласкова! В любом случае, она не допустит, чтобы Артур с его нытьем встал у нее на пути. Он все

равно только выиграет от этого и быстро поймет сам, в чем его интерес.

– Поиграешь со мной? – спросил сын с надеждой.

Вот уже целый час он возился с этой адской радиоуправляемой машиной, и Розенн молча бесилась. Вперед, назад, направо, налево – мини-«Порше» объезжал мебель, ловко уворачиваясь от стен.

– Нет, дорогой, и я бы хотела, чтобы ты остановил эту штуку.

– У меня никогда не было такой классной игрушки! – завопил он.

– Сбавь тон, Артур, мы на свете не одни. Я тебе уже говорила, что в отеле есть клиенты.

На самом деле комнаты этажом ниже пустовали. В межсезонье отель заполнялся лишь на четверть, работы было немного, а чаевых и вовсе не было.

– Настольная игра тебе не нравится? – спросила она с раздражением. – Я ведь для тебя ее выбирала!

Мальчик поднял на нее глаза и, замявшись, кивнул.

– Нравится, нравится. Давай сыграем в шашки?

Ну вот, она настояла на своем, и теперь вместо того, чтобы вздремнуть, должна без всякого удовольствия передвигать по доске шашки.

– Только не сейчас, – отмахнулась она. – Я падаю от усталости.

Между работой и страстными ночами с Яном она не успевала выспаться и все время находилась в полусонном состоянии. Быстрее бы начались школьные занятия – тогда бы она получила право на настоящий отдых! Перешагнув через машину, которая зигзагами ездил по полу, она взяла с комода коробку с игрой. Ее злило то, что Артур предпочел подарок Маэ; что же касается плюшевой собаки, подаренной неизвестной тетей, она показалась Розенн просто уродской.

– Давай, я достала игру, – со вздохом сказала она.

Она плохо заботилась об Артуре и смутно это понимала, но придумывала себе разные оправдания. В будущем, которое она себе готовила, ему будет лучше, он получит немного больше внимания и стоящего отчима, которым сможет гордиться. Подняв глаза к зеркальцу, висящему на ручке окна, она критично изучила свое лицо. Да, на нем уже появились морщинки: надо было срочно устраивать личную жизнь.

– Тебе нравится Ян? – спросила она, повернувшись к сыну.

Увлеченный передвижениями «Порше», мальчик ничего не ответил.

* * *

Церковь святых апостолов Петра и Павла была полна. Все, кто знал Эрвана близко или хотя бы был с ним знаком, отменили дела, чтобы прийти на похороны. Большинство моряков даже не вышли на утреннюю рыбалку.

Маэ выбрала вторник, помня, что по понедельникам и средам разрешена ловля морских гребешков, и этих разрешенных сорока пяти минут два раза в неделю нельзя было лишиться ни в коем случае.

Хотя Маэ не хотела в этот день видеть Алана, он приехал и незаметно встал в последнем ряду. Он прочитал объявление о похоронах в местной газете и выкроил в своем графике несколько часов. Припарковавшись на улице под названием Голубой Горизонт, остальной путь он проделал по узким мощеным улицам пешком. Церковь была скрыта домами, и он нашел ее только благодаря колокольне из розового песчаника. Выйдя на площадь, он с изумлением увидел огромное скопление народа. Неужели Эрван Ландрие, которого он всего раз видел на улице, был такой важной фигурой? Солидарность моряков не была пустым словом, об этом красноречиво говорили их суровые лица, а профессия моряка в семье Ландрие переходила от отца к сыну в течение нескольких поколений.

Прижатый к колонне, он видел Маэ со спины. На ней было темно-синее пальто, сапоги, а на голове – платок, закрывающий волосы. Ее опущенные плечи свидетельствовали о глубоком горе. Отец был последний из родных, теперь она осталась на свете одна. Взволнованный Алан подумал, не подойти ли к ней в конце церемонии. Ему хотелось обнять ее, сказать, что, несмотря ни на что, он приехал ради нее, и если она ему не рада, уедет обратно.

Он вошел в церковь в числе последних, и когда начались соболезнования, ему пришлось долго стоять в нефе, ожидая своей очереди. Чтобы занять себя, он стал разглядывать витражи, которые оказались великолепными. Вокруг него тихо разговаривали люди, недоумевая, почему Эрван не завещал себя кремировать и развеять

пепел над океаном. По словам дочери, он высказывал желание быть похороненным на кладбище, рядом с супругой.

Для вдовца это желание было естественным, для моряка – довольно странным.

Маэ стояла спиной к алтарю и принимала соблезновения, и, подойдя ближе, Алан увидел ее осунувшееся от горя лицо. Ему захотелось растолкать окружающих и обнять ее, но об этом, конечно, не могло быть и речи. Рядом с молодой женщиной стоял брюнет, которого Алан сразу узнал: как-то вечером они столкнулись на пороге бара «Ла Бель Эпок» в Ламбале. Он вспомнил имя этого капитана, работавшего у Маэ: Жан-Мари. «Лучший из всех», по словам Маэ, и явно в нее влюбленный – Алан это понял сразу. Их отношения, по-видимому, в последнее время развивались, потому что Жан-Мари, набычившись и сурово глядя по сторонам, стоял почти вплотную к ней, словно оберегая от опасности. Он не был похож на старшего брата или друга, скорее, это было поведение любовника. И Алан тут же почувствовал к нему живейшую неприязнь. Был ли он виновен в холодности Маэ? Этот тип выглядел ее ровесником, был мужественным и красивым и, наверное, со знанием дела рассуждал о море и кораблях.

Алан пропустил вперед нескольких человек, чтобы без помех наблюдать дальше. Маэ была очень бледна, казалось, она вот-вот потеряет сознание. Жан-Мари обнял ее за плечи и, наклонившись, посмотрел на нее с таким обожанием, что Алан похолодел. Выйдя из толпы, он отвернулся, чтобы больше не видеть их обоих. Он стал пробираться к выходу и вскоре снова оказался на площади. Где, в какой момент он совершил ошибку с Маэ? Как он умудрился упустить свой шанс? Он знал, что ему это не приснилось: они вдвоем действительно пережили минуты счастья, которые могли стать началом серьезных отношений.

Это он должен был стоять на месте Жана-Мари, а не пробираться в церковь украдкой, как чужак.

Алан прошел улицу Клемансо, повернул на улицу Нотр-Дам и очутился прямо перед внедорожником, припаркованным на улице Голубого Горизонта. А его собственный горизонт заслонил ненавистный красавец-брюнет, взявший Маэ под свою защиту. Мысль о том, что этот человек может отнять ее, приводила его в бешенство.

Он уже не помнил, когда в последний раз испытывал такую жгучую ревность. Но у него не было другого выбора – только молча уйти. Может, все дело в ее непостоянстве? Он улетел на каких-то пять дней; она сама отказалась сопровождать его в Нью-Йорк, а за это время решила остановить свой выбор на Жане-Мари? Или, растерявшись от внезапной смерти отца, уступила верному поклоннику, готовому ее поддержать?

Уже садясь в машину, он вдруг передумал. Ему нужно было подтверждение того, что он видел. Сейчас вся эта толпа переместится на кладбище, ему надо просто быть там же. Он спросил дорогу у прохожего, и тот, показав направление, неожиданно добавил:

– Вы на похороны Ландрие? Славный был человек, не робкого десятка, правда?

Алан кивнул и поспешно ушел. Эрван явно был популярной личностью в Эрки! И учитывая количество людей, заполнивших церковь, ему вполне удастся появиться на кладбище незамеченным.

В конце улицы Кастельно действительно образовалась толпа. Он вошел в ворота и двинулся по другой аллее, чтобы не встречаться с кортежем. Маэ он увидел издали. Рядом с ней на почти неразличимой дистанции шел Жан-Мари с тем же раздражающе-покровительственным выражением на лице. По другую сторону от него следовала молодая женщина, по-видимому, приятельница, в которой Алан узнал свою пациентку, лечившуюся у него несколько месяцев назад.

Маэ подошла к распорядителю похорон и взяла протянутую им красную розу; назойливый Жан-Мари не отставал ни на шаг. Бросив розу на гроб, она обернулась и упала в спасительные объятия своего капитана. После приступа ярости на Алана нахлынуло глубокое уныние. Он покинул свой наблюдательный пункт и пошел мимо могил к выходу. Какая дурацкая идея – прийти сюда и шпионить за Маэ! Если кто-нибудь его заметит и расскажет ей об этом, он будет выглядеть полным идиотом. Его место было не здесь, он только зря потерял время, да и надежду тоже. Как он мог попасться в ловушку – он, такой недоверчивый? Он поклялся больше ни к кому не привязываться и не позволять женщинам причинять ему горе, и, однако, это произошло с ним снова. В ярости на самого себя, Алан широким шагом вышел с кладбища.

* * *

Чтобы не нарушать традицию, после похорон Маэ устроила дома скромные поминки. Она предложила присутствующим вино, чтобы помянуть покойного, выдержала все поцелуи и объятия, поблагодарила за поддержку, но постаралась сократить до минимума это тяжелое мероприятие.

– В следующие выходные я помогу тебе разобрать бумаги отца, – пообещала Армель. – Отдай его вещи в Красный Крест и покрась заново стены в гостиной.

– Да, это давно уже следовало сделать, – признала Маэ. – Папа ничего не хотел менять в память о маме.

– Вот и еще одна причина, чтобы избавиться от этой тягостной атмосферы в комнате.

Жан-Мари энергично собирал бокалы из-под вина и ставил их в посудомоечную машину. Маэ хотела поговорить с ним, но только не в присутствии Армель. И в церкви, и на кладбище его было слишком много, он не отходил от нее ни на шаг. Ей было неприятно, но оттолкнуть протянутую ей руку помощи она тоже не могла. Ее не волновало, что о ней подумают люди, но она не хотела, чтобы моряки превратно истолковали такую демонстрацию чувств. И Армель тоже! Во время мессы Жан-Мари не обращал никакого внимания на свою подругу, изображая из себя ангела-хранителя, хотя никто его об этом не просил.

– Кажется, я только что видела у ворот кладбища... знаешь кого? – шепнула Армель Маэ. – Алана Кергелена...

– Вряд ли, я сказала, что ему не нужно приезжать.

– Значит, он тебя не послушал! Знаешь, у меня зрение, как у орла, я и на море редко пользуюсь биноклем...

– Тогда почему он не подошел ко мне?

– Загадка. Может, оробел?

Маэ хмыкнула, настолько это слово не вязалось с Аланом.

– Ну уж нет, он из тех, кто действует напрямик. Я думаю, это просто неуместное любопытство.

Армель взглянула на нее с интересом, но промолчала.

– Девочки, если я больше вам не нужен, то я ухожу, – объявил Жан-Мари. – Мне скоро выходить в море, и нужно еще собрать сумку.

– Пойди с ним, – предложила Маэ подруге.

– Я очень спешу, – запротестовал он, – не беспокойтесь обо мне.

Он коротко махнул им рукой и поспешно вышел. Ошеломленная Маэ повернулась к Армель, у которой от разочарования вытянулось лицо.

– Он был привязан к папе, – извиняющимся тоном сказала она. – Похороны его очень взволновали.

– Ты думаешь? А по-моему, его больше всего волнует то, что он не может побороть свои чувства к тебе. Я знаю, что он тебе неинтересен, что ты его не поощряешь, однако ему придется справиться со своей проблемой, потому что это... причиняет мне боль.

– О Армель, мне так жаль!

– Ты ничего не можешь сделать. И не говори мне, что будешь его избегать, это не решение. Когда он со мной, он не думает о тебе – это уже что-то, но я хочу, чтобы он смотрел на тебя только как на друга.

– Он к этому придет, я уверена. С каждым днем он привязывается к тебе все больше, но из-за своей искренности признается в любви, только когда будет полностью уверен в своих чувствах. Ему нужно избавиться от старых демонов!

– Ты не похожа на старого демона, – заметила Армель с улыбкой.

Они посмотрели друг на друга, не скрывая нежности. То, что их дружба могла противостоять такой двусмысленной ситуации, доказывало ее прочность.

– Без тебя мне было бы очень одиноко, – пробормотала Маэ.

– Ну уж нет, ты не одинока! Хочешь, я останусь у тебя на ночь? Дом кажется таким опустевшим.

– Мне надо к этому привыкнуть, а по включенному телевизору я тосковать не буду.

Она огляделась и вздохнула.

– Если твое предложение на выходные остается в силе, у нас будет много работы... Я собираюсь все здесь изменить.

– Так ты не хочешь уезжать отсюда?

– Еще не знаю. Я родилась здесь, но у меня не осталось никаких приятных воспоминаний. Если я решусь переехать, то в любом случае мой офис будет рядом с портом. Подумаю об этом потом, а пока нам надо сделать эту комнату повеселее.

Армель бросила взгляд на часы и объявила, решительно снимая сапоги на каблуках:

– Так давай начнем прямо сейчас.

Маэ, лишь на секунду задумавшись, начала снимать свои.

* * *

Жан-Мари застегнул сумку, уверенный, что он ничего не забыл. В течение десяти лет он так часто собирал и разбирал ее, что знал наизусть, в чем у него возникнет нужда. Скоро он будет в море – эта мысль успокаивала его, потому что весь сегодняшний день ему было очень плохо. Он злился на себя за то, что уступил порыву поддержать Маэ. Ему страстно хотелось чувствовать ее рядом, утешать, быть спасителем и защитником. Это был своего рода реванш за все те годы, когда он не осмеливался подойти и заговорить с ней – настолько он терял все слова в ее присутствии. Сегодня она была потеряна и позволила ему проявить инициативу, и он не смог удержаться от искушения. Какой же он идиот! Армель ничего не сказала, но, однако, ей наверняка было больно смотреть на это. Своими действиями он загонял ее в угол, заставляя ревновать к лучшей подруге. А ведь Армель была замечательной женщиной, он узнавал ее все лучше и лучше, и она оказалась вовсе не пустышкой, как он думал вначале. И теперь он не только испытывал к ней желание, но начал влюбляться по-настоящему. В отличие от предыдущих девушек, она не наскучила ему после двух встреч, и, занимаясь с ней любовью, он не думал о Маэ. Армель излечивала его от безответной любви, и лучше бы он заботился о ней, а не воображал себя верным рыцарем Маэ! В котором она, кстати, совершенно не нуждалась. Она сильная, она справится с горем, как в детстве справилась с горем после смерти матери, а позже – Ивона. Маэ шла по жизни с решимостью бойца, и его восхищало в ней это и многое другое, но, в конце концов, он был вынужден принять то, что ему нет места рядом с ней. А сегодня утром он самовольно присвоил себе роль защитника.

Оглядевшись вокруг, Жан-Мари убедился, что оставляет дом в полном порядке. «Жабадао» должен был ждать его в порту, а Кристофу, наверное, уже не терпелось поднять якорь и выйти в открытое море. Его рука уже потянулась к выключателю, чтобы потушить свет, но вдруг замерла. Он достал из кармана телефон и написал длинное сообщение Армель, впервые позволив себе быть сентиментальным.

9

Розенн не верила своему счастью: она добилась своего! Ян сделал ей предложение: конечно, он не вставал на колени и не прикладывал руку к сердцу, но совершенно недвусмысленно предложил ей заключить брак. Она так долго этого ждала! С тех пор, как десять лет назад Ивон унизил ее, объяснив, что, независимо от рождения ребенка, собирается жениться на другой. Ивон был честолюбив, и она любила его за это тоже, но его жажда успеха была связана с красивой Маэ, благодаря которой он однажды мог получить место, на которое зарился: *владельца* рыболовной компании. Поэтому он решил оставить Розенн на обочине с ребенком на руках. И был наказан! А теперь благодаря Яну она сможет забыть эту историю.

Для Яна стали большой неожиданностью фантазии Розенн о свадьбе. Она уже видела себя в белоснежном платье с воланами, с венком на голове или даже с диадемой. Ян притушил ее энтузиазм, объяснив, что деньги нужны на обустройство хозяйства, а не на празднества. Тем не менее он любезно согласился выделить ей небольшую сумму на покупку красивого платья при условии, что оно не будет белого цвета. Ян был убежденным католиком и, хотя посещал церковь от случая к случаю, уважал традиции. Предполагалась свадебная месса, а потом скромный обед в кругу родных и нескольких друзей. Точнее, его родных, потому что Розенн не собиралась возобновлять отношения с родителями.

Когда она стала торопить его с назначением даты, он высказал желание, которое поставило ее в тупик: сначала покрестить Артура. Поскольку мальчик станет его пасынком и сводным братом его будущих детей, он должен пройти через таинство, которое очистит его от греха его родителей, и тогда он сравняется с будущими братьями и сестрами. Розенн очень удивилась, но не стала спорить и быстро записала Артура в воскресную школу. Растроганный уступчивостью своей подруги, Ян сказал, что найдет для мальчика крестного отца, а ей останется только найти крестную мать.

Конечно, Розенн не имела ни малейшего понятия, к кому обратиться с подобной просьбой. Ханжеские причуды Яна ее не

волновали, но у нее не было никого – ни друзей, ни родственников, и она не хотела, чтобы ее будущий муж это понял. Он бы решил, что она вцепилась в него, как в спасательный круг. Увидев ее колебания, он напомнил ей о подруге, которая брала Артура на праздники. Маэ? Идея показалась Розенн бредовой, но других идей у нее не было, а время поджимало. Главное было – удовлетворить желание Яна, она хотела избежать любой размолвки, всего, что могло спугнуть ее неожиданную удачу.

В середине февраля отель-ресторан, в котором они оба работали, как всегда, закроется до весны, и они воспользуются этим перерывом, чтобы все организовать: крестины и свадьбу. После этого Ян рассчитывал хорошо заработать в летний, самый прибыльный, сезон, а потом заняться поиском какого-нибудь подходящего для покупки объекта. Будущее представлялось Розенн слишком лучезарным, чтобы она позволила испортить его отсутствием крестной.

* * *

– Ты с утра до вечера грызешь леденцы? – пошутил Алан.

Он нервничал и чувствовал себя не в своей тарелке – во время работы такого с ним никогда не случалось. Обнаружив фамилию Ландрие в своем календаре, он испытал шок, но график составляла Кристина, и он не мог ее ни в чем упрекнуть.

Наклонившись над Маэ, он критическим взглядом оценил ситуацию.

– Ты правильно сделала, что пришла, пока кариес еще неглубокий. Зуб реагирует на струю холодного воздуха?

Маэ вздрогнула и энергично кивнула.

– Хорошо, сделаю тебе анестезию...

Она смотрела на него с таким ужасом, словно готовилась немедленно вскочить с кресла и убежать. Ее необыкновенные синезеленые глаза были устремлены прямо на него.

– Ты не почувствуешь боли, обещаю.

Он сказал это с такой нежностью, что Кристина, передавая ему шприц, бросила на него испытующий взгляд.

Когда игла коснулась десны, Маэ закрыла глаза и замерла.

– Подождем немного, чтобы анестезия подействовала.

Выпрямившись, он сделал знак Кристине, что пока в ней не нуждается.

Когда она вышла, он опустил маску и отошел от кресла.

– Я не хотела приходить, – пробормотала Маэ, – но уже не могла есть от боли.

– Кариес нужно лечить вовремя; ты правильно сделала, что пришла.

– Я не знаю других стоматологов, я их всех боюсь, – добавила она, с трудом выговаривая слова.

– Не разговаривай много. Зачем тебе идти к другому врачу? Ты мне больше не доверяешь? Нет, не отвечай, дай препарату проникнуть в десну.

Он снова подошел к ней.

– Это будет недолго. Если что-нибудь почувствуешь, просто подними руку, но не дергайся, хорошо? Давай, открывай рот.

Установив слюноотсос, Алан включил турбину. Несколько минут он работал, стараясь смотреть только на зуб и не думать о том, что перед ним сидит Маэ. Закончив, он помог ей встать, и они оказались лицом к лицу.

– Нормально себя чувствуешь? – наконец удалось сказать ему.

– Да, спасибо, я помню, что у тебя легкая рука.

– А больше ничего не помнишь?

– Как же. Что ты собирался позвонить.

– Ой, перестань! Ты же этого не хотела, и я прекрасно все понял.

– Да нет же, я...

– Если бы не кариес, ты бы так и не появилась. Впрочем, это твое право, не спорю. В профессиональном плане ты всегда можешь на меня рассчитывать. В остальном, думаю, у тебя есть все, что тебе нужно.

Он не смог удержаться от того, чтобы не сказать это, и сразу же пожалел о своих словах. Лицо Маэ словно закрылось. Она дотронулась пальцем до губы, в том месте, где, наверное, покалывало.

– Извини, – вздохнул он. – Я не собирался устраивать тебе здесь сцену ревности.

– Ни здесь, ни где-либо еще, – сухо ответила она. – Так это правда, что ты шпионил за мной на похоронах отца?

– Какое громкое слово! Я не шпионил за тобой, я приехал, чтобы сказать тебе... ну, что говорят обычно в таких случаях. Я не хотел, чтобы ты считала меня равнодушным или чувствовала себя одинокой. Но ты и не чувствовала: твой Жан-Мари ревностно оберегал тебя.

– Жан-Мари не мой. Он встречается с моей лучшей подругой.

– Неужели? Послушай, Маэ, я ведь не слепой и не такой наивный, чтобы верить этому. Или у вас любовь втроем!

И чтобы окончательно все испортить, он понимающе усмехнулся.

– Ты полный идиот, – бросила Маэ.

Несмотря на распухшую щеку и невнятную дикцию, взгляд, которым она его смерила, вызвал в нем жгучее чувство стыда.

– Пришли мне счет, я больше не останусь здесь ни секунды, – добавила она, повернувшись к нему спиной.

– Подожди! Я сейчас сказал глупость, согласен. Я ревную, со мной такого уже давно не случалось, и не знаю, как с этим справиться.

Алан хотел взять ее за руку, но она оттолкнула его и вышла, не оборачиваясь, оставив его в полном раздражении на самого себя. Объявив, что не собирается устраивать ей сцену ревности, он тут же устроил гнуснейший скандал! Зачем он вспомнил о Жане-Мари? Она сразу пришла в ярость... В любом случае, она говорила неправду, этот тип был ее любовником, а не той другой – это бросалось в глаза!

– У вас какие-то неприятности? – спросила Кристина, нерешительно входя в кабинет. – Мадемуазель Ландриэ ушла, хлопнув дверью.

– Да, – вздохнул он. – Это моя вина.

– Вы сделали ей больно? – удивилась она.

– Вовсе нет.

– О! Понимаю! Это... личное?

– Можно сказать и так.

– С этой *молодой* женщиной, доктор? С вашей *пациенткой*? Дело ваше, конечно, но...

– Успокойтесь, я сейчас совершенно свободный человек.

Она молча посмотрела на него и улыбнулась.

– К тому же влюбленный!

– И отвергнутый. Наверное, она тоже считает меня старым, потому что предпочла своего ровесника.

– Бросьте, я же пошутила, вовсе вы не старый, вы мне почти в сыновья годитесь.

– Это не значит, что мы молодые... ни я, ни вы.

Кристина улыбнулась еще шире и указала на поднос, стоящий перед креслом:

– Что за беспорядок у вас!

Он извинился и сел за письменный стол, пока Кристина расставляла все по местам. Если бы он знал, что Маэ придет на прием, он бы лучше подготовился к этой встрече. Со дня похорон Эрвана он все время думал о ней, был буквально одержим ею. Что он мог сделать, чтобы вернуть ее? Мог ли он конкурировать с Жаном-Мари? Две-три ночи не могли перевесить годы тесного общения, когда оба понимают друг друга с полуслова. «Мой лучший капитан». С какой интонацией она сказала это, знакомя с ним Алана перед входом в «Ля Бель Эпок»? Внезапная смерть Эрвана должна была сблизить их еще больше, и в любом случае они каждый день работали вместе, объединенные любовью к рыбалке и общими заботами. У Алана не было ни малейшего шанса; лучшее, что он мог сделать, это не выставлять себя на посмешище.

Маэ возвращалась домой в очень мрачном настроении. Она скрепя сердце поехала к Алану, надеясь, что он не воспримет ее приход как предлог, чтобы его увидеть. Но все же в глубине души она не чувствовала недовольства из-за необходимости записаться к нему на прием. Конечно, у нее действительно разболелся зуб, но главным образом она хотела, чтобы их встреча, наконец, рассеяла все недоразумения. Цель не была достигнута, даже наоборот. И все из-за его глупой ревности, а еще навязчивого внимания Жана-Мари, из которого он мог сделать бог знает какие выводы.

Остановив свой старый пикап, она увидела, что у ворот стоит Розенн. Только ее не хватало! Сегодня явно неудачный день!

– Как у вас дела? – воскликнула Розенн, подходя к ней.

Маэ с непроницаемым лицом позволила себя поцеловать, и Розенн тут же возбужденно заговорила:

– Я вам сейчас скажу потрясающую новость: я выхожу замуж! Невероятно, правда? Его зовут Ян, он метрдотель, и у нас грандиозные планы!

– Поздравляю, – холодно сказала Маэ. – Артур рад?

– Он на седьмом небе от радости! Теперь у него будет отчим и семья, чего еще надо? Бедняжка был довольно одинок, но скоро все изменится. И я собираюсь его крестить. Это тоже его изменит. Я как-то не думала об этом, но Яну это важно. Он католик – только не подумайте, что фанатик какой-нибудь. Просто католик – на всякий случай, чтобы подстраховаться.

– Своеобразное мировоззрение, – иронически заметила Маэ.

– Как говорится, хуже не будет. Словом, Ян ищет крестного, а я крестную. И я подумала...

Она замолчала, зябко подняла воротник куртки и обернулась к дому.

– Мы можем поговорить у вас?

– О чем нам говорить, Розенн?

Маэ все прекрасно поняла, но идея показалась ей настолько странной, что она предпочла услышать ее от Розенн.

– Послушайте, Ян поставил такое условие. Сначала крестины мальчика, потом свадьба. Мне надо это как-то устроить, а я больше никого не знаю. Ну, никого из приличных людей. Вы бы идеально подошли.

– Я не подойду.

– Почему? Артур вас знает, он вас полюбил.

Посмотрев ей прямо в глаза, Маэ коротко сказала:

– Холодно. Пойдемте, я вам объясню.

Она отворила ворота и пошла впереди Розенн. Войдя в дом, она не пригласила ее в гостиную, а остановилась в дверях.

– К сожалению, Розенн, я должна отказаться. Артур – очень славный мальчик, и я рада, что в будущем его жизнь изменится к лучшему. Но крестной его я не буду. И не собираюсь больше видеться ни с ним, ни с вами. Мы не подруги. Я вас выручила, когда вы были в тяжелой ситуации...

– Вы сделали это в память об Ивоне!

– У меня о нем не только хорошие воспоминания, и нет никаких причин чтить его память. Предпочитаю забыть его. Забыть о его трагической смерти и о его гнусной лжи.

– Но обряд в церкви займет всего полчаса! А после – ладно, как вам угодно!

– Нет. Не крестите Артура наспех, со случайными людьми. Он заслуживает большего.

– Слушайте, если вы так и дальше будете себя вести, он не получит ничего, и я тоже!

Маэ покачала головой, она теряла терпение.

– С чего вы взяли, что с тех пор, как у вас появились проблемы с деньгами, с присмотром за ребенком, с крестинами, *именно я* должна вам помогать?

– Потому что я оказала вам редкую услугу, вы сами это признали. До меня вы были в отчаянии. А когда я нашла вас и показала метрику Артура, это позволило вам возненавидеть Ивона, а не оплакивать его смерть, и вам стало легче.

Несколько секунд Маэ молчала, а потом распахнула дверь.

– Уходите.

– Но...

– Вон.

– Вы не можете меня просто выставить!

– Еще как могу! Не лезьте в мою жизнь, живите своей, и удачи.

Маэ вытолкнула Розенн за порог и закрыла за ней дверь.

Прислонившись к двери, она перевела дыхание. Эта женщина была не только безмозглой, но и бессовестной. Бедный Артур! На самом деле, Маэ хотелось бы приглядывать за ним издалека и, может, время от времени помогать ему небольшими суммами. Но Розенн уничтожила всякую возможность примирения. Было ясно, что стоит Маэ показать свое слабое место, и ей придется терпеть Розенн до конца своих дней. Она всем сердцем надеялась, что Ян будет хорошим отчимом Артуру. Его желание крестить мальчика было, конечно, чистым самодурством, но, по крайней мере, свидетельствовало о том, что он беспокоится о его судьбе. А Розенн, получив желанный статус, может быть, как мать изменится к лучшему?

Маэ прошла по гостиной и остановилась. Они с Армель хорошо поработали несколько выходных подряд: выбросили кучу бумаг, сняли шторы, закатали ковры, вывезли на помойку полный пикап всякой рухляди. До сих пор все попытки Маэ обновить комнату наталкивались на упорное сопротивление отца. Пытаясь сохранить обстановку в том виде, какой она была при жене, он страшился малейших изменений. С годами Маэ потеряла к этому интерес, все

равно большую часть времени она проводила в офисе или в своей спальне. Но теперь она воспринимала все иначе. Глядя на обветшалую мебель в этой комнате, пропитанной затхлостью, она без колебаний избавилась от всего, что загромождало пространство или казалось уродливым. Гостиная стала просторнее, светлее и уютнее. Теперь Маэ могла бы приглашать друзей к себе домой, а не звать их все время в ресторан. Гостиная могла бы также временно становиться спальней для тех, кто слишком много выпил! Спальней для гостей и, может быть, иногда – для маленького Артура...

Нет. И речи не может быть о том, чтобы возвращаться к решению, которое, в конечном итоге, обошлось ей недешево, но казалось самым мудрым. Привязаться к мальчику и зависеть от капризов этой сумасшедшей Розенн было бы опасно для всех, и она это знала. Противостоять ей было признаком зрелости, она должна была поставить на этом точку.

Маэ пошла на кухню, порылась в буфете и, найдя плитку шоколада, съела несколько квадратиков. Прекрасно, на сахар зуб больше не реагировал, Алан хорошо сделал свою работу. Увидев его снова, она почувствовала, что ее все так же волнуют эти серые глаза, глубокий голос и чуткие руки. Если бы только не его жуткий характер!

Хотя «жуткий» – это не то слово... Их личности столкнулись, им никак не удавалось понять друг друга. Точь-в-точь как она, он закрылся защитной броней, не желая открывать свою душу. Пережитые разочарования и испытания сделали его подозрительным, он старался избегать привязанностей, чтобы остаться независимым. Он явно был не готов позволить женщине занять большое место в его жизни. Но Маэ больше не хотела легких приключений. Со смертью отца эта страница ее жизни перевернулась.

– Папа, папа... – пробормотала она, бросив взгляд на кухонный стол.

Сколько раз она готовила ему еду? Будучи подростком, она играла одновременно роль дочки и хозяйки дома. А еще и сына, когда он говорил с ней на равных о своих судах. Эрван научил ее морю – единственное знание, которое у него было и которое он умел передать. Маэ жадно слушала его, уже заранее влюбленная в рыбалку. Пренебрегая учебой, с молчаливого благословения Эрвана она согласилась вступить на путь, проложенный им. Но после инсульта он

не мог ей ничем помочь. Все дела компании, да и забота о нем самом, превратившемся в инвалида, упали на плечи молодой женщины. Попав в кабалу такого тяжкого сосуществования, похожего на рабство, она думала только о том, чтобы в очередной раз не провиниться перед отцом. Приобретение «Жабадао» придало ей уверенности. Она стала настоящим рыболовным боссом, способным выживать в любые кризисы, которые в этом деле не редкость. Однако сегодня она хотела большего. Чувствовать себя полноценной женщиной, иметь собственную семью. Но как бы ее ни влекло к Алану, в будущем, о котором она мечтала, его не будет.

* * *

Повернув ключ в замке, Армель подняла переборку, и они спустились по лестнице в кабину рулевого.

– Ты еще не видел ее в деле! – воскликнула она. – Зато можешь убедиться, что она очень просторная... Смотри, какая кухня! У меня здесь есть даже туалет!

Жан-Мари с интересом огляделся. Он впервые был на яхте, поскольку знакомых яхтсменов у него не было.

– Я купила ее по случаю у одного энтузиаста, который ее усовершенствовал и сделал на ней разные приспособления. Это «Дюфур-31», длина девять сорок пять. Конечно, без парусов она не так красива.

– Она великолепна!

– На корме есть еще одна кабина. Маленькая, но с двумя спальными местами.

– Значит, можно поместиться вчетвером?

– Можно, если я найду желающих. При сильном ветре яхта становится быстрой и верткой, это опасно. У нее оснастка шлюпа, и паруса можно развернуть очень быстро, но я сменила кливер на генуэзский стаксель. И перекрасила корпус в темно-синий цвет. Обожаю возиться с ней, скорее бы весна...

– А тебе не страшно выходить в море одной? – поинтересовался Жан-Мари.

– Я же занимаюсь этим с детства. Мои родители были без ума от яхтинга, они меня и заразили.

– Где они сейчас?

– На юге, в Йере. Они достаточно пожилы в суровом климате и, как только смогли, переехали туда, где солнце и полный штиль. Вот только Средиземное море бывает очень коварным, ему нельзя доверять!

Жан-Мари осторожно сел перед откидным столом на один из диванчиков.

– А где все приборы?

– Сейчас они упакованы и убраны, но, думаю, не так тщательно, как у тебя.

Она села рядом и положила голову ему на плечо.

– Мне приятно все тебе здесь показывать, яхта – самое дорогое, что у меня есть.

Он нежно поднял ее подбородок, чтобы поцеловать, и минуту они сидели, слившись в объятии.

– Возьми меня на прогулку в следующем месяце, когда поставишь паруса. Страшно хочу увидеть тебя у руля!

– Ты удивишься, – предупредила Армель.

– Но когда ты будешь одна, не делай резких поворотов, а то я буду волноваться.

– В выходные дни ко мне присоединяется Маэ.

– Я знаю. Она с восторгом рассказывала о ваших прогулках.

Рука Жана-Мари скользнула под свитер Армель, но она схватила его за запястье, чтобы не дать продвинуться дальше.

– Кстати, о Маэ, я хочу, чтобы ты знал одну вещь...

Она почувствовала, как он напрягся, но невозмутимо продолжала:

– Я не ревную к ней. Во-первых, это не в моем характере, а во-вторых, наша дружба дорога и мне, и ей.

– Я больше не думаю о ней, – тихо произнес Жан-Мари. – Клянусь тебе.

– Не надо давать клятвы, особенно если не можешь их сдержать.

– Армель!

– Понимаешь, я не хочу быть утешительным призом. Ты слишком важен для меня, и такая роль меня не устраивает.

Она рассердилась на себя, потому что на последних словах ее голос дрогнул. Она, которая всегда «строила» своих любовников, становилась беспомощной перед этим мужчиной.

Жан-Мари высвободил руку, одернул ее свитер и, взяв за плечи, посмотрел прямо в глаза.

– А ты слишком важна для меня, чтобы я тебе лгал, – медленно сказал он. – Я был без ума от Маэ, одержим ею всю свою молодость, и не скрывал от тебя это. Ни одна из женщин, с которыми я встречался, не стоила ее мизинца. Я упрямо смотрел только на нее. А потом появилась ты... и все изменилось. Не в первый же день, но это произошло. Я действительно не умею выражать свои чувства, но я никогда – слышишь, никогда! – не воспринимал тебя как утешительный приз. Если я тебе дорог, то считаю, что мне безумно повезло. И надеюсь, что у нас с тобой все впереди. Мне бы очень этого хотелось.

Для Жана-Мари это была очень длинная речь, и неожиданная для Армеля. Она обрадовалась бы и меньшему, поэтому испытала настоящее потрясение. Взяв его руку, она сама приподняла свой свитер и прошептала:

– Хочешь меня?

– Сейчас? Но, Армель, я же не был дома, не принял душ, от меня несет потом и рыбой!

– А от моей яхты несет соляжкой и плесенью!

Он пристально посмотрел на нее и, убедившись, что она не шутит, встал и опустил переборку. Кабина погрузилась в темноту, и только сквозь иллюминаторы пробивался тусклый свет.

– Ты никогда не занимался любовью на лодке? – спросила Армель, протягивая к нему руки.

– Конечно, нет! С кем?

Жан-Мари обнял ее, все еще не решаясь, почти робея.

Когда же он сорвал с себя водолазку и футболку, она только успела подумать, что он совершенно неотразим.

* * *

Алан долго скакал галопом, прежде чем перевел Патурс на шаг и отпустил поводья. Холод наконец-то отступил, весь снег растаял, зима ослабила хватку. Через несколько недель лес зазеленеет, и прогулки верхом снова станут его главным удовольствием.

Возвращался он, выбирая укромные тропинки, которые теперь знал наизусть. На них ему часто встречалась разная живность, порой даже лиса, и каждый раз он с улыбкой вспоминал древние бретонские легенды, которые в детстве читала ему мать. Теперь она читала их

своим внукам, а может быть, рассказывала по памяти. В Нью-Йорке Алан был поражен ее цветущим видом. По словам Людовика, у нее был кавалер, с которым она выходила ради того, чтобы надеть новое платье или показаться с новой прической. Она откровенно веселилась, объявляя, что в шестьдесят лет наконец-то стала наслаждаться жизнью.

А Алан, в сущности, шел в противоположном направлении. Он прожил несколько лет с Мелани, терпеливо участвуя в ее суете с выходами в свет и демонстрацией новых нарядов. У них не было детей, которые могли бы сдерживать эту бурную активность. Мелани утверждала, что пытается забеременеть, но он повсюду находил ее противозачаточные таблетки. Зачем она лгала? Ведь он ничего не требовал. Склонность Мелани к лживости и мифомании должна была его насторожить, но он был слишком занят своей работой и не обратил вовремя на это внимания. В результате она его разорила. Но было ли это для него катастрофой? Он же смог восстановиться, начать все заново. На самом деле, Мелани не так много для него значила. Их развод остался для него воспоминанием, хоть и неприятным, но не занимающим все его мысли, тогда как трагическая смерть Луизы глубоко его потрясла, и, думая о ней, он все еще испытывал боль: рана так до конца и не зарубцевалась.

Патурес прыгнула в сторону: Алан успел увидеть, как из-под ног у нее улепетывает заяц. «Ах ты, трусиха!» – рассмеялся он и, весело похлопав кобылу по шее, направил ее прямо.

Но теперь он был начеку. Верховая езда требует большего внимания, чем велосипедная прогулка, но общение с живым существом этого стоит. Он поднял глаза к верхушкам деревьев, увидел посветлевшее небо, а потом обнаружил, что на деревьях появились почки. Ему было хорошо и радостно; мысль о том, чтобы отступить от Маэ, показалась ему нелепой. Эта женщина безумно нравилась ему, и он вдруг понял, как мало боролся за то, чтобы ее завоевать. И если он сейчас упустит свой шанс, у него никогда не будет другого.

* * *

Ян решил, что должен поговорить с Артуром. Он собирался стать ему отчимом: роль эта весьма ответственная, а между тем он почти не знал мальчика, с которым ему предстояло жить под одной крышей в

ближайшем будущем. Розенн всегда держала его в стороне и почти никогда о нем не говорила. Может, он был проблемным? С психическими отклонениями? Возможно, просто очень одиноким, но Ян верил, что так будет недолго, что скоро у Розенн появится ребенок – главный смысл брака. Поэтому он повез мальчика в «Аскот» – бар на бульваре Клемансо, где был бильярд, электронные игры и даже дартс. Заказав Артуру горячий шоколад и круассаны, он попытался расспросить его о школе, но, не получив внятных ответов, перешел к главному:

– Ты рад, что я женюсь на твоей маме, или тебя это беспокоит? Ты можешь сказать откровенно, никто не станет тебя ругать.

Артур бросил на будущего отчима растерянный взгляд. Он явно не привык к тому, чтобы интересовались его мнением.

– Не беспокоит, – проронил он наконец.

– Тем лучше. Меня бояться не надо, я не злой.

– Ладно.

– До сих пор ты жил с мамой, а теперь мы будем жить втроем. И у тебя скоро появятся братья и сестры.

– Это невозможно.

– Почему?

– Мой папа умер.

Ян в замешательстве попытался улыбнуться.

– Скажем, сводные братья и сестры. Но это то же самое.

– Правда?

– Можешь мне поверить. У нас будет семья. И я рад, что скоро назову тебя своим сыном. Ты будешь старшим, а это большое преимущество.

– С такими маленькими я не смогу играть, – пробормотал недовольно Артур.

– Ну что ты! Эти малютки такие трогательные, и потом, они быстро растут.

– Не знаю...

Мальчик вгрызся во второй круассан и с тревогой заглянул в корзинку.

Ян воспользовался этим и продолжил:

– Когда родилась моя младшая сестра, мне было девять лет, и я обожал с ней возиться. Вот увидишь, тебе это тоже понравится. А

пока, поскольку твоего папы больше нет, могу научить тебя интересным занятиям.

– Каким занятиям?

– Рыбачить, кататься на велосипеде, играть на компьютере, плавать...

– Я не люблю воду.

Усилия Яна наталкивались на глухую стену. При этом Артур проявлял не враждебность, а лишь безразличие к тому, что его ожидало. Бедный ребенок, Розенн явно уделяла ему недостаточно внимания! Но она крутилась как белка в колесе, ей приходилось выживать самостоятельно, и ее нельзя упрекать. Разумеется, потом все будет иначе.

Ян изменил тактику и спросил, ободряюще улыбнувшись:

– Кем ты хочешь стать?

– Когда вырасту?

– Да.

– Я стану моряком!

– Моряком?

– Моряком на траулере, буду ловить рыбу, как мой отец.

– Да ведь ты только что сказал, что не любишь воду...

– Ну и что, я все равно стану моряком.

И глаза Артура заблестели.

Он открыл свой секрет? Или это была провокация?

– Только не говори об этом своей матери, – сказал Ян растерянно.

– Не буду! Только я пойду учиться в морскую школу в Сен-Мало.

– Кто тебе о ней сказал?

– Никто. Я слышал, как взрослые о ней говорили.

– Знаешь, это ведь тяжелая профессия. К счастью, у тебя будет время подумать.

– Я буду учиться в Сен-Мало, – упрямо повторил Артур. – А потом у мадам.

– Какой мадам?

– Мадам Маэ.

– Это подруга твоей мамы в Эрки?

– Да.

Ошеломленный словами мальчика, Ян замолчал. Его шоколад остывал, но аппетита уже не было.

Артур боялся моря и кораблей – значит, Розенн внушала ему этот страх с тех пор, как его отец утонул. А теперь он с блаженным видом говорит об этой женщине, Маэ, которая, однако, отказалась быть его крестной. Ян подыскал другую женщину – свою младшую сестру, но все равно жалел, что Розенн не нашла никого среди своих подруг.

– Ладно, – заключил он, – если хочешь совет – держи свои планы при себе. А когда вырастишь, станешь, кем захочешь.

– Моряком! – упрямо повторил Артур.

И на глазах у него заблестели слезы.

Ян неловко похлопал его по руке.

– Ладно, ладно. Только никому не рассказывай, пусть это будет нашей мужской тайной. Согласен?

Лицо мальчика просветлело, и Ян понял, что укрепил свои позиции. Этому ребенку нужен был пример для подражания, мужская дружба, короче, кто-то еще, кроме матери, чтобы обрести ориентиры в жизни. Яну хотелось быть таким примером, или хотя бы попытаться им стать. И тогда мальчик, без сомнения, выбросит из головы идею учиться на моряка рыболовного судна. Но в любом случае Розенн не должна об этом знать, иначе она затеет с сыном войну. А Ян мечтал о мирном домашнем очаге. Ему надо было открывать собственное дело, а не тратить время на улаживание ссор.

– Значит, по рукам, – сказал он, протягивая Артуру открытую ладонь.

* * *

Маэ покинула управление порта с тяжелым сердцем. «Жабадао» перестал выходить на связь. Согласно путевому листу Жана-Мари, судно должно было находиться недалеко от места рыбалки – при условии, что с ним не случилось аварии. Или чего-нибудь еще хуже. Маэ надеялась, что все дело в этом чертовом радио, которое уже давно барахлило. На всякий случай она вызвала «Там бару» и «Корриган». Может, они окажутся достаточно близко от «Жабадао», чтобы позвонить по мобильному телефону. Конечно, если он будет ловить сигнал, а это зависит от местоположения ретрансляционной антенны на побережье.

Маэ долго стояла на набережной, вглядываясь в горизонт, но в конце концов вернулась домой в ожидании новостей. Только бы не

возникли новые проблемы, их у нее было предостаточно! Чтобы отвлечься от томительного ожидания, она погрузилась в отчеты и, как это часто бывало, быстро обрела равновесие. Ремонт или модернизация оборудования могли поставить ее в трудное положение. Тем не менее она не колебалась, когда речь шла о безопасности, даже если не хватало свободных денег. Благодаря этому она всегда была готова к неожиданным визитам инспекторов из Управления торговым флотом. А вдруг Эрван был прав, утверждая, что у нее глаза завидующие? Она вспомнила его выражение и горько улыбнулась. Несмотря на бретонское упрямство, стариковский эгоизм, беспомощность и навязчивые идеи, ей все-таки очень не хватало отца. После его смерти она чувствовала себя брошенной и одинокой, и это ощущение переносила с трудом. Несмотря на преданность Армель и сочувствие друзей, несмотря на то что обновление интерьера в доме внесло свежее дыхание в ее быт, вечерами она бродила из комнаты в комнату, и в ее уме роилось множество вопросов, которым она не знала ответа. Среди ее знакомых складывались супружеские пары, у них рождались дети, каждый находил свою судьбу. Почему же у нее все было не так?

Зазвонил мобильный телефон, который лежал на письменном столе рядом со стационарным, и Маэ бросилась к нему. Связь была очень плохая, но она узнала голос Кристофа, который кричал, что все в порядке и они возвращаются в порт. Молодой моряк сделал себе рождественский подарок, потратив на него зарплату и премию: обзавелся престижным смартфоном, который умел абсолютно все, а особенно ловить сигнал самых далеких ретрансляционных антенн. Маэ положила трубку и облегченно вздохнула. Ее ребята и корабль благополучно возвращались – что же еще просить у Бога и святых угодников?

– Жан-Мари, я убью вас обоих – тебя и твоего болвана-техника по радиосвязи! – сказала она в выключенный телефон.

Кристоф не указал их местоположения, и она не знала, когда они вернутся, иначе пошла бы встречать их на набережную. Слова «все в порядке» ничего ей не говорили. Были ли какие-то поломки на траулере помимо неисправного радио? Она позвонила в управление порта, чтобы ей сообщили, как только судно появится в пределах видимости. После этого Маэ вышла в палисадник и устроилась у

низкой изгороди спиной к улице. В воздухе чувствовалось приближение весны. Розовые кусты перед домом, посаженные Эрваном, уже выпустили бутоны. Забота о розах была одним из немногих его развлечений, даже если подчас он обрезал все подряд, без разбора. Он утверждал, что розы, как любой колючий кустарник, от этого будут только лучше расти. Год назад, увидев гортензии в саду у Жана-Мари, он попытался вырастить их в своем саду, но безуспешно. Маэ пообещала себе, что в ближайшее время отнесет отцу на могилу самую лучшую голубую гортензию, а матери – розу, потому что они оба лежали под одной плитой.

Телефонный звонок вырвал ее из меланхолии, и она бросилась в офис. Но это были не новости о «Жабадао»: она узнала голос Алана.

– Как дела, железная леди? – весело спросил он.

Разочарованная в своих ожиданиях, она ответила:

– Не знаешь, кому сегодня расточать свои комплименты?

– На самом деле, я говорю это с нежностью.

– Послушай, я не могу долго висеть на телефоне, жду очень важного звонка.

– Мой тоже важный, – возразил он. – В прошлый раз ты сбежала, не договорившись о следующем визите, а ведь у тебя стоит временная пломба.

– Но ведь можно подождать несколько дней?

– Да...

– Прекрасно. Я договорюсь с твоей ассистенткой, обещаю.

– Дело не только в этом.

– Что еще? – нетерпеливо спросила она.

– Когда ты приедешь ко мне на ужин? Я давно тебя не видел.

– Если для того, чтобы выслушивать твои досужие вымыслы по поводу Жана-Мари, то мне это неинтересно.

– Прости. Это было действительно глупо.

Несмотря на настороженность, она почувствовала, что не может сказать «нет». В голосе Алана звучало раскаяние и волнение, и мысль о предстоящем вечере с ним вдвоем не оставила ее равнодушной. Маэ машинально посмотрела в ежедневник и, разумеется, не нашла в нем никаких планов на вечер в обозримом будущем. Она уже собиралась назначить день, как ее телефон дважды пикнул, сообщая о параллельном звонке.

– Мне звонят по другой линии, – сказала она поспешно. – Я тебе перезвоню.

Маэ переключилась и услышала, что «Жабадао» входит в порт. Схватив сумку, она бросилась из дома.

* * *

– Хватит с меня, надоело быть посмешищем! – взорвался Алан.

Людовик смотрел на него с экрана, иронически улыбаясь, и это вывело Алана из себя.

– И тебе совершенно необязательно издеваться надо мной!

– Это ты звонишь, чтобы жаловаться, – заметил брат. – Я только слушаю.

– *Жаловаться?* Я всего лишь сказал, что она сводит меня с ума!

– Я вижу, ты очень уязвлен... И очень влюблен. Мама будет в отчаянии, узнав об этом.

– Не говори ей ничего. И вообще, не надо никаких комментариев за моей спиной.

– Поздно. Ты уже говорил о своей Дульсинее, когда приезжал к нам, и теперь она сгорает от любопытства. Мама очень боится, что ты опять сделаешь неправильный выбор.

– Я ничего не выбирал, на меня это свалилось как снег на голову. И потом, вы преувеличиваете, однажды мне повезло. Луиза была ангелом.

С лица Людовика мгновенно исчезла насмешливая улыбка.

– Конечно, братец, конечно... Она была изумительная. Ты все еще думаешь о ней?

– Бывает, – признался Алан. – Когда вижу на улице женщину, похожую на нее.

– Маэ похожа на нее?

– Ничего общего. Ни с Луизой, ни с Мелани. Маэ вообще совершенно особенная.

– Насколько я понимаю, она особенно недоступна для тебя! Выходит, тебе не удастся ее очаровать? То есть разговора с «рыболовным боссом» не получается?

– Нет, мы разговариваем. Но уговорить ее встретиться – это какой-то бег с препятствиями. Она всегда ускользает как угорь: всегда чем-то занята или у нее портится настроение от каких-нибудь моих слов.

– Если она для тебя много значит, будь настойчивее. Когда я встретил Линду, она поначалу доводила меня до белого каления, но я не сдавался, и не жалею об этом! А ты, если честно, в своем одиночестве стал уж слишком самодостаточным... Как будто тебе никто не нужен. Любая женщина решит, что ты не позволишь себя приручить, что обольщение для тебя – просто спорт. Закоренелый холостяк выглядит не очень привлекательно.

– Робкий воздыхатель – тоже! Особенно в моем возрасте.

– Ты должен знать, чего хочешь, и добиваться этого всеми возможными средствами.

Людовик посмотрел по сторонам, словно желая убедиться, что он один в комнате, и, снова повернувшись лицом к экрану, прошептал:

– Женщины ненавидят, когда их просто хотят трахнуть.

– А почему? Они тоже имеют право получать удовольствие. Нам без конца твердят о гендерном равенстве!

– Не обольщайся на их счет. Они закоснели в своем романтизме.

Алан рассмеялся:

– Ах ты, лицемер! Я повторю это выражение Линде, ей понравится.

А теперь пойду спать, у нас уже полночь.

– Не хочешь поговорить с мамой?

– Не сегодня.

– Струсил?

– На сегодня мне достаточно нравоучений.

– Алан, послушай меня. Если это любовь, ее нельзя упускать.

Они улыбнулись друг другу, и лицо Людовика исчезло с экрана. Алан закрыл ноутбук и положил его рядом с кроватью. Пока он разговаривал с братом, белая кошка прыгнула на одеяло и свернулась калачиком у него в ногах. Когда она не гуляла в темноте по дому, то предпочитала лежать в кожаном кресле. Захотелось ли ей дополнительного комфорта или она почувствовала, что ему плохо? Маэ так и не перезвонила, между ними постоянно сквозило какое-то недопонимание. Если он придет завтра в порт или на рыбный рынок, это будет похоже на преследование, но желание увидеть ее стало навязчивым и сопровождалось приступами боли, похожей на зубную.

– Я в отчаянии, – сказал он кошке.

Яростным жестом Алан выключил свет, заранее зная, что не сможет заснуть. Словно влюбленный школьник, он несколько раз

приезжал в Эрки под предлогом, что хочет выпить пива, глядя на море, а на самом деле в надежде увидеть Маэ или «случайно столкнуться» с ней. А в результате он случайно столкнулся с Жаном-Мари, шедшим в обнимку с симпатичной блондинкой, его бывшей пациенткой, которую Алан видел в церкви на похоронах Эрвана. Это она была лучшей подругой Маэ? Эти двое явно не прятались, они демонстрировали свое счастье, и подозрения Алана показались ему смешными. Во время похорон Жан-Мари просто поддерживал Маэ, окружал ее вниманием. Вместо того чтобы исподтишка наблюдать за ними на кладбище, он лучше бы подошел и обнял ее. Что она могла подумать о нем? Как могла ему доверять? Он совершенно не умел вести себя с женщинами, его брат был абсолютно прав.

Алан долго ворочался в кровати, обдумывая разные сценарии, всевозможные уловки. Но ему не хотелось придумывать для Маэ ловушки, хотелось привлечь ее, удержать. Заставить влюбиться в него так же, как влюбился он сам. Быть ее эпизодическим любовником казалось ему неприемлемым. По иронии судьбы он ждал от нее совершенно противоположное тому, что хотел от других женщин. Теперь он не чувствовал себя легко и непринужденно, как последние несколько лет. Сейчас он был серьезным. Серьезным и осознавшим свой крах.

Он встал и включил свет. Кошка тоже не спала, а смотрела на него своими желтыми глазами. Поднявшийся ветер задувал в щель под дверь, заставлял скрипеть ставни. По оконному стеклу ударила ветка.

Интересно, по Эрки тоже гуляет ветер? Если Маэ еще не спит, она, должно быть, беспокоится за свои корабли, которые сейчас находятся в открытом море. Теперь, когда отца не стало, она в доме совсем одна.

Как и он. В конце концов, Алан заснул с улыбкой на губах и с мыслями о ней, так и не потушив лампу.

10

– Он освободил для меня полки в шкафу... – повторила Армель в третий раз.

Ее глаза сияли.

– Ты бы видела, как он смущался, когда говорил – он даже не смотрел на меня, это было так трогательно!

– Ты собираешься жить с ним? – удивилась Маэ.

То, что Жан-Мари мог предложить Армель жить в его доме, пусть даже и время от времени, ошеломило ее.

– Когда я ночую у него, мне не во что переодеться, а когда он приезжает ко мне, то чувствует себя не в своей тарелке. Ты же знаешь его страсть к порядку, он маньяк! Но теперь все будет по-другому! Могу поспорить: он станет мягче, и я разбужу в нем воображение.

– Зря ты пытаешься его менять, – заметила Маэ. – Не забывай, что ты влюбилась в него такого, какой он есть.

Армель нахмурилась и внимательно посмотрела на подругу.

– Пожалуй, ты права, постараюсь запомнить.

Сидя в рабочем кабинете Армель со стеклянными перегородками, они говорили о чем угодно, только не о счетах.

– Освободил полки для моих трусиков... Ах, я до сих пор не могу в это поверить! Ну а ты? Как у тебя с Аланом?

– Он меня злит, и я его не понимаю. Скоро идти к нему на прием, а меня прямо ноги не несут. Я думаю, он с удовольствием провел бы со мной вечер, а потом надолго бы пропал. Мы слишком разные.

– Имей в виду, самое главное – это ладить в кровати. «Кровать» здесь я употребляю в обобщенном смысле. Представь себе, только это строго между нами, я привезла Жана-Мари на свою яхту, и могу тебя уверить, что койка тоже отлично для этого подходит!

Маэ засмеялась, удивленная тем, что Армель добивается своего от сурового Жана-Мари.

– Ты права, ты привносишь в его жизнь фантазию, – признала она.

Армель взглянула на настенные часы и вскочила.

– Как время бежит! Мы слишком много болтаем, дорогая. Надо поговорить о твоих делах.

Она похлопала по папке с бумагами, лежащей перед ней.

– С бухгалтерской точки зрения твое положение неплохо. Скажем так – лучше, чем у твоих коллег, чьи дела мы тоже ведем. У тебя нет серьезных проблем с оборотными средствами, но и запаса прочности тоже нет. И если ты хочешь потратиться на оборудование для «Жабадао», советую тебе взять кредит.

– У меня уже есть один, и я ненавижу брать кредиты. Хочешь уговорить меня на какой-нибудь трюк под грабительские проценты?

– Ты прекрасно знаешь, что нет. Тебя – нет. Я не смешиваю работу и дружбу, хотя мне действительно нужно продавать как можно больше «трюков», которые выгодны банку. Но ты уже почти выплатила стоимость этого траулера, надо поднапрячься несколько месяцев.

– Это будут трудные месяцы. Лов гребешков закончится в конце марта, а за них платят больше всего. Но я хочу, чтобы «Жабадао» был в полном порядке. Он постоянно выходит в открытое море.

– Если ты заплатишь за него теми деньгами, что у тебя есть сейчас на счетах, то в непредвиденных обстоятельствах останешься ни с чем.

– Вот тогда я и возьму кредит, – улыбнулась Маэ.

– До чего же ты упрямая! Ладно, не буду настаивать. А теперь поговорим о твоих личных средствах. Накоплений у тебя нет. А на твоём текущем счете сальдо отрицательное. Отец тебе что-нибудь оставил?

– Нет, у него ничего не было, он обходился своей маленькой пенсией. А на дом он оформил дарственную, когда я стала совершеннолетней, так что дом – мой.

– Хорошо, а что это за чек на огромную сумму ты выписала в прошлом месяце?

Она показала на обведенные цифры в банковской выписке.

– Похороны.

– О, конечно... Прости, что задаю тебе все эти вопросы! Это так тяжело – терять близких.

– Да, я сильно потратилась, но мне хотелось, чтобы у папы был красивый гроб. Он придавал большое значение таким вещам.

Армель сочувственно улыбнулась, нетерпеливо взмахнула рукой, на которой зазвенели браслеты, и откашлялась.

– Ты хочешь что-то еще мне сказать? – спросила Маэ.

– Не хочу вмешиваться в твои дела, но все думаю – вернула ли тебе деньги эта гадина Розенн?

– Забудь. Я ей их подарила при условии, что больше ее не увижу.

– Ты очень щедрая...

– Она бы и так мне ничего не вернула. Эта женщина всегда будет на мели, во всяком случае для меня. Кстати, она собирается замуж. Ну и бог с ней.

– Я не вижу, как это поможет тебе выбраться из затруднений.

– Увеличь мне размер овердрафта^[19].

– И ты считаешь это решением?

– Я больше не планирую больших трат.

– Еще этого не хватало.

– И я жду от страховой компании чек за лечение зубов.

– Ладно, ладно, – уступила Армель и подняла руки, показывая, что она сдается. – Закрою пока на все глаза. Я ничего не видела и кладу твоё досье в самый низ. Уверена, в конце концов ты поправишь свои дела, но не играй больше в Деда Мороза.

Она встала, чтобы проводить Маэ к выходу.

– Как странно, что ты – босс моего мужчины. Уж пожалуйста, не лишай его работы!

– Если бы мне пришлось оставить только одного моряка, это был бы Жан-Мари, – ответила Маэ, улыбаясь.

Она попрощалась с Армель и вышла из банка, испытывая смешанные чувства. Радуюсь за подругу, которая на глазах расцвела, Маэ надеялась, что их дружба от этого не ослабеет. Все ровесники в ее окружении женились один за другим, у них появлялись дети. На скольких свадьбах и крестинах присутствовала она в последние годы? Все это время они с Армель вели вольную холостяцкую жизнь, наполненную праздниками, прогулками под парусом, но также и вечерами с грустными разговорами и хандрой. Отныне Армель не будет прежней, ее свободное время будет отдано другому, и это естественно. И Маэ, которая до сих пор могла нагрянуть к подруге без предупреждения, уже не сможет заявляться к ней в дом Жана-Мари.

Она села за руль старого пикапа, но ей пришлось несколько раз включать зажигание, прежде чем двигатель, наконец, зачихал.

– Ну вот, – вздохнула она, – придется брать кредит на эту развалюху...

Маэ взяла направление на Ламбаль и, выбирая второстепенные дороги, сделала небольшой крюк в сторону церкви Сен-Жак ради единственного удовольствия проехать мимо Коронского леса. Начинаясь весна оживляла пейзаж и отвлекала Маэ от тяжелых мыслей о деньгах и будущем. Мир вокруг нее неизбежно менялся, ей надо было это принять. Эрвана больше не было, Армель нашла свою любовь. У маленького Артура скоро будет отчим и семейная жизнь. Жан-Мари теперь будет спешить вернуться в порт.

На площади Мартре она припарковала пикап и торопливо поднялась в кабинет, потому что уже опаздывала на прием. Она не лукавила, когда говорила, что ничего не ждет от Алана, но, оказавшись с ним рядом, с досадой поняла, что он ей по-прежнему нравится.

Кристина исчезла почти сразу, оставив их вдвоем. Лежа в кресле и широко открыв рот, Маэ видела только серые глаза Алана, которые, казалось, смеялись из-под маски.

– Сегодня тебе не будет больно, к тому же я тебя надолго не задержу, так что расслабься.

Он работал быстро, его движения были мягкими, и она послушно замерла в кресле.

Алан закончил, и Маэ встала с мыслью о том, что видит его, вероятно, в последний раз. Потому что любое его предложение она была готова встретить решительным отказом.

– Сядь на минуту, я заполню твою карту.

Введя данные в компьютер, он взял ручку, чтобы заполнить счет для страховой выплаты.

– Поскольку сейчас ты не можешь бросить трубку, – сказал он внезапно, – воспользуюсь этим и спрошу: когда ты приедешь ко мне на ужин?

– У меня нет... у меня сейчас очень мало времени.

– Правда? Ты работаешь по ночам? Скажи честно, Маэ, ты действительно не можешь уделить мне вечер?

– Я не уверена, что хочу этого, – пробормотала она, отводя глаза.

– О! Это довольно неприятно слышать.

Он нахмурился и нервно завертел ручку между пальцами.

– И уговорить тебя никак нельзя?

Не отвечая, она порылась в сумке, достала чековую книжку и, торопливо открыв ее, потянулась к ручке. Алан замешкался, и Маэ,

чувствуя себя смешной, неловко уронила ее на кафельный пол. Ручка разлетелась на части.

– Боже мой, прости, пожалуйста!

На полу уже растекалась чернильная лужица. Алан достал бумажные салфетки и на коленях принялся оттирать пятно. У него был такой расстроенный вид, что ей захотелось помочь ему.

– Не надо, оставь, – пробормотал он угасшим тоном.

– Ты ею дорожил? Ее можно починить, заменить перо...

По тому, как он осторожно подобрал с полу корпус ручки, колпачок и сломанное перо, она поняла, что этот предмет много значил для него.

– Это твой талисман? – нерешительно спросила она. – Семейная вещь?

– Ничего серьезного, не беспокойся.

– Дай мне ее, я...

– Не надо, я сам!

И, чтобы смягчить ответ, добавил уже мягче:

– Это фетишизм, глупо привязываться к вещам.

Он поднял глаза, и она встретила с ним взглядом.

– Только ужин, Маэ. Выбери день сама. Я могу приехать за тобой, а потом отвезти обратно. Или привезти тебя в ресторан. Или встретимся уже там, и ты уйдешь, когда захочешь. Я не хитрю с тобой.

Она колебалась, и он улыбнулся ей обезоруживающей улыбкой.

– Ты знаешь ресторан «Реле Сент-Обен»? Там есть камин, и на нем готовят потрясающее фрикасе из рыбы...

– Ладно, – сдалась Маэ. – В четверг. Я приеду к восьми.

И она так быстро вышла из кабинета, что даже не заметила, что ее чек, оставленный на письменном столе, не заполнен и не подписан. Алан разорвал его и бросил в корзину.

– Еще один стремительный выход мадемуазель Ландриэ! – констатировала Кристина.

Заметив разбросанные на столе обломки ручки, она остановилась.

– Эта штука уже рассыпалась от старости?

– Она упала.

– Вы можете позволить себе купить другую, которая не будет плевать чернилами.

Продолжая шутить, она наблюдала за его реакцией. Он никогда не говорил ей, почему так дорожит этой ручкой.

– Если вас это сильно расстраивает, отправьте ее фирме-производителю.

– Да нет, я думаю, она закончила свой век.

Алан открыл ящик и осторожно положил ручку в выцветший футляр. Подарок Луизы был ему дорог, но не для того, чтобы смотреть на него ежедневно. Лицо первой жены, навеки оставшееся юным, стерлось из его памяти. Он спросил себя: вспоминает ли о ней задавивший ее водитель и что испытывает при этом?

– Мне вызвать следующего пациента? – строго спросила Кристина.

Она явно хотела помешать ему впасть в меланхолию, однако он не чувствовал грусти. Он мог думать о Луизе почти безмятежно, и теперь его занимало только одно: ужин в четверг.

* * *

Ян обожал ходить по пляжу в Эклюзе, и Розенн взяла в привычку сопровождать его каждое утро. По дороге они без устали обсуждали будущий ресторан или детали предстоящей свадьбы. Розенн делала вид, что у нее на песке разъезжаются ноги, хватала Яна за руку и уже не выпускала. Это был ее мужчина, и она внимательно следила за ним, особенно во время работы, где он был окружен другими официантками. Если какая-нибудь из них слишком долго с ним разговаривала или смеялась, она тут же вмешивалась. Польщенный такой ревностью, Ян не сопротивлялся. Он прекрасно понимал, что она далеко не идеальная женщина, что у нее ограниченный ум, как и способность к сопереживанию, и что она нередко халтурит на работе. Но секс с ней сводил его с ума; до этого он никогда не испытывал такого наслаждения и теперь рассчитывал получать его регулярно. А кроме того, она не была злой. И если дать ей шанс, возможно, станет хорошей матерью. Ян проследит за этим, когда появятся их общие дети, да и маленький Артур только выиграет. Он милый мальчуган, и у него уже есть планы в жизни. Может быть, поговорить об этом с Розенн? Если она узнает, что ее сын мечтает стать моряком, то непременно устроит истерику. Разумней всего было бы вообще ничего не говорить ей до совершеннолетия мальчика, но он все равно не сможет молчать столько лет. Конечно, он дал обещание, но ведь это ребенок.

Ян остановился, приложил руку козырьком ко лбу и посмотрел вдаль. После того как закончился сезон, гуляющих у моря почти не было, так что весь пляж принадлежал им.

– А ты знаешь, кем хочет стать Артур, когда вырастет?

Крепко вцепившись в его локоть, Розенн висела на нем всем телом.

– Послушай, Ян, об этом рано еще думать! К тому же он не любит школу, отстает от других...

Попадая из одной школы в другую и не задерживаясь ни в одной, мальчик еле-еле читал и считал на пальцах. О том, чтобы поступить в будущем году в коллѐж, даже и мечтать было нельзя; Артур был обречен остаться в классе на второй год.

Указывая на корабль вдалеке, Ян добавил:

– А если он захочет стать моряком, как истинный бретонец?

– Ты шутишь? Он боится воды, и потом... его отец утонул, я тебе рассказывала.

Розенн внезапно выпустила его руку и сделала несколько шагов по песку. Она не любила говорить об Ивоне и сильно приукрасила правду, когда решилась, наконец, коротко рассказать Яну о своем прошлом. Но почему он так настойчиво выпрашивал, кто был отцом ребенка? Она не хотела, чтобы он узнал, как унизил ее Ивон, как пренебрег ею. Поэтому она нагромоздила сентиментальной лжи. По ее словам, Ивон умолял ее выйти за него замуж, потому что она была *женщиной всей его жизни*. Увы, ужасный шторм разрушил их планы. Для большего правдоподобия она утверждала, что Ивон хотел подождать, когда она родит, чтобы огромный живот не уродовал ее подвенечное платье. И, признав ребенка своим сыном, он назначил свадьбу на лето. Рассказывая свою версию, Розенн выглядела убитой горем, и Ян мог ей только сочувствовать. Он даже избегал говорить об этом, чтобы не причинять ей боли.

– Да, – настаивал Ян, – но если Артур увидит в этом что-то вроде реванша? Если он захочет, ну я не знаю... почтить таким образом память своего отца?

Она резко повернулась к нему и прищурилась:

– Он что-то говорил тебе?

– Не так чтобы говорил... Только то, что ему очень понравилось у твоей приятельницы, которая занимается рыболовным промыслом.

Потрясенная, Розенн еле сдержалась, чтобы не выругаться. Она тут же вспомнила фотографии траулеров, которые украшали офис Маэ. Неужели эта сука внушила Артуру подобные мысли? Но как ей удалось переубедить сына, с его ослиным упрямством? Он же безумно боялся этих чертовых корыт!

– Не вижу ничего страшного, – сказал Ян примирительно. – К тому же ему не скоро придется делать выбор.

Она заставила себя улыбнуться и снова взяла его под руку. Он не должен был заметить, как все это ее потрясло. Никогда она не примирится с тем, что Артур начал мечтать о рыбалке в открытом море. И особенно с тем, что эту идею подала ему Маэ! С чего она вообще взяла, что ей хватит хитрости манипулировать своей бывшей соперницей? У нее было смутное желание отомстить Маэ, предъявив ей Артура, копию Ивона, и вытянув у нее деньги. Но ее маневры обернулись против нее самой и заставили горько пожалеть о том, что она доверила своего сына этой женщине! К счастью, Маэ не будет его крестной, и вообще никогда его больше не увидит. А что касается этого идиотизма – стать моряком, – пусть только попробует заговорить при ней об этом!

Ян думал уже о другом; продолжая идти, он рассуждал теперь о том, как они откроют свое дело, которое будет принадлежать только им. Тема гораздо более приятная, потому что, представляя себя хозяйкой отеля, Розенн теряла голову от счастья. Она постоянно видела себя в этой роли, она бредила ею. Ею и свидетельством о браке на красивой гербовой бумаге, которое она получит из рук мэра.

– Заведения на берегу стоят немислимых денег, даже самые скромные, – заметила она. – Нам надо отойти вглубь побережья, найти что-нибудь подальше от моря.

Ей больше не хотелось видеть море, и она не желала, чтобы о нем думал Артур.

– Ты с ума сошла? – насмешливо сказал Ян. – Клиентам подавай пляжи, они приезжают, чтобы дышать морским воздухом и смотреть, как их карапузы строят замки из песка. Нет уж, поверь мне: мы затянем пояса, но найдем что-нибудь на берегу.

Не отвечая, она крепче сжала его локоть. «Затягивание пояса» не входило в ее планы, она была сыта этим по горло. Забыв о том, что

манипуляторша она неважная, Розенн сказала себе, что вынудит Яна делать то, что нужно ей.

* * *

Пока обездвиженный «Жабадао» стоял в порту и на нем устанавливали новую систему связи, Маэ пришлось пересмотреть весь график на предстоящую неделю и сделать некоторые перестановки. В результате маленький Кристоф оказался в команде старика Бертрана на «Там баре», а Жан-Мари принял командование «Корриганом».

В четверг утром Маэ сама провела тщательный осмотр своих траулеров, пользуясь тем, что все они стояли в порту. Если бы обнаружили новые поломки, требующие ремонта, она хотя бы узнала о них заранее. Конечно, ее моряки изо всех сил старались содержать суда в исправности, но она знала, что для них нет ничего хуже, чем пропустить день рыбалки, и ради того, чтобы выйти в море, чинили все наспех.

На палубе «Там бары» сидел Бертран и в толстых перчатках латал лежащую у его ног рыболовную сеть.

– Зима нагрянула раньше времени, зато и весна ранняя! – сказал он, увидев Маэ.

– У меня новый график. На судне все в порядке?

– Никаких проблем. Видишь, я штопаю дыру... А перед этим я менял кусок крыла у траловой сети. Я холю и лелею твой траулер!

Он бросил взгляд на листок бумаги, который показала ему Маэ, и кивнул.

– Парнишка будет в моей команде? Что ж, тем лучше, он толковый.

– Он многому научился у Жана-Мари, но ему будет полезно поработать с другим экипажем и в другой рыболовной зоне.

Бертран поднял на нее глаза и улыбнулся.

– Договорились!

Он снял свои огромные перчатки и вытер со лба капли пота.

– Такая хорошая погода, Маэ, ты не хочешь выйти в море, прогуляться? Пойдем с нами в ближайшие дни, ты слишком долго оставалась на суше.

– Если мне захочется острых ощущений, я покатаюсь на «Фаэзере»^[20], яхте моей подруги Армель. Знаешь, о ком я говорю?

– Ну конечно, надо быть слепым, чтобы не заметить ее! Жан-Мари не дурак, верно? Их повсюду встречаются вместе: держатся за руки, любят друг на дружку. Знаешь что? Я думаю, он попал как кур в ощи!п!

Бертран хлопнул себя по ляжкам и расхохотался, но тут же принял серьезный вид и добавил:

– Заметь, он это заслужил. Так приятно, что дома тебя кто-то ждет, радуется твоему возвращению. Мне, без моей Клодины, жизнь вообще была бы не в радость.

– Он пока не звал ее замуж, – возразила Маэ.

– Ему нужно время, чтобы отрешиться от речи. Ты же знаешь – признаваться в чувствах – не его конек.

Продолжая болтать с Маэ, Бертран достал из кармана табакерку, пакетик с табачными листьями и начал скручивать папиросу. Краем глаза он наблюдал за ней, думая о том, что очаровательная девушка превратилась в красивую тридцатилетнюю женщину. И в ней сохранилась та энергия и решительность, которые позволили ей завоевать доверие моряков. Со временем она как будто забыла о гибели своего жениха, но по-прежнему была одна. И, если не считать нескольких малозначащих эпизодов, она так ни в кого и не влюбилась. Неужели ее ждет судьба старой девы? Это было бы досадно! Что же ей мешало? Может, она была одержима своим делом? Маэ хотела добиться большего успеха, чем Эрван, и продолжала с ним соревноваться даже теперь. Возможно, на нее давили воспоминания об отце, которого она могла слишком идеализировать. Эрван любил повторять, что он начал с нуля, что без чьей-либо помощи выбрался из нищеты. Благодаря воле и трудолюбию из простого рыбака он стал хозяином предприятия. Мало того, он был заботливым супругом, хотя слишком рано овдовевшим; хорошим отцом, который желал лучшей доли своей дочери и отдал ей все, что имел: дом, бизнес. Со стороны картинка выглядела идеальной, но действительность сильно от нее отличалась. Эрван мог быть очень жестоким, и он доказал это однажды ночью. Каждый раз вспоминая, каким образом Эрван разделался с Ивоном, Бертран приходил в ужас. Имел ли он право молчать о том, что видел?

– Ты что-то задумчив сегодня, – заметила Маэ, улыбаясь. – Если тебя утомила эта сеть, Кристоф может тебя сменить.

Бертран опустил голову и посмотрел на свои перчатки, лежавшие на траловой сети. Раз уж он решил хранить свои сомнения при себе, то надо этого придерживаться и впредь. Если Маэ ему не поверит, то этот разговор ничем не поможет, а тогда зачем вообще его затевать? И все-таки его кидало из стороны в сторону, потому что бывали дни, когда он еле сдерживался, чтобы не сказать Маэ всю правду. Может, у него уже мания?

– Хочешь попробовать? – предложил он ей, протягивая табакерку.

– Нет, лучше я угощу тебя пивом. Весна идет – все быстро открылись!

– От светлого «Диволла» ланьенской пивоварни не откажусь, – оно лучше всего утоляет жажду!

На солнце глаза Маэ в точности повторяли цвет океана – то синие, то зеленые. Рано или поздно найдется мужчина, который душу продаст за эти глаза. Бертран был в этом убежден.

* * *

Чтобы не заставлять Маэ ждать, Алан приехал заранее. Ресторан «Реле Сент-Обен», находившийся на выезде из Эрки, занимал здание бывшего монастыря и славился на побережье своим стильным интерьером. Здесь были неоштукатуренные стены из тесаного камня с многочисленными картинами, лазурные скатерти, свечи в серебряных подсвечниках и огромный камин, в котором весело трещали дрова. О более романтическом месте и мечтать было нельзя, к тому же ресторан славился свежайшими морепродуктами.

Сидя за столиком в глубине зала, Алан увидел вошедшую Маэ и с удовольствием отметил про себя, что, как он и предчувствовал, сердце его забилось сильнее. Однако она явно не приложила никаких усилий, чтобы одеться нарядно. На ней были джинсы, уже привычный ему хорошо скроенный пиджак, и под ним – белая блузка. Когда она наклонилась к нему и сдержанно поцеловала в щеку, он почувствовал запах мыла и шампуня, как будто она только что вышла из душа.

– Мне очень нравится этот ресторан, – сказала Маэ, садясь напротив него. – Тем более к вечеру похолодало, а здесь можно погреться у камина!

– А мне очень нравится, что ты пришла.

– Ты так настаивал!

– Я упрямый.

– Ты часто здесь бываешь?

– Последний год – нет. Если ты хочешь спросить, водил ли я сюда женщин...

– Нет! Не оправдывайся. Я тебя ни о чем не спрашиваю.

Она улыбалась, выглядела расслабленной, но он чувствовал, что она готова к обороне.

– Надеюсь, ты голодна, – сказал он мягко. – Потому что здешняя серебрястая сайда в апельсиновом масле – настоящий деликатес.

Пробегая глазами меню, она кивнула.

– Хорошо, а для начала морские гребешки, запеченные с пюре из лука-поррея. Я ищу рецепты, которые могла бы опробовать дома, но повар я неважный. Бедному папе редко удавалось вкусно поесть!

– Тебе сейчас немного легче?

– Его смерть выбила меня из колеи. Мы думаем, что все и всегда будет так, как сегодня, и не ценим этого, а потом... Чтобы перевернуть эту страницу, я освободила дом от всего старого хлама. И стало немного легче.

Сделав заказ, они потягивали пуйи фюмэ^[21] в ожидании гребешков.

– Почему ты никогда мне не перезваниваешь, Маэ?

– Не перезваниваю? Ты шутишь? Хотя да, в последний раз я не перезвонила, потому что не могла связаться со своим траулером и страшно нервничала.

– Теперь все в порядке?

– Да, мы устанавливаем на нем новую радиосвязь. Современные системы почти не ломаются, они очень сложные, мощные, но жутко дорогие!

Она пригубила вино.

– Ты отказалась лететь со мной в Нью-Йорк, по телефону ты говоришь так, как будто куда-то опаздываешь, и я с трудом уговорил тебя приехать на ужин. Поэтому скажи мне откровенно: ты больше не хочешь меня видеть?

Было заметно, что Маэ совершенно растерялась. Вопрос был задан слишком прямо, но он хотел услышать такой же ответ.

– Понимаешь... я не уверена... Мне кажется, у нас с тобой ничего не получится...

– Почему?

– Мы такие разные, Алан! Когда ты выходишь из своего кабинета, твой рабочий день закончен, а я должна быть наготове день и ночь, когда мои суда в открытом море! Думаю, ты хорошо зарабатываешь, а я вкалываю, только чтобы покрыть расходы и прилично платить своим морякам. Ты убежденный холостяк и доволен своей жизнью, а мне хочется создать надежную, крепкую семью, которой у меня больше нет. Я думаю, тебе нравится коллекционировать свои романы, и тебе никто не нужен. Ты любишь классическую музыку, а я ее вообще не знаю. Ты едешь верхом, а я даже пони вблизи не видела. Ты был дважды женат, и тебе сорок лет. Как по-твоему, причин достаточно?

– Совершенно недостаточно, это просто смехотворно! Вот смотри, я продолжу в том же духе! Ты женщина, а я мужчина, у тебя пикап, а у меня купе, у меня серые глаза, а у тебя... голубые? Зеленые? Во всяком случае, потрясающие, я без ума от них. Нет, это смешно, не надо никаких эвфемизмов, я просто влюблен в тебя, вот.

– О...

Маэ немного отодвинулась от стола, потупилась, а потом посмотрела ему прямо в глаза.

– Я не знаю, что сказать, – тихо произнесла она.

Неужели ей хотелось сбежать от него? Чтобы ее удержать, он протянул к ней руку.

– Тебе неприятно это слышать? Ты бы предпочла, чтобы я молчал?

Лицо Маэ мгновенно смягчилось. Она собиралась ответить, и ее губы уже тронула улыбка, когда над ними раздался громкий голос:

– Глазам не верю! Алан, вот так сюрприз!

И прежде чем он успел что-то сделать, Мелани бросилась к нему. Она обняла его за шею и поцеловала, не обращая внимания на его потрясенный вид и нескрываемое отвращение.

– Невероятно, что я встретила тебя здесь! Обожаю этот ресторан и вижу, что ты не один. Позволь, я познакомлю тебя с моими друзьями.

Двое мужчин с безразлично-невозмутимым выражением на лицах стояли несколько поодаль. Алан подумал, что Мелани, наверное, устроила очередной деловой ужин. Хуже момента для ее появления здесь невозможно было представить. Как теперь от нее избавиться?

Он встал, коротко кивнул «друзьям», которые, скорее всего, были потенциальными инвесторами. Мелани воспользовалась

замешательством и обратилась к Маэ:

– Добрый вечер, я – Мелани, жена Алана. То есть, его бывшая жена! Ну, не буду больше вам мешать, похоже, у вас свидание... Ох уж этот Алан, вечно он с красивыми девушками! Вы очаровательны, мадемуазель.

Маэ смотрела на нее, словно застыв.

– Ты действительно нам мешаешь, – холодно заметил Алан. – И оставь свои замечания при себе, пожалуйста.

– Но почему? Она же действительно красивая!

С наигранным смехом Мелани отошла от стола и вместе со своими партнерами села за столик, который оказался, к несчастью, почти рядом.

Вновь садясь за стол, Алан вздохнул.

– Маэ, хочешь, уйдем отсюда?

– Серебристая сайда с апельсиновым маслом, – объявил метрдотель, ставя перед ними тарелки.

Маэ подождала, пока он отойдет, и, посмотрев на Мелани, перевела взгляд на Алана.

– Может, поедим сначала? – предложила она.

– Хорошо. Но у меня нет аппетита. Я должен извиниться за Мелани, она невыносима.

– Она ничем меня не оскорбила.

– А меня оскорбила. Она ничего не знает о моей жизни, мы многие годы почти не общались. Разузнав мой адрес, хотя его не так-то легко найти, она однажды заявила ко мне в кабинет, чтобы убедить меня вложить деньги в ее идиотский бальнеологический центр, который якобы будет приносить сказочную прибыль! Извини, я становлюсь грубым. Но она меня бесит.

– Понимаю.

– И она испортила нам ужин.

– Мелани все это придумала?

– Что именно?

– Твоих красивых девушек.

– Она не может ничего об этом знать. Ей просто хотелось поставить тебя в дурацкое положение, и меня заодно.

Маэ начала есть, но Алану кусок в горло не лез – внутри у него все кипело. Как он мог выносить раньше эту женщину? Встретив ее когда-

то, он сильно ошибся на ее счет, подумав, что она прелестна. Доброй он ее не считал, поскольку уже тогда она показала свою властность и честолюбие, но, по крайней мере, не считал ее злой. Он слишком поздно понял свою ошибку, и ему пришлось дорого за нее заплатить.

– Рыба превосходная, а я в ней разбираюсь, – объявила Маэ, сиюсь улыбнуться.

Она пыталась вести себя так, словно ничего не произошло, но вторжение Мелани изменило атмосферу, и продолжение вечера оказалось под угрозой. И, судя по всему, это был последний шанс Алана. Ему нужно было срочно найти решение. Он мысленно перебрал все места, где можно было посидеть за бокалом вина.

– А что, если мы прогуляемся до казино Валь-Андре? – предложил он без особой надежды.

– Не люблю азартные игры. Но если ты пригласишь меня к себе на рюмку ликера, я могу поехать вслед за тобой на машине.

Не веря своим ушам, он посмотрел ей в глаза и убедился, что она не шутит.

– Если ты будешь пить у меня алкоголь, тебе придется остаться на ночь. Если же ты хочешь спать в своей кровати, могу предложить тебе мороженое. У меня его полный холодильник.

– Хорошо, десерт съедим у тебя дома. Я вижу, тебе не хочется здесь оставаться.

– Совершенно не хочется.

– Обещаешь разжечь камин?

– Обещаю.

– И не будешь меня удерживать?

– Не буду, во всяком случае силой.

– Хорошо. Едем.

Пока Маэ надевала пальто, Алан быстро расплатился по счету и, когда они вышли на улицу, предложил ей ехать за ним.

– Так ты не собьешься с дороги и у тебя не будет никакой отговорки.

Он едва удержался, чтобы не спросить, почему она так легко согласилась ехать к нему, если на ужин пришла с большой неохотой. Мелани прервала их разговор, и он не успел убедить ее в своей искренности, но она оставила ему эту возможность, и он надеялся ею воспользоваться.

Для возвращения домой Алан выбирал узкие тропы и ехал медленно, поглядывая в зеркало заднего вида, чтобы не упускать из виду зажженные фары пикапа.

Подъехав к дому, он поздравил себя с тем, что не выключил свет в доме и лампу в гостиной, потому что дом был виден издалека и, казалось, ждал их. Первым делом он разжег огонь в камине, а потом принес и поставил перед ним вазочки с мороженым.

– С соленой карамелью подойдет? Если нет, у меня есть...

– Отлично, Алан.

Маэ устроилась в глубоком кресле, а он – рядом с ней на ковре.

– Мне надо тебе сказать так много всего, но я не знаю, с чего начать. Ты права, мы – разные, но я думаю, что теперь мы хотим одного и того же. Ты назвала меня убежденным холостяком, и до сих пор, наверное, так и было. Ты сегодня видела Мелани и можешь представить себе, каким мучением был для меня развод. Но и он – ерунда по сравнению со смертью Луизы. Ее задавила машина на моих глазах, и эта картина преследовала меня долгие годы. Я готов был все отдать за то, чтобы найти водителя и убить его собственными руками. От приступов боли и ярости у меня бывали удушья. Должно быть, я поверил, что Мелани поможет мне выбраться из этого ада... Словом, после развода я решил, что получил пожизненную прививку не только от женитьбы, но и от простого сожительства. Я больше не хотел связываться ни в какие истории. А поскольку я люблю женщин, то старался никогда ничего не обещать, чтобы не возникало недоразумений. Так что, да, у меня были короткие приключения, очень приятные, но без последствий. До тебя. Сначала я думал, что все будет как раньше и мы хорошо проведем время по взаимному согласию. Но мысли о тебе не дают мне покоя. Я скучаю по тебе, хочу быть с тобой. И у меня ужасное чувство, что с твоей стороны ничего подобного нет. Я ошибаюсь?

Подняв на нее глаза, он увидел, что она улыбается.

– Послушай, Алан... Какое длинное объяснение! Я не уверена, что понимаю или хочу анализировать то, что ты сейчас рассказал. Да, ты мне казался довольно безразличным, и я не позволяла себе...

Она замолчала, подыскивая слова. Он подождал немного, потом встал и пошел на кухню. Когда он вернулся с подносом, она все так же улыбалась и, казалось, чувствовала себя гораздо свободнее.

– Что будешь пить? – спросил Алан, указывая на бокалы. – Арманьяк или перье?

Шутя, она сначала протянула руку к газировке, но все-таки взяла рюмку с коньяком.

– Прекрасный выбор, у него сорок лет выдержки. Значит, ты остаешься?

– Выходит, так.

– И не сбежишь завтра на рассвете, хлопнув дверью?

– Увидим.

Он чокнулся с ней и снова сел у ее ног.

– Мне нравится твой дом, – сказала Маэ, вдыхая аромат арманьяка. – Он такой уютный.

– Я влюбился в него сразу и купил, даже не попросив времени на размышление. И не жалею об этом.

– Правда, он стоит на отшибе.

– Это и есть его главное достоинство. На самом деле, мои соседи-фермеры живут недалеко. Три километра по дороге, а напрямик гораздо меньше. Поскольку они целыми днями проводят землемерные работы, то следят за всем и знают все, что происходит вокруг. У них тяжелая жизнь, они трудятся всей семьей, но всегда готовы помочь. Если бы не они, моей кобыле пришлось бы плохо – ее нельзя запирать в стойле на целый день. Их дочка обожает лошадей и время от времени выгуливает Пат или выпускает ее побегать по загону.

– А где твоя кошка?

– Прячется где-нибудь, чтобы наблюдать за нами. Появится, когда захочет.

Заметив, что рюмка Маэ пуста, он забрал ее.

– А я хочу тебя. Ты такая красивая! В кои-то веки Мелани сказала правду.

Он встал и протянул к ней руки.

– Иди ко мне...

Они коснулись друг друга – впервые за этот вечер.

– Я люблю твой запах, запах твоей кожи, мне так его не хватало, я вспоминал о нем ночами.

– Я тоже думала о тебе.

– Неправда! Ты сбегала от меня, отталкивала, не замечала...

Он лихорадочно расстегивал ее блузку, а она – его рубашку.

– Нам будет лучше под одеялом, – решил он. – Я тебя отнесу.

Без всяких усилий Алан поднял ее, хрупкую и легкую, и пошел к лестнице.

* * *

Солнечный луч грел щеку Маэ, и она проснулась. В большой кровати Алана она была одна, сквозь наполовину раздвинутые шторы спальни пробивался солнечный свет. Она взглянула на часы: девять утра. Алан, наверное, уже уехал в Ламбаль. В пятницу у него должно быть много пациентов. Мысль о том, что она проведет целый день одна в этом огромном доме, раньше вызвала бы у нее досаду, но сегодня ее это совершенно не смущало. А если она к тому же разберется с кофемашиной, то сможет даже выпить кофе!

Маэ сладко зевнула и потянулась. Перед ней на стене висела одна-единственная картина с изображением лошади. Алан сказал, что это андалузский жеребец, и Маэ снова залюбовалась великолепным животным. Чуть ниже, на откидной доске секретера, лежала груда бумаг и несколько связок ключей. Обстановка спальни, выдержанная в бежево-серых тонах, была типично мужской, почти спартанской. Все в этой комнате, впрочем, как и в остальной части дома, казалось слишком большим Маэ, привыкшей к более скромным размерам. Зато Алан умело расставил повсюду красивую мебель и редкие безделушки, и вместе с ковром они смягчали несколько суровую атмосферу спальни. Ей было здесь хорошо, и она призналась ему в этом еще вчера.

Маэ нехотя вылезла из кровати и пошла в душ. В ванной комнате на табурете она увидела стопку чистых полотенец, приготовленных явно для нее. Алан был очень любезным хозяином... и прекрасным любовником, но это она уже знала раньше. И все-таки скольких женщин принимал он здесь так же любезно и с таким же пылом? Действительно ли он был готов покончить с жизнью соблазнителя, покорителя женских сердец? Он очень много говорил ночью и полностью открылся Маэ, затопив ее любовью и нежностью. Но как она могла стать для него единственной и неповторимой? Она подумала, что в ней ведь нет ничего особенного, во всяком случае, ничего такого, что может заставить его изменить свой образ жизни –

несмотря на все его обещания. Довериться ему полностью она не решалась.

Одевшись, Маэ прошла коридор и начала спускаться по лестнице, но резко остановилась, услышав чей-то мелодичный смех. Оказывается, в доме был кто-то еще. Стоя на ступеньке, она перегнулась через перила и посмотрела вниз.

– Давай, Алан, выбери себе что-нибудь, вот увидишь, тебе понравится!

Голос был молодым, веселым, и Маэ сразу оценила его чарующую интонацию. В ней вновь вспыхнула тревога, она смутно боялась повторения недавней ситуации в ресторане. Наверное, красивые женщины, окружавшие Алана, яростно боролись за него, и Маэ заранее чувствовала себя перед ними беспомощной. Она постаралась изобразить на лице равнодушие и продолжила спускаться по лестнице.

– А, вот и ты! – воскликнул Алан.

Он подошел к ней и широко улыбнулся.

– Выспалась? Я не хотел тебя будить...

Стоявшая у большого стола молодая девушка бросила на Маэ мрачный взгляд.

– Познакомься с Карен – дочкой моих соседей, о которых я тебе рассказывал. Карен принесла мне кучу проспектов о всех видах внедорожников, которые только есть в продаже!

Без всякого смущения он взял Маэ за плечо и на секунду прижал к себе.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он.

И одним махом вывалил брошюры на стол.

– Мой автомобиль-купе плохо приспособлен к бездорожью и гололеду, мне это стало ясно зимой. Посмотри на этот «Ренджровер», он великолепен, правда?

– Это ты любишь машины.

– Но тебя я люблю больше, поэтому важно, чтобы он понравился тебе.

Алан сказал это без всякой рисовки, как что-то совершенно будничное. Карен бросила на него недоверчивый взгляд и помрачнела.

– Пойду седлать Пат, – сказала она неприветливо. – Ей уже невтерпех: она била копытом в дверь стояла, когда я приехала.

– Приятной прогулки, и будь осторожна, – пожелал ей Алан.

– Когда выберешь машину, – добавила девушка, – поговори с папой, он знает одну хорошую автомастерскую.

Девушка вышла из гостиной, словно не заметив Маэ. Ее узкие джинсы и высокие сапоги подчеркивали безупречный силуэт спортсменки.

– Да, – вздохнула Маэ, – похоже, мне надо научиться ездить верхом. Карен часто приезжает сюда?

– Время от времени.

– Она смотрит на тебя с обожанием.

– Ты смеешься? Ей двадцать лет, она девчонка!

– Но очень привлекательная.

– Я не играю в такие игры.

Он казался искренне возмущенным тем, что она подозревает его во флирте с молоденькими девушками.

– Даже ты...

– Что я?

– Даже ты моложе меня на десять лет. Я впаду в маразм гораздо раньше, и ты выкинешь меня, как старый носок.

Рассмеявшись, она возразила:

– Я не заглядываю так далеко.

– А я – да.

Он привлек ее к себе и стиснул в объятиях.

– После этой ночи я полностью твой.

«Попал как кур в ощип!» – подумала она, вспомнив слова Бертрана о Жане-Мари. Она рассмеялась и поцеловала его в краешек губ.

– Как мне сварить кофе?

– Тебе надо просто нажать на кнопку. Мне пора уезжать. Кристина перенесла моих утренних пациентов на другое время, но, наверное, уже заждалась меня.

– Ты не хотел разминуться с Карен, да? – спросила она с лукавой улыбкой.

– Нет, я ждал, когда ты проснешься, чтобы сказать тебе «доброе утро».

– Доброе утро.

Она снова поцеловала его – на этот раз не скрывая нежности.

– Остановись, или я никуда не поеду.

– Давай, беги. Что мне нужно сделать перед отъездом?

– Запри дверь, – ответил он и вложил ей в руку ключи. – У меня два ключа, и второй я отдаю тебе.

Маэ ошеломленно смотрела ему вслед. Не слишком ли он торопит события? Но, взглянув на ключи, она вдруг почувствовала радость. Отдать ей ключи от дома, возможно, было единственным доступным ему способом доказать ей свою искренность не только словами.

Она пошла на кухню, сварила кофе и выпила его, стоя у окна. Вид из окна был великолепен: сад незаметно переходил в лес и казался его частью. Маэ всегда приезжала сюда к ночи и только сегодня утром открыла для себя сказочное очарование этого места. Ей пришлось сделать усилие, чтобы вырваться из мечтательного созерцания; уже давно пора было возвращаться в Эрки.

Выйдя из дома, она тщательно заперла дверь и, уже подходя к машине, услышала хруст копыт по гравию. Из-за дома выехала на рыжей кобыле Карен. Ноздри благородного животного трепетали от возбуждения. Девушка небрежно махнула Маэ хлыстиком и унеслась прочь. Маэ смотрела ей вслед, пока та не исчезла за деревьями. Чтобы не совершать ошибку Алана, ей нельзя становиться ревнивой дурочкой.

– Да, но это непросто! – пробормотала она, трогаясь с места.

Отрицать бесполезно – Маэ была влюблена и уже скучала по Алану. Смогут ли они ужиться вместе, если оба обладают характером, покажет будущее... Во всяком случае, впервые после Ивона она испытывала такое острое чувство счастья. По дороге она вдруг осознала, что громко поет – впервые с тех пор, как умер отец. Быстро преодолев пятнадцать километров до Эрки, она по Морскому бульвару доехала до рыбного порта. В ближайшее время ей надо было думать не об Алане, а о возвращении ее судов. Траулеры-«ракушечники» скоро вернутся после разрешенного сорокапятиминутного сбора моллюсков; «Там бара» находился в открытом море, а «Жабадао» должен был отплыть до рассвета.

Стоя у своего старого пикапа, Маэ глубоко вдыхала морской воздух, пропитанный запахом йода. Как бы ни были сказочно красивы бретонские леса, ничто не могло заменить ей океан. Завтра Армель собиралась перевезти на свою «Фаэзер» навигационные приборы и спасательное оборудование. Даже если она приохотит Жана-Мари к яхтингу, они все равно, как раньше, совершат вдвоем несколько

сумасшедших вылазок в море и, лавируя по ветру, будут рассказывать друг другу о своих любимых мужчинах. Сумеют ли теперь поладить между собой Алан и Жан-Мари, когда встретятся?

Она наклонилась и достала из бардачка бинокль. Да, корабль, который только что прошел мыс Эрки, был «Корриган». Буквально через несколько минут она узнает на рынке в порту, удачной ли была рыбалка. Эрван так и не смог привыкнуть к компьютерным экранам, к дистанционным продажам, к постоянно меняющимся нормативам. А для Маэ, которая обожала эту профессию, все было очень просто.

Маэ долго вглядывалась в горизонт и, как это часто бывало в такие минуты, вспомнила Ивона. Что бы с ней стало, если бы он не утонул в ту ночь? Когда бы она узнала о существовании Артура? Их брак, основанный на лжи, рано или поздно рухнул бы. Стал бы Ивон заботиться о мальчике, которого так тщательно скрывал? Бедный Артур, лучше ему никогда не знать о том, что отец от него отказался. Розенн, уж конечно, не станет этим хвастаться, она придумает другую историю. Океан хранит в себе столько тайн! Как и обещаний, которые она смутно угадывала в это весеннее солнечное утро.

Опустив бинокль, Маэ стояла на причале, готовая встречать свои корабли.

Примечания

1

Ламбаль, Валь-Андре – коммуны в регионе Бретань.

2

Эрки – коммуна в Бретани на северо-западе Франции.

3

Кадуцей – символ медицины – показывает, что автомобиль принадлежит врачу.

4

«Ля Бель Эпок» – («Прекрасная Эпоха») – период последних десятилетий XIX века и до 1914 года.

5

Кир – французский аперитив, представляет собой смесь белого сухого вина и черносмородинового ликера.

6

Пойак – винодельческая коммуна в Бордо.

7

Куинь-аман – традиционный бретонский слоеный пирог, в котором чередуются тесто, соленое масло и сахар.

8

EDF – (Électricité de France) – Энергетическая компания Франции.

9

Сансерр – белое вино, производимое в восточной части долины Луары.

10

«Эр Ликид» (Air Liquide) – «Жидкий воздух».

11

Киш – французский открытый пирог с начинкой.

12

Гранвиль – коммуна на северо-западе Франции, в департаменте Манш.

13

Фоль бланш – сорт винограда и вина в области Арманьяк на юго-западе Франции.

14

Коктейль из шампанского и черносмородинового ликера.

15

Круглый хлеб, из которого вынимают мякиш и наполняют различными маленькими сэндвичами.

16

Религиозный праздник, отмечается во Франции 31 декабря.

17

Сен-Ка-ле-Гильдо – коммуна в Бретани.

18

Мерценария – съедобный моллюск.

19

Овердрафт – кредитование банком расчетного счета клиента при недостаточности или отсутствии на расчетном счете клиента-заемщика денежных средств.

20

Фаэзер (Faézer) – на бретонском языке означает «Победитель».

21

Пуйи фюмэ (rouilly fumé) – изысканное белое вино сорта совиньон блан.